

ДАРЬЯ ЗОЛОТНИЦКАЯ

Я ЗАБЕРУ ТВОЮ ЛЮБОВЬ

СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮБОВНИИ РОМАН

Она спасла ему жизнь и исчезла в ночи. Он не знает даже её имени, но непременно найдёт, ведь девушка стала для него настоящим ангелом. Успешный бизнесмен, привыкший получать всё, что пожелает. А сейчас он желает только её. Но ангел замужем и у неё есть дочь. Станет ли для Громова это помехой или он готов разрушить её жизнь в угоду собственным желаниям?

Он ворвался в мою жизнь, чтобы разрушить её. Властный, жестокий, беспринципный эгоист. Но мне приходится покориться ему, чтобы спасти мужа. Способна ли ненависть перерасти в иное чувство или впереди только разрушение?

Я заберу твою любовь

Дарья Золотницкая

Юлия

Замираю перед телевизором, жадно впиваясь взглядом в экран. На нём тот самый мужчина, которого я пыталась спасти четыре месяца назад в одной из подворотен Москвы. Я оказалась там совершенно случайно. Просто приехала в гости к маме и немного заплутала, выйдя на две остановки раньше положенного. Я вообще страдаю топографическим кретинизмом с самого детства. Могу в трёх соснах заблудиться. Даже в знакомой местности часто теряюсь, а в Москве вообще только второй раз. Мама недавно замуж вышла и переехала из Подмосковья в столицу.

А тут у неё внезапно сердце прихватило и пришлось всё бросить и мчаться к ней, чтобы делать уколы и поддерживать морально. Приехала уже затемно, промахнулась остановкой и пошла по какому-то проулку, пытаясь настроить навигатор, чтобы окончательно не заблудиться.

Ёжась от противного мелкого дождика, тыкала в экран телефона, когда услышала визг резины по асфальту и удар.

Подняла глаза и увидела, что возле поворота лежит мотоцикл, разбитый в хлам. А рядом и сам водитель, который явно был без сознания. Во всяком случае, я надеялась, что он ещё жив, когда бежала к нему.

Вероятно, авария произошла из-за скользкой дороги. Дождь только начался, превращая асфальт в каток. Наверное, водитель просто не справился с управлением, не вписавшись в поворот и вылетев напрямиком в столб.

Упала на колени рядом с мужчиной и прислушалась к сердцебиению. С облегчением поняла, что водитель жив. Но как врач, я прекрасно понимала, что после такого падения травмы могут быть серьёзные. Подняла пластик, который служил очками на шлеме. Не знаю, как эта штука правильно называется. Всегда старалась держаться от мотоциклов как можно дальше.

Шлем снимать было нельзя. Вдруг у мужчины травма позвоночника в шейном отделе, и я своими действиями только усугублю ситуацию. Постаралась привести его в сознание, хлопая по руке. Он открыл глаза, посмотрел на меня затуманенным взглядом и опять потерял сознание.

Скорую я вызвала безотлагательно, глянув адрес по навигатору. И пока ждала неотложку, постоянно пыталась привести мужчину в чувства, повторяя, чтобы он держался, что вот-вот приедут врачи.

Скорая прибыла минут через десять, благо пункт был недалеко, и к этому времени уже рассосались большие пробки. Они расспросили меня о случившемся, зафиксировали мужчине шею и после этого сняли шлем.

Именно в этот момент мне и удалось его рассмотреть.

Но имени я его не знала и родственником не была, поэтому даже не смогла позже узнать о судьбе байкера.

И вот сейчас я видела его в телевизоре живого и здорового.

— Громов Владислав Юрьевич, — говорил диктор. — Успешный бизнесмен, миллиардер покупает какую-то медицинскую фирму, которая занимается разработками в сфере протезирования.

Красивый мужчина в дорогом костюме, с жёсткими чертами лица и колким взглядом отличался от того байкера в вечернем переулке. Но я безошибочно узнала эти глаза и губы, которые назвали меня ангелом, когда врачи загружали носилки в машину. Я понимала, что мужчина находится в полубреду, и возможно, ему мерещится что-то, но это слово засело где-то глубоко внутри.

— «Мой ангел...»

— Юль, ну ты где? Что ты там застряла? — слышу крик мужа из кухни. — Только у тебя получается эту непоседу кашей накормить? Да, вредная девчонка? — следом за голосом мужа слышится залиvistый смех дочки.

— Я иду!

Щёлкаю пультом, выключая телевизор, и спешу на кухню, где Рома безуспешно пытается убедить четырёхлетнюю дочь, что каша — это полезно и её нужно есть.

— Помнишь, я тебе про аварию рассказывала? — вытаскиваю из холодильника пачку сгущёнки и выдавливаю немного в кашу, а потом добавляю туда же горсть малины.

— Которая в Москве случилась? Байкер какой-то?

— Да. Я сейчас его по телевизору видела. Оказывается, это был местный олигарх. Он фирму по протезированию купил вчера.

— Ничего себе! — Рома даже присвистывает.

— Ага. Теперь я хотя бы знаю, что он остался жив.

— Ты стала для него своего рода ангелом-хранителем, — смеётся муж.

— Глупости! Я же ничего не сделала. Только за руку его держала.

— А скорую кто вызвал? Ты сама говорила, что переулок был безлюдным. Возможно, если бы не ты, этот олигарх тогда бы умер.

— Возможно, — соглашаюсь и улыбаюсь, глядя на то, как дочка пытается выковырять ягоды из каши. — Надо кушать всё, — качаю головой, перехватываю ложку и запикиваю дочке в рот приличную порцию. — Помнишь, что ты бабушке обещала, когда она болела?

— Помню, — вздыхает Маришка, зачерпывая кашу.

— Вот и выполняй обещание, а то бабушка расстроится и опять заболеет.

Дочка старательно глотает ненавистную овсянку, явно жалея о своём опрометчивом обещании. Муж улыбается, подходит ко мне со спины и крепко обнимает. Уютно, тепло и спокойно. Кладу ладонь поверх его руки и легонько глажу.

— Может, нам ещё одного ребёнка стоит завести? — тихо говорит он, кладя подбородок мне на плечо.

— Может быть, — отзываюсь. — Но время ещё не совсем подходящее. Надо дождаться повышения, мне обещали. А потом можно будет и в декретный отпуск со спокойной совестью.

— А я хотел приступить прямо сегодня, — Рома прикусывает мне мочку уха, вызывая улыбку.

— Мы можем просто приятно провести этот вечер? — разворачиваюсь в его объятиях и чмокаю в губы.

Как же мне повезло! В свои двадцать шесть я умудрилась и до хорошей должности дорасти, которая маячила на пороге и любимую семью занять. Мало, кому так в жизни везёт.

— Мам, да всё у меня в порядке! Ну мало ли что нам всем снится. Что за глупости вообще? — Вздыхаю, чувствуя, что маму так просто не уговорить. Суеверная она у меня до чёртиков. Ещё и в сны верит, думая, что это нам свыше подсказки посылают.

— Юль, просто так подобное не снится. Очень страшно было. Мне казалось, что болото живое. Оно тебя засасывало, отбирало у нас, а ты даже не пыталась из него выбраться. Как будто смирилась с происходящим, с чем-то неизбежным. Это болото было таким тёмным, пугающим. Что-то должно произойти. Что-то нехорошее, — мамин голос сорвался, и я услышала, как она всхлипнула.

— Ты сказала заветные слова, после того как проснулась? — решила не переубеждать её, а просто успокоить, используя то, во что она верит.

— А как же! Как только проснулась, так и произнесла заговор. И три дня тебе ни о чём не рассказывала. Всё сделала, чтобы беду отвести.

— Ну вот видишь? И потом, сон же тебе не с четверга на пятницу приснился?

— Нет.

— Значит, пустой он. Не бери близко к сердцу. Тебе вообще волноваться нельзя. Помнишь?

— Помню, — вздыхает мама, но голос уже не такой плаксивый. Получилось её немного успокоить.

— У нас всё хорошо. Через два месяца, как и обещала, мы в гости приедем. Только на даче порядок наведём. Её надо к зиме приготовить. Привезём тебе любимых яблок.

— А я пирог испеку, — радуется мама.

— Испечёшь. Маришкин любимый.

— Жду вас очень. Я соскучилась, — слышу, как мамин голос смягчается. Она точно сейчас улыбнулась. Вот и хорошо. Закончили разговор на позитивной ноте. А то она с этим болотом даже меня умудрилась немного напугать, хоть я ей и не призналась в этом.

Убираю телефон в сумочку и становлюсь под козырёк. Уже пахнет осенью, хотя только начало сентября. Но по вечерам стало холодно, а сегодня и вовсе дождь собрался. Уже первые капли на землю начали падать. Как быстро бежит время...

— Красавица, вас подвести? — мужской голос врывается в моё сознание, заставляя прекратить созерцание вечернего неба, опустить голову и вздрогнуть.

Передо мной стоит чёрная тонированная машина. Стекло опущено, а из салона на меня смотрит... Громов!

Я ощущаю, как по спине бегут мурашки. Почему мне стало страшно? Это ведь человек, которого я спасла. Как он здесь оказался? Таких совпадений не бывает! Он запомнил моё лицо и специально искал? Зачем?!

Владислав

В который раз открываю на экране ноутбука её портрет. Мне пришлось долго восстанавливать детали внешности девушки, которая несколько месяцев назад спасла меня. По крупницам собирал её размытый образ.

Больше всего мне запомнились глаза незнакомки. Серо-голубые озёра, которые казались просто бездонными. А ещё губы...

Они раз за разом повторяли, чтобы я не сдавался. Её голос был моей путеводной нитью, за которую я отчаянно пытался ухватиться, чтобы вынырнуть из бездонной боли, разрывающей моё тело.

Мне кажется, что только благодаря этой незнакомке я выжил. Она, не зная того, стала моим ангелом, моей музой, моим наваждением. Специалист, которого я пригласил для составления портрета, потрудился на славу. С экрана на меня смотрела нимфа с невероятными глазами и шоколадного цвета волосами.

В какие-то моменты мне казалось, что через мгновение девушка улыбнётся, а потом заговорит со мной.

Незнакомка не давала мне покоя ни днём, ни ночью. Как только пришёл в себя после аварии, сразу принялся за её поиски. Но прошло уже четыре месяца, а я так и не узнал имени своего личного ангела. И это невероятно бесило!

Иногда мне начинало казаться, что девушка была лишь моим миражом, плодом воображения, которое таким образом пыталось спасти мне жизнь. А вдруг её вообще не существует?

— Владислав Юрьевич, к вам пришёл Дронов.

Секретарь оторвала меня от персональной медитации, вызвав волну раздражения.

— Пусть войдёт.

В кабинете появляется невысокий лысоватый мужчина с хитрыми блёклыми глазками. Но несмотря на свою непрезентабельную внешность, Дронов Николай Алексеевич — это настоящий питбуль в сфере инвестиций. А у меня как раз образовалась энная сумма, которую я хочу выгодно вложить.

— Доброе утро, Владислав Юрьевич, — здороваётся плюгавый питбуль и тут же вольготно располагается в кресле напротив.

— У вас появились стоящие варианты? — закрываю крышку ноутбука, отправляя свою персональную фею в мир грёз.

— Нарисовалась парочка перспективных проектов, и я сразу примчался к вам.

— Давайте коротко и по существу.

— Конечно-конечно, — мужчина тут же достаёт листы из своей неизменной чёрной папки. — Первый проект — это научная фирма. Они занимаются разработками в сфере трансплантологии. Очень перспективное направление. Все эти протезы, искусственные органы... Вы же сами понимаете? Там работают настоящие гении.

— И почему они решили отдаться в руки олигарха? — усмехаюсь. — Кто финансировал исследования раньше?

— Фирме удалось выиграть государственный грант, но эта сумма не смогла покрыть всех потребностей проекта. У этих ребят несколько перспективных лабораторий, а деньги

выделили лишь на один-единственный проект по созданию искусственной кожи. Да и потом, вы же должны понимать, что до учёных доходят лишь крохи из выделенного бюджета. В общем, ребята далеко не дураки и просчитали, что им будет гораздо выгоднее уйти из государственной программы, отдавшись в руки, как вы выразились, олигарха. Особенно подчеркну — практичного и дальновидного бизнесмена.

— Не надо грубой лести, — морщусь и откидываюсь на спинку кресла. — Второй проект?

— Здесь всё гораздо прозаичнее, Владислав Юрьевич. Лакокрасочный завод.

— Почему продаётся?

— Владелец изволил отправиться в мир иной, а там появилось сразу несколько наследников, о которых жена ни сном, ни духом... Короче, делят они нажитое гулящим папочкой. А как известно, в денежном эквиваленте сделать это гораздо проще.

— У меня есть время на раздумья?

— Пара дней. Вы же сами понимаете, что такие перспективные проекты разлетятся лучше горячих пирожков.

— Организуйте мне поездку на оба предприятия. Завтра я лично хочу посмотреть, куда вы мне предлагаете вложить миллионы.

— Я договорюсь и передам информацию вашему секретарю, — кивает плешивый питбуль и оперативно покидает мой кабинет.

А дальше я включаюсь в повседневную рутину, от которой так хочется сбежать к вечеру. Я практически профессионально научился отключать мозг, сбегая от однообразия и серости своих будней, а ещё искать приключения, впрыскивая в кровь просто заоблачные дозы адреналина.

Очередной день подходит к концу, и я по привычке совершаю свой собственный ритуал — несколько глотков кофе перед уходом. Лизавета быстро выучила какой сорт и способ заварки мне нравится больше всего.

— Ваш кофе, — секретарь ставит чашку на стол, соблазнительно прогибаясь в спине. Всё ещё надеется окольцевать меня. Безотказная, горячая, но такая пустая, что иногда воспринимаю её как резиновую куклу. Просто трахаю, чтобы спустить пар.

Отодвигаю чашку и дёргаю Лизу за руку, опрокидывая на стол и буквально впечатывая пышные сиськи в столешницу напротив своего лица. Она смотрит на меня овечьим взглядом и соблазнительно облизывает губы. Если честно, выглядит пошло, но меня это сейчас полностью устраивает. Поднимаюсь, расстёгиваю ширинку и подхожу вплотную к пухлым губам, густо накрашенным бледно-розовой помадой.

Лизавета тут же принимается за дело, пытаюсь помочь себе руками, но я пресекаю эту инициативу. Хватаю её за запястья, фиксируя в довольно неудобном положении. Девушка глухо стонет, но продолжает добросовестно отсасывать, насаживаясь на член с таким старанием, что напоминает не человека, а какой-то станок по удовлетворению.

Находясь на грани, вынимаю из её рта член, чтобы сделать передышку и засадить Лизавете сзади. Она так и лежит на столешнице, отклячив попку вверх.

Резким движением задираю юбку до самой талии, отвожу кружево трусиков в сторону и вхожу в неё до упора. Девушка охает, а потом сама подаётся задницей ко мне, чтобы прижаться ещё теснее. Механически вдальбливаюсь в неё, доходя до разрядки.

Молча застёгиваю ширинку, беру кружку с кофе и делаю большой глоток.

— Ещё что-нибудь желаете, Владислав Юрьевич? — соблазнительно тянет Лизавета,

оправляя юбку и облизывая припухшие губы.

— Свободна, — говорю коротко и шлёпаю девушку по попе. Она картинно взвизгивает и, покачивая бёдрами, выходит из кабинета.

Шлюха.

Лизочку не заботит ни мой внутренний мир, ни мои мысли или переживания. Только толщина кошелька. Был бы на моём месте плешивый питбуль Дронов, она с таким же старанием отсасывала ему.

И почему она считает, что я этого не понимаю? Эти её намёки на то, что отношения пора выводить на новый уровень, уже порядком подбешивают. Я даже подумываю о смене секретаря. Хотя, где гарантия, что она будет столь же добросовестна?

Усмехаюсь, допиваю кофе и покидаю офис. Сегодня поеду домой. Настроения для развлечений совершенно нет. Последнее время вообще ни для чего нет настроения. Хочется только разрушать всё снаружи и изнутри. И виной тому мой личный ангел. Вернее, невозможность его отыскать.

И в чём смысл всех моих миллионов, если они даже простого человека не могут помочь найти? Частные детективы и запрос в органы совершенно ничего не дали. Вверх дном уже половину города перевернул, но всё безрезультатно.

Осталась ещё одна половина. Ты от меня не скроешься, мой очаровательный ангел.

Владислав

Утром долго стою под прохладным душем, чтобы прийти в себя и скинуть липкий дурман беспокойного сна. После несчастного случая мне часто снится авария, и мучат фантомные боли. Врачи разводят руками, говоря, что это психологическое, что организм полностью здоров и советуют к психологу походить.

Плевал я на их советы. Считают меня ненормальным? Хотя иногда мне кажется, что так оно и есть. Выхожу из душа и наливаю себе крепкий кофе. Домработница уже успела приготовить всё, как я люблю. На столе стояли небольшие бутерброды с сыром и зеленью, а в чашке дымился крепкий эспрессо.

Без кофе я совершенно не мог проснуться, да и настроение было прескверным, пока в организм не поступала порция кофеина. Сегодня мне предстояла встреча с научными сотрудниками фирмы по разработке протезов или имплантов? Ни черта в этом не понимаю, но мне чертовски интересно. Что эти учёные там такого разрабатывают и могут ли их разработки принести мне большие деньги?

Лизавета позвонила в девять утра и сказала о времени встречи. Сейчас на часах было уже 10:00. Я мог себе позволить прийти в офис, когда мне заблагорассудится. За десять лет удалось наладить работу своей фирмы до состояния швейцарских часов. Поначалу бывало, что и ночевать на работе приходилось. Сейчас же я появлялся только для того, чтобы проконтролировать работу отлаженного механизма.

Снова зазвонил мобильный, отвлекая меня от созерцания собственного сада в большое панорамное окно.

— Слушаю, — отвечаю напряжённо, увидев на экране номер частного детектива.

— Владислав Юрьевич, мы её нашли.

Мне показалось, что внутренности сделали мёртвую петлю, на мгновение потемнело в глазах, а потом сердце зашло в бешеном ритме.

— Вы не могли ошибиться?

— Эта девушка очень похожа на ваш портрет. Вылитая. Но она живёт в Подмоскowie. А в Москве проживает её мать. Как раз за два квартала до места аварии.

— Пришлите мне отчёт на электронку, — говорю спокойно, а самого бомбит. По телу волнами предвкушение разливается.

Неужели она?

Когда открываю файл, руки трясутся как у алкаша. Не могу с первого раза на значок фото нажать.

ОНА! ЭТО ОНА!

«Даронина Юлия Григорьевна. Замужем, есть дочь (4 года). Работает врачом в больнице города Химки».

Замужем, есть дочь.

КРЕТИН! Почему я решил, что мой ангел свободен и ждёт только меня?

Нафантазировал себе невесть чего...

Но я не могу так всё оставить. Мне необходимо увидеть Юлию, чтобы...

Чтобы что? Что я буду делать? Развернусь и уйду, отпустив своего ангела? Или попытаюсь добиться её? Мне не привыкать идти по головам. Я уже не раз ломал чужие

жизни ради денег, но смогу ли поступить так ради того, чтобы Юля стала моей?

У неё дочь! Ребёнок! С мужем я бы ещё потягался, но их семью скрепляет маленькая кнопка до чёртиков похожая на маму. С такими же большими, доверчивыми серо-голубыми глазами.

Но я должен её увидеть! Сегодня же поеду в Химки. Проведу встречу и сразу отправлюсь туда. Поблагодарю за спасение, приглашу в ресторан. В конце концов, она мне жизнь спасла. Имею я право на простую благодарность?

Всю дорогу до научной фирмы не могу взять себя в руки. Впервые со мной такое. Мысли то и дело возвращаются к Юле, к её фотографиям и досье. На фото она ещё красивее, чем на портрете. Изящная фея с длинными волосами цвета горького шоколада. Пялюсь в телефон как последний кретин. Как же я хочу вновь услышать её голос!

Еле удаётся сосредоточиться на деле, когда приезжаю на встречу. Внимательно слушаю доклад, знаколюсь с сотрудниками, читаю проекты, которые всовывают мне в руки. В итоге прихожу к выводу, что бизнес и впрямь очень перспективный. Я привык полагаться на свою чуйку, а она мне подсказывает, что фирму нужно покупать и чем быстрее — тем лучше.

Сделку назначаем безотлагательно. Завтра сюда придут журналюги, чтобы осветить новое приобретение миллиардера Громова. Всё, как всегда.

Даю указание, чтобы все бумаги по фирме привезли в мой офис. А также все проекты, которые сейчас находятся в работе и те, что только в планах у фирмы. Надо всё изучить, выделить наиболее перспективные направления. Сначала пусть фирма вернёт мне вложенные миллионы, принесёт прибыль, а потом уже всё остальное. Они должны были понимать, на что подписываются, отдаваясь в руки бизнесмену.

В итоге засиживаюсь за бумагами до поздней ночи. Свидание с ангелом откладывается. Завтра. Я поеду к Юлии завтра. Но и на следующий день не получается. Всё закручивается в таком темпе, что даже перекусить некогда.

Пресса, телевидение, Дронов со своим лакокрасочным заводом, на который еду после подписания документов. Снова бумаги, сметы, накладные...

И так ещё три дня. И вот сегодня я, наконец, могу вырваться из всей этой бумажно-денежной круговерти и поехать в Химки. Долго размышляю над тем, как лучше встретиться с Юлией. Позвонить? Да, телефон её мне тоже достали ищейки. Но по телефону легко отказаться от встречи, а я этого никак допустить не могу. Я должен увидеть своего ангела.

Прихожу к решению дождаться девушку после работы. Заезжаю в цветочный, покупаю огромный букет роз и сижу ещё час в автомобиле, дожидаясь её появления. Меня лихорадит так, что руки трясутся. Впервые за долгое время хочется закурить. Спасает то, что давно все пачки-зачачки выкинул.

Детективы за четыре дня слежки до секунды выяснили её график и все маршруты передвижения. Юля появляется чётко в установленное время.

Идёт к остановке, разговаривая с кем-то по телефону. С её волосами играет ветер, который начинает набирать силу. Точно будет гроза. Уже и первые капли дождя на стекло падают. Девушка не замечает припаркованный рядом автомобиль. Она заканчивает разговор, поднимает лицо к небу и о чём-то думает.

Моя маленькая фея. МОЯ! Я для себя всё решил в эту секунду. Не смогу я остановиться на благодарности. Я спать не смогу, если буду знать, что эта женщина принадлежит кому-то другому. Плевать мне на её мужа. И ребёнок не проблема. С моими деньгами я легко могу нанять целый штат нянек. Наверное, я легко смогу принять её ребёнка, ведь девочка так

похожа на маму.

Мне нужен мой личный ангел, моя фея, моя муза. И я сделаю всё, чтобы она стала только моей.

Юлия

Я растерянно хлопаю глазами, не зная, что ответить и как себя вести.

— Начинается дождь, давайте я вас подвезу домой, — нарушает затянувшееся молчание Громов.

— Как вы меня нашли? — задаю самый логичный вопрос в этой ситуации. — И зачем?

— Чтобы отблагодарить свою спасительницу, — ничуть не смущается мужчина и открывает дверь, приглашая сесть в салон. — Это же не преступление?

Просто отблагодарить? Даже от сердца немного отлегло. Хотя взгляд Громова мне по-прежнему не нравится. Он вгоняет в оторопь и заставляет ёжиться как от холодного осеннего ветра.

— Если бы не вы, я бы умер в том переулке. Садитесь, Юлия. Я вас подвезу до дома.

Мнусь, всё ещё не до конца веря в благородные намерения мужчины. Что-то меня в нём настораживает. Сама не могу понять, что именно. Будто кожу током покалывает от его пристального взгляда.

Громов видит мою растерянность, и сам выходит из машины. Но не один, а с огромным букетом алых роз.

— Это вам, мой личный ангел, — улыбается он.

Стоит улыбнуться в ответ и принять букет? Но меня очень смущает, произнесённая мужчиной фраза.

Он стоит в двух шагах и буквально пригвождает взглядом к месту. Вроде бы простой жест благодарности, но что-то на глубине его глаз плещется такое, от чего хочется развернуться и дать дёру сию же секунду.

Возможно, я преувеличиваю и это простая растерянность от неожиданности? Выдумываю себе всякую чушь.

— Спасибо, — наконец отмираю и беру букет. Никогда мне таких не дарили. Сколько же в нём роз? И как я эту красоту домой понесу? Что скажу мужу? — Но не стоило.

— Из-за мужа? — улыбается Громов, а у меня вновь озноб по коже. Он и про мужа знает?

— Вы следили за мной? — задаю волнующий вопрос прямо в лоб.

— Не я. По моей просьбе вас разыскивали частные детективы. Они и дали мне досье.

— Это странно и очень напрягает, — хмурюсь.

— Я привык не оставаться в долгу. Вы мне жизнь спасли, Юлия. Букет — такая мелочь по сравнению с этим.

— Пожалуйста, — говорю коротко.

— Садитесь, — мужчина вновь указывает на авто. — Дождь усиливается. Вы замёрзнете. Я вас просто подвезу. Обещаю.

Сдаюсь и сажусь в автомобиль. Ну не дура ли? Хотя не станет же уважаемый миллиардер делать что-то ужасное с рядовой девушкой? Зачем ему проблемы? И почему я решила, что Громов вообще замышляет что-то нехорошее. Обычная благодарность. Просто напряг тот факт, что он меня разыскивал, только и всего. Но мало ли какие закидоны у богатых... Это мне дико, а для него, вполне возможно, такой поступок в порядке вещей.

Устраиваюсь на кожаном сидении, отмечая, что автомобиль крайне дорогой. Это даже

не мерседес или BMW, а что-то более крутое. Не успела марку рассмотреть. Вроде спереди был какой-то кружок со звериной мордой. Ягуар? Ничего себе!

— Как вы смотрите на то, чтобы поужинать со мной? — спрашивает Громов, когда машина трогается.

— Букета вполне достаточно, — отвечаю.

— Бросьте. Обычный ужин — жест благодарности.

— Я уже приняла вашу благодарность и на самом деле рада, что вы остались живы и всё у вас хорошо, но ужин — это лишнее. Правда.

— Муж, — кивает громов.

— Именно.

— Обед? Тогда и перед мужем не надо будет отчитываться. Просто отлучитесь в перерыв. У вас он есть?

— Давайте обойдёмся и без обеда тоже, — рассматриваю мужчину. Весь с иголки, дорогой, вылизанный. Миллиардер, одним словом. Никогда не видела миллиардера вживую, если не считать того случая в переулке.

Мне кажется, что даже биополе у него особенное. Не такое, как у простых людей. Давящее, агрессивное.

— А если я не отстану?

— Вам придётся. Не силой же вы меня потянете?

Громов как-то неопределённо выгибает бровь, но молчит. И это мне совершенно не нравится.

— Полагаю, вы в курсе и по поводу моего адреса? Я ведь вам его не называла.

— Естественно, — один уголок губ Громова ползёт вверх. Такой весь из себя уверенный. В каждом жесте скользит превосходство.

— Довезёте меня до дома, и мы в расчёте.

Громов молчит. Мы едем в тишине, которую периодически нарушают раскаты грома. Громов и гром. Странно, но у них определённо есть что-то общее. Мужчина кидает на меня странные взгляды, но больше не настаивает на совместном походе в ресторан. И на том спасибо.

Он останавливается возле моего подъезда, разворачивается и пристально смотрит прямо в глаза. А ведь Громов даже навигатор не включал. Этот факт нервирует.

— Спасибо, — говорю охрипшим голосом и собираюсь выйти из машины, но мужчина хватает меня за руку, пресекая дальнейшие действия.

Вздрагиваю от его прикосновения. По коже будто разряд тока пропустили.

— Что вы делаете? — вскидываю испуганный взгляд.

— Там ливень. Просто хочу проводить вас до подъезда. Он снимает свой дорожный пиджак и даёт его мне. Догадываюсь, что хочет, чтобы я его использовала в качестве плаща.

— Не стоит, — пытаюсь отказаться.

— Очень стоит, — произносит он тихо. И это звучит так двусмысленно, что мне снова не по себе становится.

Громов наклоняется и сам накидывает пиджак мне на плечи. Меня тут же окутывает запах дорогих мужских духов.

— Я не хочу, чтобы вы простудились, — говорит он, застывая в каких-то десяти сантиметрах от моего лица. Скользит взглядом по губам, но быстро отводит глаза и увеличивает дистанцию.

Хватаю букет и выскакиваю из машины, чтобы избежать дальнейших неловких ситуаций. Бегом бросаюсь к подъезду, потому что с неба льёт как из ведра. Непогода разбушевалась не на шутку. Громов бежит следом. Его рубашка промокла за каких-то несколько секунд и прилипла к телу, показывая, какая фигура скрывается под ней.

Я отвожу взгляд и отдаю пиджак.

— Спасибо. Я, правда, рада, что у вас всё хорошо.

С этими словами без лишних прощаний проскальзываю в подъезд, оставляя Громова на улице. И только сейчас понимаю, как была напряжена всё это время. Руки трясутся, ноги подкашиваются. Мне стоит больших усилий успокоиться. Делаю несколько глубоких вдохов, стою на нижней площадке, выравнивая дыхание, а только после этого вызываю лифт.

Ничего себе вечернее приключение!

— Привет, родная, — муж встречает меня на пороге и тут же впивается взглядом в букет. — Откуда эта роскошь?

— Ты не поверишь. Да я и сама, если честно, поверить не могу. Меня громов ждал возле больницы. Сказал, что всё это время разыскивал, чтобы отблагодарить.

Рома хмурится.

— Не нравится мне это.

— Я сама в шоке. Он меня ещё и на обед звал, но я сказала, что букета в качестве благодарности достаточно.

— Мама! — из комнаты вылетает Маришка и прилипает ко мне всем тельцем.

— Бог с ним, с этим Громовым. Пойдёмте лучше ужинать, — улыбаюсь, глядя дочку по голове.

Владислав

Люблю трудности. Они держат в тонусе и распалют охотничий азарт. Моя фея в этом плане порадовала. Я был бы разочарован, если бы Юля поплыла с первого взгляда. Простой врач в затрапезной больнице, не имеющий возможности за границу на отдых съездить. Охмурить миллиардера — это такой шанс! Тем более он сам в руки плывёт — бери тёпленьким. А она буквально сбежала. Мой строптивый ангел. Верная. Меня это ещё больше заводит. Шкура дыбом от одного воспоминания о её взгляде и её запахе.

Мимолётное касание как глоток крепкого алкоголя. В голове взрыв, который по жилам в пах опускается. Сдерживаюсь, продолжая играть роль благодарного спасённого. Нет я, естественно, благодарен, но простого «я рада, что с вами всё хорошо» мне недостаточно. Обратный путь в Москву как в наркотическом дурмане. В салоне до сих пор запах её духов. Сладкий, обволакивающий. Он преследует меня даже, когда домой захожу.

Интересно, сколько времени нужно, чтобы сломать моральные устои порядочной женщины? Для каждой есть ключик. На что поведётся Юля? Украшения, дорогие шмотки? Или для неё материальные ценности не важны? Меня это даже разочарует. Тогда эмоции? Острые, сладостные, кружащие голову и заставляющие похоронить свою мораль под неподъёмной бетонной плитой.

Усмехаюсь, наливая в стакан виски и осушая его залпом. Сам люблю пикантные блюда и презираю пресность и серость. А ещё ненавижу скуку, которая преследует меня много лет. Даже в собственном доме чувствую себя неживым. словно эксклюзивный предмет мебели в дорогих стенах. Пусто и холодно.

Веду пальцем по отполированной поверхности стола, размышляя о своей жизни. Постоянная гонка за деньгами к тридцати пяти годам сделала меня бездушным, подозрительным циником. Я лишился друзей, отгородился от внешнего мира, прозябая в пустой, холодной роскоши. Окружил себя охраной и прислугой, относясь к ним так же, как и к себе — как к предмету мебели.

Деньги, деньги, деньги.

Выбраться из нищеты во что бы то ни стало. Я засыпал с мыслями о работе и просыпался с ними же. И только в последние несколько месяцев всё стало по-другому. Было необычно, и мне это чертовски нравилось.

Утром из офиса делаю заказ в ювелирном магазине. Утончённый браслет с бриллиантами. Ни одна женщина не устоит против такой красоты. К украшению добавляю открытку с надписью: «Вы не захотели подарить мне совместный обед, но от этого милого сувенира не сможете отказаться. Ещё раз спасибо за второй шанс. Громов».

Украшение должны доставить вечером, когда вся семья будет в сборе.

И весь день не получается ни на чём сосредоточиться. Я пытаюсь представить реакцию Юлии на свою проделку. Как она будет объясняться с мужем? А какие эмоции испытает по поводу меня? Готов биться об заклад, что ей никогда не дарили столь дорогих вещей.

Снова засыпаю с мыслями о своём ангеле. Как же ломает от желания прикоснуться к ней...

— Владислав Юрьевич, зачем вы это сделали?! — слышу возмущённый голос феи в трубке на следующее утро. Она нашла телефон моего офиса и смогла дозвониться.

Улыбаюсь.

— Чтобы отблагодарить. Я всё написал в карточке.

— Вы хоть понимаете, что подобные подарки не делают девушке с улицы? Они обязывают...

— Сходить с дарителем в ресторан, — перебиваю Юлию. — Я же не отвяжусь, пока вы не дадите согласие. Чувствую себя обязанным и никак не могу отделаться от этого чувства.

— Может быть, вам к психологу в таком случае обратиться?

Про себя смеюсь. Дерзкая. Аж кровь закипает.

— Юлия, ну что вам стоит уделить мне час вашего драгоценного времени? И я отстану.

— Обещаете? — сдаётся она.

— Да, — отвечаю коротко. Вру, но ей этого знать не надо.

— Ладно, — соглашается, а у меня внутри салюты взрываются. Первая маленькая победа. Я знал, что смогу её уломать.

— Отлично. Тогда завтра? Вам будет удобно?

— Нормально, — бурчит, вызывая у меня улыбку.

— Заеду к вам на работу в 13–00.

Юля...Юля...Юля...

У тебя не получится утаить нашу встречу от мужа, потому что я сделаю всё, чтобы он узнал о ней. Благоверный моего ангела работает торговым представителем. В том числе и по ресторанам мотается. Жалкий мужик. Что он может дать Юле? Зарплату в семьдесят тысяч? Постоянную экономию, лишения и прозябание в двушке Химок? Что она в нём нашла? Реально, что? Был бы красавцем, я бы ещё понял. Но на морду обычный среднестатистический мужик, не обременённый высшим образованием и амбициями.

Даже скривился, когда подумал об этом Романе. Это же надо быть таким жалким. Ноль стремлений в жизни. Под боком несравненная женщина, которая ничего у него не требует. Жизнь у мужика удалась.

В кабинет входит Лизавета с моим вечерним кофе.

— Владислав Юрьевич, — улыбается призывно, но у меня, как отрезало.

Глазами указываю на стол и утыкаюсь в ноутбук.

Лиза ставит чашку, ещё минуту мнётся возле стола, а потом уходит.

После того как я нашёл Юлю, на других женщин теперь смотреть не могу. Даже мысль о том, что буду трахать, какую-то левую бабу омерзение вызывает. Я, действительно, спятил. Но мне это нравится.

На следующий день буквально лечу в Химки. Я увижу своего ангела, снова вдохну её запах. Боже, сколько мне придётся ещё продержаться, прежде чем она станет моей?

— Юлия, — протягиваю ей небольшой букет красных роз.

— Снова? Зачем? — вздыхает она, но букет принимает, а потом относит его на работу.

Точно домой не понесёт. Улыбаюсь, дожидаясь её возле автомобиля.

Девушка выбегает спустя несколько минут. Какая-то встрёпанная, раздурманенная. Интересно, что могло произойти за столь короткий промежуток времени? Надеюсь, она сейчас не отправит меня восвояси?

Но вопреки моим страхам Юля садится в машину.

— Как у вас дела? — завожу ничего незначащий разговор.

— Всё хорошо. Владислав Юрьевич, вам заняться больше нечем, как возить меня по ресторанам? Я видела по телевизору, насколько вы занятой человек.

— Не думаете же вы, что я безвылазно сижу на работе? — улыбаюсь.

— Не думаю. Ещё ночью по дождю на мотоцикле гоняете.

— Есть такой грех, — про себя добавляю, что он далеко не единственный.

— Надеюсь, после того случая вы стали осторожнее.

— В определённых смыслах, — отвечаю расплывчато.

Сам каждый жест Юли ловлю. Пытаюсь не пялиться на неё слишком открыто, чтобы не спугнуть. Делаю вид, что мы действительно едем на обед благодарности.

— Я хотела вам отдать, — неожиданно произносит Юля, доставая коробочку с браслетом.

— Вам не понравился подарок? Я могу поменять.

— Не стоит. Я просто не могу его принять этот «милый сувенир», — выделяет последние слова саркастичной интонацией.

— Почему? — приподнимаю одну бровь, в упор глядя на девушку. Мы как раз подъехали к ресторану.

— Это неправильно. Браслет слишком дорогой и замужней женщине некрасиво принимать такие подарки от неженатого мужчины.

— От женатого приняли бы? — интересуюсь с ноткой веселья.

— К чему подобные шутки? — хмурится Юля, укладывая коробку мне на колени.

Резко перехватываю её запястья и буквально млею от этого прикосновения. Девушка с тревогой смотрит на меня. Замерла и даже, мне кажется, дыхание затаила.

— Я не возьму его назад. Вы меня обидите своим отказом. Не хотите носить — не надо. Можете положить его в сундук и передать дочери по наследству. Думаю, она не будет против такого подарка. За него небольшую однушку в Химках купить можно. Будем считать, что это мой вклад в будущее вашей дочери.

— Однушку? — оторопело шепчет Юля. Явно не ожидала, что браслетик настолько дорогой. Видимо, она привыкла мыслить другими цифрами. — Тогда тем более заберите!

— Не заберу, — качаю головой, поглаживая большими пальцами её запястья. Юля вздрагивает и отдёргивает руки, как будто из транса выныривая. — Если попытаетесь оставить его в машине, то снова пришлю его к вам домой курьером.

— Это было очень некрасиво с вашей стороны, — холодно говорит девушка, засовывая коробочку обратно в сумку.

— Что именно? — прикидываюсь валенком.

— Прислать мне подарок, зная, что мужу это не понравится.

— Сильно бесился? — не получается скрыть любопытства в голосе.

Юля хмуро смотрит на меня, поджав губы.

— Извините. Я не хотел, — вздыхаю притворно. — Не подумал как-то. Пойдёмте, а то вам на работу скоро. Мы рискуем не успеть с обедом. Будет очень обидно, — тороплюсь перевести неприятную для девушки тему.

Юлия

Громов вызывает у меня какой-то глубинный страх. Подсознание кричит, что от этого человека лучше держаться как можно дальше. Он галантен, обходителен и всеми силами стремится доказать, что все поступки с его стороны — всего лишь благодарность. Но я почему-то не верю.

Что-то мне подсказывает, что у этого человека есть скрытые мотивы, только понять не могу какие. Зачем я Громову? Обычная, ничем не выделяющаяся женщина с мужем и ребёнком. Миллионерам разве такие нравятся? Не думаю. Тогда, что ему от меня надо?

Открываю меню дорожущего ресторана и стараюсь не ёрзать на стуле от ощущения неловкости. Я одета совершенно не к месту. Скромно и бедно. Эти стены привыкли принимать других посетителей — таких как Владислав. Цены в меню меня ещё больше нервируют. Одно блюдо по стоимости вытягивает на четверть моей заработной платы.

— Я буду кофе и пирожное, — наконец решаюсь.

— Юлия, вы меня обижаете. Я привёл вас сюда не для того, чтобы оставить голодной.

— Я больше ничего не хочу, — отвечаю упрямо.

Громов подзывает официанта и заказывает две утиные грудки под каким-то соусом и салат.

— Десерт будет позже, — улыбается, но я не отвечаю ему взаимностью. Меня его настойчивость всё больше нервирует. — Юлия, а расскажите немного о себе. Как-то неловко сидеть в тишине, не находите?

— Я вообще чувствую себя не в своей тарелке. Молчание не усугубит ситуацию, — говорю сухо.

— Отчего же?

— Оттого, что... а, впрочем, неважно, — отмахиваюсь. Не хочу объяснять очевидные вещи.

— Не привыкли к таким заведениям? — проявляет прозорливость Громов.

— Совершенно. Я не вашего поля ягода.

— А вы знаете к каким полям я тяготею? — в голосе мужчины появляются весёлые нотки. Он со мной играет и это начинает бесить.

— Догадываюсь. Точно не к таким, где произрастают подобные мне растения. Ваш круг должен кричать о статусности. Лощёные барышни в дорогих платьях и украшениях. Пустые куклы или хитрые стервы, но точно не простушки вроде меня.

— Вы себя недооцениваете, — Громов отпивает воды, и даже это у него выходит элегантно.

— Отнюдь. Просто эта ценность немного разная. Скажем, всё равно что сравнивать кислое и мягкое.

Громов издаёт смешок.

— Одно я вижу точно — вы очень умная девушка и умеете вести беседы. Люблю острых на язык женщин. С ними не бывает скучно.

— Спасибо за комплимент, но думаю, сегодня единственный день, когда вы можете насладиться остротой моего языка, — кошусь на официанта, который выставляет перед нами блюда.

Теперь Громов совсем не сдерживается. Его смех мягко разносится по залу.

— Очень жаль, — вздыхает он. — Но вы так и не рассказали мне о себе.

— У меня сложилось впечатление, что вы знаете всё о моей жизни. Чем я могу вас удивить?

— Не знаю, — даже не пробует отпираться мужчина. — Мне интересно, что вам нравится в жизни. Не может же быть, что она ограничивается только домом и работой.

— Отчего же? Это было бы слишком уныло?

Громов пожимает плечами.

— Это было бы слишком похоже на меня, а вы не такая, — ошарашивает он меня своим ответом.

— Я люблю тихую осень и родительскую дачу. Иногда приезжаю туда в одиночестве и сижу у камина или брожу по кромке леса, собирая грибы, — прикидываю, что для миллионера такие занятия должны быть скучны.

— А я не люблю одиночество, — задумчиво говорит он. — Какая в нём прелесть?

— Каждому своё. И я не говорила, что люблю одиночество. Мне нравится иногда уехать из суеты большого города, отрешиться от проблем и просто побыть наедине с собой.

— Я бы тоже хотел попробовать. Пригласите к себе на дачу? — задаёт мужчина очень странный вопрос. Он шутит?

— Нет, — отвечаю прямо. — Это совершенно неуместно, да и в чём тогда смысл уединения?

— Отчего же муж не составляет вам компанию? Или вы специально не берёте его? Хотите отдохнуть?

— Вы лезете не в своё дело, — сержусь.

— Просто хочу понять. У меня совершенно иной уклад жизни.

— Вот именно, — отрезаю сухо, показывая, что разговор окончен.

— Десерт? — улыбается мужчина, видя, что я уже без аппетита ковыряюсь в салате.

Пожимаю плечами.

— Официант, принесите самое вкусное пирожное для моей спутницы, а мне крепкий кофе. А вы, Юлия, какой напиток предпочитаете?

— Чай. Зелёный и без сахара, — отвечаю, но делаю это назло. Всегда любила какао, но сейчас захотелось подчеркнуть, что мы с Громовым разнимся даже в таких мелочах.

Мужчина смотрит на меня пронизывающим до костей взглядом, и кажется, читает мысли, потом кивает, приподнимая один уголок губ и откидывается на спинку стула.

Мы молчим. Кажется, Владислав меня изучает как диковинное животное. Хочется поёжиться от этого взгляда. Я готова сбежать, не дождавшись десерта, но продолжаю сидеть чисто из-за воспитания. Некрасиво вот так себя вести.

Обед мы заканчиваем также в молчании. Громов расплывается, отодвигает стул, помогая мне встать и галантно ведёт под локоток к выходу. Мы минуем фасад ресторана, заворачивая на парковку и тут я вижу своего мужа. Внутри всё замирает. Теперь самое время развернуться и дать дёру, но я не успеваю — Рома замечает нас.

То, что читаю в глазах мужа, заставляет мой мир рухнуть. На деревянных ногах подхожу к нему, наплевав на любые правила приличия относительно Громова. Как так могло получиться? Почему мне кажется, что Владислав причастен к этому ужасному совпадению?

— Ром... — говорю тихо, стараясь не расплакаться. — Я просто хотела отдать ему браслет.

— Отдала? — холодно интересуется муж, бросая взгляд мне за спину.

— Он не взял.

— Кто бы сомневался, — цедит и отворачивается. — Дома поговорим.

Я поворачиваюсь к Громову, достаю коробочку и запихиваю в карман его дорогого пальто.

— Не вздумайте возвращать, — шиплю. — И постарайтесь больше не появляться в моей жизни.

— Мне очень жаль, Юлия, — качает мужчина головой. — Я не хотел, чтобы так вышло.

В голове всплывает роман «Мастер и Маргарита» с его колоритными персонажами. Не могу определить, кого больше мне напоминает Владислав Юрьевич: Коровьего или самого Воланда.

Молча прохожу мимо него, коря себя за то, что согласилась на этот чёртов обед! Рома не заслужил такого, а он сейчас был унижен перед этим холёным снобом.

На работе буквально сгораю изнутри. Ни на чём сосредоточиться не получается, а от меня жизни людей зависят. Будь неладен этот Громов!

Домой прихожу, ощущая себя провинившейся кошкой, которая нагадила в тапок хозяину. Мерзко.

— Ром, — тянусь к мужу, чтобы его обнять.

— Юлия, это уже ни в какие ворота, — отодвигается. Муж старается говорить тихо, чтобы Маришка не услышала.

— Я всеми силами отказывалась, но он пристал как банный лист. Я боялась, что этот Громов продолжить слать подарки. Согласилась на обед только потому, что он пообещал после этого меня больше не беспокоить.

— И ты ему поверила? Ты такая наивная? Да он решил тебя трахнуть, чего здесь непонятного?

— Рома, думай, прежде чем сказать! — поджимаю губы. — Или ты решил, что моё мнение не учитывается в этом вопросе? Даже если и захотел! Я не кукла и не шлюха, чтобы меня можно было купить.

— А такие люди не учитывают мнение других. Ты ещё не поняла? У них есть только их собственное и личные хотелки. На остальных им плевать!

— Ром, извини, что я согласилась пойти с ним в ресторан. Я тебя люблю и никакие Громовы мне не нужны. Понимаешь?

Муж тяжело вздыхает, а потом идёт на кухню. Маришка в очередной раз что-то разбила, и мы заканчиваем этот неприятный разговор.

Владислав

Всё прошло просто идеально, и фея оказалась даже интереснее, чем я себе представлял. Дерзкая, остроумная, непокорная. Просто кровь кипит, как представляю, что под меня прогнётся. Да она не ангел, нет. Чертовка. Ни разу в жизни таких женщин не встречал. Спасибо тебе, судьба-злодейка.

Усмехаюсь, отпивая виски. Сейчас надо придумать, как действовать дальше. Продолжать брать эту крепость нахрапом нельзя. Это как на рыбалке, которую так любил покойный отец. Каждую рыбку выуживать по особому нужно, иначе с крючка сорвётся. И терпение в этом вопросе главное. У меня с этим проблемы, но я готов приложить усилия.

Браслет кладу в ящик стола. Она ещё его наденет, и это будет единственная вещь, когда я буду её любить. Усмехаюсь от такого приторно-сладкого слова.

Надо выждать. Меня будет ломать, но я обязан затаиться. Но из вида свою фею не выпущу. У меня уже созрел план. Звоню частному детективу и говорю, что для него есть работа. Он должен мне доложить, когда Юлия соберётся ехать на дачу. Одна. Вот тогда-то я и составлю ей компанию.

А пока отвлекаюсь на рутину. Две новые компании требуют времени и хороших вливаний. И если лакокрасочный завод — это скука смертная, то протезирование меня заинтересовывает. Будущее уже на пороге. Кибертехнологии — вживление механических деталей в человеческую плоть. А сколько перспектив перед исследованием мозга! Чёрт, да это направление, действительно, может принести миллиарды.

Каждый вечер засыпаю с мыслями о фее. Устал дрочить, но от других баб по-прежнему воротит. И вот, спустя три недели, наконец звонит детектив.

— Юлия Григорьевна взяла билет до Кратово.

— Мне нужен точный адрес.

Тут же срываюсь с места. Сегодня я её увижу.

Дорога до дачного посёлка занимает несколько часов. Но должен признать, в этом месте есть своё очарование. Колоритные деревянные домики, стоящие на окраине леса, создают некую сказочность. От посёлка веет уютом. Когда-то я ездил в подобное место к бабушке с дедушкой. Ностальгия накатила внезапно, вызывая щемящую тоску.

К дому Юлии подъехал, когда начало уже смеркаться. Девушка сидела на крыльце и грызла румяное яблоко.

— Добрый вечер.

Она вздрагивает, роняя краснобокий плод на землю.

— Как вы меня нашли? Зачем приехали?

— Захотелось уединиться в дачном домике. Если честно, меня заинтриговал ваш рассказ.

— Так и уединялись бы где-нибудь подальше от меня! — Юля в бешенстве. Аж кровь закипает.

— Я отчаянно хотел уединиться с вами.

— Владислав Юрьевич, уезжайте.

— Вы меня выгоняете на ночь глядя? — начинаю давить на жалость. — А как же треск камина, бокал хорошего вина и вкусный ужин под уютный разговор. Я всё привёз. Камин и

разговор с вас.

— Что за наглость такая? Чего вы ко мне привязались?

— От одиночества, Юленька, — продолжаю разыгрывать козырь с жалостью.

— Вы привыкли добиваться своего, так? А в данном случае вам хочется затащить меня в постель. Уезжайте.

— В данном случае мне хочется просто приятно провести время за ужином и душевной беседой. Ничего более. Хотите, я вам заплачу?

— Вы уверены, что у вас есть эта самая душа, чтобы вести подобные беседы? Какие к чёрту деньги?! Я для вас проститутка, что ли?!

— Вы для меня ангел, Юленька. Самый настоящий. — Я просто не знаю, как вас ещё уговорить, — пожимаю плечами.

— Никак. Я не намерена приглашать вас в гости, Владислав Юрьевич.

— Жаль, — вздыхаю. — А я так надеялся на приятный вечер.

— Зря, — и с этими словами она скрывается в доме.

Что же, я знал, что примерно так и будет. Сажусь в машину и жду, когда один из телохранителей по-тихому лишит эту строптивицу электричества. Я никогда не сдаюсь и сейчас не намерен. Мужик отрабатывает отлично. Через десять минут слышится треск, и в Юлином доме вырубается свет. Она выскакивает на порог и пытается понять, что произошло, а потом агрессивной походкой двигается к машине.

— Это ваших рук дело? — шипит.

— Что? — прикидываюсь валенком.

— Вы испортили мне проводку?

— Считаете, мне заняться больше нечем? Я что, по-вашему, буду лазить по бурьяну в дорожной одежде, чтобы перерезать вам провода? Это слишком, Юлия, даже для меня.

Девушка закусывает губу.

— Нужна помощь?

— Можно подумать, вы разбираетесь в электричестве.

— Не разбираюсь, но могу глянуть. Вдруг там и разбираться не в чем. В крайнем случае вызову специалистов.

Юлия мнётся. Она что, боится темноты? Вот это удача.

— Ладно, — сдаётся. — Но это ничего не значит.

— Конечно, — киваю и выхожу из машины. — Где тут у вас щиток? Я слышал хлопок.

— За домом.

Достаю телефон и включаю фонарик.

Под ногами шуршат жухлые листья, пахнет яблоками и сырой землёй. Непривычно, но приятно. Мы заходим за дом, и я с умным видом открываю щиток.

— У вас тут провода оплавилась. Хорошо, что замыкание не привело к пожару. Моими усилиями это не починить.

— Жаль, — натурально огорчается девушка.

— Но могу составить компанию. Ночью в деревне да без электричества жутковато. Тем более одной, — давлу на фобию. И срабатывает, чёрт подери!

— Хорошо, — сдаётся она.

— Отлично. Не придётся ужин выкидывать, да и вино больше женщинам подходит. Я не любитель, если честно, — смеюсь, придавая нашему общению нотку лёгкости. Юля должна расслабиться.

Она приносит дрова и разводит огонь в камине, а я расстилаю мохнатый плед на полу и выставляю снесь. Идеальный романтический вечер.

Осматриваю «хоромы» Домишко маленький, но чистый и уютный. Удивляет то, что на полу лежит паркет.

— Присаживайтесь. Давайте выпьем за совпадения, — поднимаю бокал.

— Вы верите в судьбу? — тихо откликается она. Вид у девушки задумчивый. Сейчас никакой агрессии с её стороны. Огонь отбликами золотит ей волосы, играет тенями на лице, делая Юлю настоящей сказочной феей. Или всё-таки ведьмой?

Склоняю голову, смотря на языки пламени. А за окном, тем временем, начинается дождь.

— Не знаю, — отвечаю честно. Никогда не задумывался над этим.

— А я вот часто размышляю на эту тему в последние дни.

— Хотите намекнуть, что это связано со мной? — издаю смешок.

— Я прямо вам об этом говорю.

— Приятно, что вы обо мне думаете, — протягиваю девушке бокал.

— А мне не очень, — хмурится она. — Я с мужем раньше никогда не ругалась, а сейчас мы постоянно на ножах из-за ваших выходов.

— Любите его?

— Очень, — признаётся Юля.

В груди ощущение, что ножом полоснули.

— За что?

— А разве любят за что-то? — она пристально смотрит на меня.

— Ну, положительные качества в партнёре ведь должны присутствовать, иначе, где логика? Разве можно отдать своё сердце отвратительному человеку? Скажем, алкоголику, наркоману или инфанту, неспособному даже о себе позаботиться?

— Курт Кобейн был наркоманом. Считаете, что такого человека не за что было любить?

— Интересный взгляд, — хмыкаю.

— Мой дядя употреблял алкоголь, воровал, лгал, но, когда находился в трезвом состоянии, был просто душой компании, остроумным и добрейшим человеком.

— Возможно, я ошибаюсь в своих суждениях, — развожу руками, показывая, что она меня убедила. А если рассматривать убийц. Маньяков тоже есть за что любить?

Юля задумчиво смотрит на огонь, отпивая вино.

— Не знаю. Возможно, здесь я должна согласиться с вами. Но в любом правиле должно быть исключение.

В который раз ловлю себя на мысли, что кайфую от простой беседы с этой умной женщиной. Мне даже мужчины редко попадались, с которыми интересно было поговорить. Плюс ко всему, Юлия делает это на равных. Не заискивая, не кокетничая и не пытаюсь понравиться. Она плевала на мой статус, хотя ведёт беседу исключительно вежливо. Даже когда злится.

— Угощайтесь, — указываю на корзинку с тарталетками.

— Из ресторана?

— Конечно.

Она встаёт и уходит, а появляется с небольшой тарелочкой в руках. На ней домашний пирог, присыпанный сахарной пудрой.

— Шарлотка, — улыбается. — К вину должна подойти.

- Хотите сказать, что сами испекли?
 - Я не привыкла ходить по ресторанам.
 - Это упущение вашего мужа. Вы достойны самого лучшего.
 - Разве в ресторанах счастье? — отбивает мой выпад в сторону Романа.
 - Нет, конечно. Но комфортная, обеспеченная жизнь — это одно из его составляющих.
- Юля пожимает плечами, давая понять, что не согласна, но спорить у неё нет желания.

Владислав

Непогода внезапно набирает обороты. Дождь лупит по стёклам как сумасшедший. Даже меня немного пробирает. Деревья скрипят под натиском ветра, и все звуки перемешиваются в причудливую, жутковатую какофонию. Видно, что Юле страшно. Она взяла палантин и кутается в него, словно пытается закрыться от внешнего мира.

— Расскажите что-нибудь о себе, — просит, нарушая затянувшееся молчание.

— Википедия справится с этим лучше, — смеюсь.

— Там сухие факты. Мне же хочется прикоснуться к вашей душе. Она у вас есть, Владислав Юрьевич? — девушка выгибает бровку, бросая мне вызов.

— Я в детстве ездил к деду с бабкой на такую же дачу, — говорю первое, что в голову приходит. — Родители много работали и сплавляли меня на всё лето. Я, в общем-то, против не был. Мне нравилось ходить на рыбалку с дедом. Да и друзья водились. Такие же курортники. У меня было нормальное детство, Юлия. Я не родился с золотой ложкой во рту.

— Я считала иначе.

— Думаете, обычному человеку не выбиться?

— Честно говоря, так всегда и считала. Для того чтобы достичь таких высот, как у вас, необходим определённый старт, вложения, связи.

— Или упорство и большое желание выбраться из нищеты.

Девушка смотрит в свой бокал, размешивая вино. Ветер начинает выть, словно собака Баскервилей.

— Наверное, нам лучше лечь спать, — Юлия поднимается, растирая затёкшие ноги. — Только с этим небольшая проблема, — она мнётся, а я поверить в такую удачу боюсь. — Здесь всего одна кровать, — подтверждает она мои догадки.

— Это не проблема, — улыбаюсь. — Я с удовольствием разделю с вами ложе.

Юлия смотрит так, что я чуть не давлюсь следующими словами.

— Обещаю, что буду пайнкой. Никаких приставаний.

— Ещё не хватало, — фыркает она, но видно, что девушка от предстоящей перспективы, действительно не в восторге.

Даже обидно немного. А ещё колко от зависти. Я завидую её мужу, чёрт бы его побрал!

Юлия стелет на небольшом диванчике и приглашает ложиться. Скидываю вещи, оставаясь в майке и трусах. Девушка отворачивается, давая мне возможность залезть под одеяло. Сама ложиться в одежде, ещё и отдельным пледом накрывается.

— Вы считаете меня маньяком? — интересуюсь весело.

— Нет, — коротко отвечает она, кутаясь в тонкий плед.

— В обнимку будет теплее.

— Переживу как-нибудь.

Не настаиваю. Сон не идёт, как и к Юли. Я слышу её сбивчивое дыхание. Камин постепенно гаснет, оставляя нас в темноте. Удар в окно заставляет девушку с криком подпрыгнуть.

— Это всего лишь ветка, — успокаиваю её.

Кажется, она начинает дрожать.

— Вам холодно?

— Нет.

— Страшно?

— Немного, — признаётся. — Сильно, — тут же поправляется. Я с детства темноты боюсь. До обморока просто. Это моя фобия.

— И что же её спровоцировало? — ненавязчиво кладу на Юлю руку. Она не отталкивает.

— Сначала хорошее воображение, а потом со мной неприятная вещь приключилась. Я ездила в летний лагерь и там туалет был на улице. Ночью отправилась по нужде и на меня вылетела сова. Я даже понять не успела, что это. У меня чуть сердце не остановилось. Я заикаться начала. Логопед только через три года исправил ситуацию. Дефект прошёл, а страх остался.

— Печальная история, — теперь смелее её обнимаю, прижимая к себе.

— Угу. Поэтому и вам остаться разрешила. Я бы тут с ума сошла в одиночестве. Но прошу больше меня не преследовать. У вас со мной ничего не получится. Я люблю своего мужа.

— Я уже понял, — говорю тихо, усмехаясь про себя. Это мы ещё посмотрим. И какая у вас любовь сильная и по поводу «не получится».

Утро неожиданно тихое. Буря перешла в задумчивый туман, скрывающий всё под своим покровом. Вышел на крыльцо и вдохнул полной грудью. За ночь отлежал себе всё, что только можно, но фея, сопевшая в моих объятиях, компенсировала все неудобства.

Юля появляется через несколько минут.

— Извините, не могу вам кофе предложить. С электричеством проблемы, — хмыкает она. — Да и мне собираться надо. Электричка меньше чем через час.

— Какая электричка? Я вас подвезу.

— Нет, — категорично отрезает девушка. — Я поеду одна.

— Юлия, вы меня обижаете.

— Это ваше дело, как относится к моему отказу. Одевайтесь и уезжайте.

После этого девушка со мной не разговаривает, и меня это бесит настолько, что всё вокруг разнести хочется, а потом уложить её на этот чёртов диван и как следует оттрахать. Чтобы ноги заплетались и перед глазами тёмные пятна плясали. Но у меня ещё всё впереди.

Веду себя максимально сдержанно.

— А я ведь в вас влюбился, Юлия, — говорю на прощание и выхожу.

До электрички всё же провожаю. Еду рядом и упрашиваю сесть в машину. Но Юлия не сдаётся. Шлёпает по раскисшей дороге, таща тяжёлые сумки. Не понимаю этой неоправданной гордости. Неужели мокнуть и надрываться лучше, чем домчать до своих Химок с комфортом. Возле перрона оставляю свои попытки затащить эту ослицу к себе в машину.

Дня через два отправляю назад браслет. Но теперь выдаю курьеру адрес места работы девушки. Она никак не реагирует, хотя я надеялся на звонок. До ломоты хочется её голос услышать. Постепенно становлюсь бешеным. Яйца с того вечера ноют нещадно. Дрочу по нескольку раз в день, но это не помогает. Перед глазами только фея.

Выдерживаю ещё неделю и появляюсь возле её работы с багажником, забитым розами. Но девушка совершенно не рада. Она от души посылает меня ко всем чертям, уже не стесняясь в выражениях.

— Отвалите! Отстаньте от моей семьи! — шипит сквозь зубы. — Видеть вас больше не

хочу! Никогда.

— Никогда не говорите «никогда», — отвечаю. Бесит! Её непокорность начинает давить на нервы и распалять меня с каждым днём всё больше.

Ничего, у меня имеются козыри в рукаве. И если придётся, я ими воспользуюсь.

Юлия

Домой прихожу вымотанная. Надеюсь, что муж встретит на остановке, но он сослался на какую-то срочную доставку. Пришлось нанимать такси, потому что сил совершенно не осталось. На следующие выходные ещё к маме ехать. Давно поведать обещала и яблочек её любимых отвезти.

— Привет, — нежно целую мужа. Он приехал только к вечеру. — Как вы тут без меня?

— Нормально, — отвечает и уходит в ванную.

— Ром, я на следующих выходных к маме с Маришкой поеду. Ты с нами?

— Я дома останусь, — отвечает, хотя раньше собирался тоже к теще навеститься.

— Что-то случилось?

— Просто отдохнуть хочу.

— Ром, — захожу в ванную и начинаю кокетливо снимать халатик. Маришка на дне рождения у соседки-подружки, поэтому можно немного пошалить.

— Я устал, — повторяет он. — У меня сейчас нет настроения.

— На работе что-то стряслось? — хмурюсь.

— Угу.

— Не хочешь рассказать?

— Не особо. Юль, дай мне спокойно ванну принять.

В душе неприятная взвесь поднимается, но я выхожу, тихонько прикрыв за собой дверь. Пока муж откисает, готовлю его любимый ужин — пару стейков и салат. Выставляю на стол бутылочку холодного пива.

— Такое ощущение, что ты хочешь какую-то вино заглядить, — говорит Рома, разглядывая стол.

— Что за глупости? Я просто хочу порадовать своего мужа.

— Как съездила? — интересуется он со странной интонацией.

— Хуже, чем хотелось бы, — отвечаю честно. Не может же Рома догадываться, что я была на даче не одна. Да и мне нечего себя корить, ведь я ни в чём перед ним не виновата.

— Чего так?

— Свет выбило. А ты же знаешь, как я темноты боюсь. Да ещё этот ураган...

— Нечего на эту дачу таскаться, я уже тебе говорил, — неожиданно вскидывается Рома.

— Но ты же знаешь, как я к ней привязана, да и нравится мне побыть в одиночестве.

Муж вздёргивает уголок губ, залпом допивает пиво и уходит. Да что ж такое-то?

И после этого дня у нас в отношениях наступает ледниковый период. Никакой близости, поцелуев на ночь. Муж общается со мной через губу и на все расспросы не реагирует. Просто отнекивается, говоря, что на работе неприятности.

На выходные мы с Маришей уезжаем к маме, а когда возвращаемся, я застаю Рому в непотребном состоянии. Он пьян вдребезги. Знал ведь, что мы с дочкой сегодня приедем, и позволил себе подобное. Никогда до этого не напивался, а тут...

— Мариш, иди к себе, — мягко подталкиваю дочь, чтобы она не смотрела на пьяного отца. Тот валяется на диване в одних трусах, которые наполовину с него сползли. — Я сейчас приду.

Дочка понимает, что что-то не так и ведёт себя на удивление тихо. Это ей не

свойственно.

— Рома, — трогаю мужа за плечо.

— А-а-а, — тянет, заплетающимся языком. — Явилась? Ну, как поездка?

— Ты почему в таком состоянии? — игнорирую его вопрос и интонацию.

— Потому что всё достало! — слышу неожиданный ответ.

— Я не понимаю...

— У меня жена — шлюха. Что тут непонятного?!

Не сдерживаюсь и влеплю ему звонкую пощёчину.

— А что, скажешь, не так? — не унимается муж.

— Как ты смеешь говорить мне такие вещи?! Я вышла замуж по любви и никогда бы не стала изменять тебе! У нас ведь всё хорошо было. Зачем мне это?

— Как все бабы польстилась на деньги. Где я и где он? Громов, да?

— Ром, у меня с ним ничего не было и твои оскорбления я выслушивать не намерена!

— Да, гораздо приятнее подарочки от миллионера принимать. Льстит, что такой мужик решил к тебе яйца свои пристроить? Только не обольщайся. Ты для него обычная продажная девка, каких были десятки, а то и сотни.

— Язык прикуси! В соседней комнате твоя дочь. Что ты себе позволяешь?

Рома вытаскивает из-под подушки коробочку с браслетом и швыряет в меня.

— Что ты за это сделала? Как он тебя отымел? Во все дырки или что-то на потом оставил?

После этих слов я просто сползаю на пол и начинаю горько плакать. Да разве я заслужила таких оскорблений? Как мой собственный муж может думать подобное обо мне?

— Не строй из себя обиженку, — фыркает он.

— Проспись, а потом поговорим, — бросаю зло и иду заниматься дочкой.

А наутро следующего дня заявляется Громов собственной персоной. Мне девочки говорят, что какой-то умопомрачительный мужчина меня возле клиники дожидается. Ярость накатывает волной. Всё из-за этого гада! Он мне жизнь портит. Выхожу уже на взводе и вижу открытый багажник, битком набитый розами.

Меня буквально разносит. Я высказываю Громову всё, что о нём думаю, не стесняясь в выражениях, а потом разворачиваюсь и ухожу.

После этого Владислав Юрьевич больше не объявляется. Казалось бы, можно выдохнуть спокойно, но собственный муж не даёт. Он всё чаще заявляется с работы выпившим. Мы с ним ругаемся чуть ли не каждый день. Я становлюсь дёрганая, и это даже на работе замечают.

— Может, он себе бабу завёл, а обвиняет тебя? — выстраивает предположения моя коллега, а по совместительству подруга Галина.

— Не знаю. Возможно, это от ревности.

— Ты с ним разговаривала? Пробовала объяснить ситуацию?

— Уже сто раз, Галь. Он не хочет ничего слушать. Не думала, что Рома может быть таким... У нас в отношениях всегда гармония была, а тут его, как подменили. Такие гадости мне говорит!

— Брось его, Юль. Не порти себе жизнь. Дальше только хуже будет, поверь. Тем более, у тебя такой мужик на горизонте маячит.

— Не могу я так. Люблю Рому, да и вину свою чувствую, хотя ничего предосудительного не совершала.

— Сходите тогда к семейному психологу. Я не знаю... но так продолжаться не должно.

Маришка же всё видит. У ребёнка может развиваться психологическая травма.

— Я понимаю. Надо Роме предложить. Хотя сомневаюсь, что он согласится...

— По крайней мере, ты будешь знать, что сделала всё возможное ради сохранения семьи.

— Угу, — тяжело вздыхаю.

И тут раздаётся звонок с незнакомого номера. Почему-то становится страшно. Нехорошее предчувствие начинает ворочаться в груди.

— Слушаю.

— Доронина Юлия Григорьевна?

— Да, это я.

— Ваш муж попал в аварию и сейчас находится во второй больнице. Ему делают экстренную операцию.

Я роняю телефон и падаю на стул.

— Что случилось?! — Галя бросается ко мне.

— Рома разбился, — шепчу, давась слезами. — Он во второй на операции.

— Я сейчас вызову такси, — суетится подруга. — Тебе денег дать? Вдруг там лекарства какие нужны или врачам заплатит?

— Нет-нет. У меня есть, — дрожащими руками поднимаю телефон. По экрану паутинкой трещины расплзлись.

— Маришка, — пытаюсь собраться. — Её из садика надо забрать, если я не вернусь к этому времени.

— Я схожу. Только воспитателю позвони и скажи, что подруга за дочкой придёт.

— Хорошо.

Хватаю сумочку, набрасываю пальто и бегу к такси. Меня колотит. Я не понимаю, что делать. Страх волнами накатывает, не позволяя мыслить здраво. Кажется, что и сердце трещинами пошло.

Влетаю в приёмное отделение, чуть не сбив какую-то девушку.

— Даронин Роман. Мне звонили. Я жена, — чеканю каждое слово.

— Да, минутку, — медсестра уходит. — Ещё идёт операция. Ваш муж в тяжёлом состоянии. Присаживайтесь.

Я падаю на скамью, ощущая, как слёзы катятся по щекам. Сейчас все обиды и ужасные слова, сказанные Ромой, забываются. Я боюсь, что потеряю его. У нас ведь могло всё наладиться. У каждой семейной пары бывают кризисы. Мы преодолели бы его.

— Юлия Григорьевна?

Поднимаю заплаканное лицо.

— Операция закончилась. Ваш муж пока что находится в критическом состоянии, но шансы есть. Но даже если он выживет, останется инвалидом, — звучит жестокий приговор из уст врача. — Позвоночник сильно повреждён. Вашему мужу только чудо может помочь. И ещё. Он сел за руль в нетрезвом состоянии, и я обязан сообщить данный факт в органы. Вам придётся объясняться с полицией. Хорошо, что ваш муж никого не убил. Но пострадавшие есть. Это очень серьёзно, Юлия Григорьевна.

Мой мир разбивается в этот момент на миллион осколков и каждый из них впивается в тело, причиняя невыносимую боль.

Юлия

Ад существует! Я теперь это точно знаю. И никакой он не подземный с кипящими котлами и чертями. В нём не сдирают кожу и не замораживают плоть.

Все ужасы происходят с тобой на земле. Они подкрадываются незаметно, пожирая душу. Никаких чертей, а только бесконечные уколы, капельницы, судна и непонимание, как дальше жить.

Для того чтобы спасти Рому хотя бы от уголовного преследования, я сняла с нашего совместного счёта все деньги и раздала пострадавшим, упрашивая не подавать заявление. Всё равно он уже никогда больше не сядет за руль, и ситуация точно не повторится. Для общества он стал безопасным и совершенно этому самому обществу ненужным...

Травма позвоночника в поясничном и шейном отделе. Диагноз, конечно же, более заковыристый, со множеством непонятных обычному человеку медицинских терминов. Если перевести его на простой язык, то пострадавший в таком состоянии является практически овощем. Тело парализовано до самой головы. И на самом деле, я не знаю, что может быть ужаснее этого.

Приходится продать браслет, чтобы оплатить кучу обследований и консультацию зарубежных специалистов. Все солидарны во мнении — Роману нельзя помочь.

Через несколько месяцев его выписывают из больницы, перенося мой Ад в наше с мужем некогда счастливое гнёздышко.

— Надо поесть, — сижу уже сорок минут возле его кровати, пытаюсь впихнуть хотя бы ложку супа.

— Я сказал, что не буду. Дай мне подохнуть, наконец! Отцепись!

В который раз начинаю плакать. Сейчас в полной мере понимаю фразу: «Когда в семье болеет один, то с ним болеют все». Я сама сильно похудела, напоминая лишь тень себя прежней.

Мамочка приехала, чтобы помогать, потому что я не могла себе позволить неотрывно находиться рядом с постелью мужа. Нам надо было на что-то жить, да и лекарства покупать. А деньги, вырученные с браслета, таяли на глазах.

Как в человеке может содержаться столько слёз? Мне казалось, что я должна была уже все выплакать, но они откуда-то всё равно брались. Я ревела каждую ночь, а каждое утро собиралась и шла на работу. И теперь мне было непонятно, люблю я Рому, или это чувство вины говорит во мне. Он изменился ещё до аварии, а сейчас стал совершенно невыносимым. Я понимала, что ощущать себя растением: зависимым, беспомощным — это ужасно. Иногда даже малодушно спрашивала, зачем господь оставилROME жизнь, заставляя так страдать.

У мужа начались страшные фантомные боли. Он кричал по несколько часов, не давая спать половине подъезда. На меня косо смотрели. Не упрекали, но всё равно я испытывала чувство вины. Маришка стала нервной, у неё началась одышка. Пришлось записать дочку к неврологу и психологу.

Если это не ад, то что тогда?

Стою на кухне, размешивая в кастрюльке манную кашу. Сейчас мне снова предстоит пытка с кормлением мужа. Тупо утыкаюсь взглядом в телевизор. Там идёт репортаж о какой-то клинике.

— Сегодня учёные объявили о прорыве. По их словам, теперь они смогут вылечить любую травму позвоночника. Медики-учёные разработали специальный чип...

Дальше я не слушаю.

— Юля! — мама залетает на кухню. — Что такое?!

Понимаю, что уронила кастрюльку с кашей на пол.

— Клиника, — шепчу. — Она принадлежит Громову. Там смогут помочь Роме. Они изобрели какую-то технологию, излечивающую любую травму позвоночника, — тараторю сбивчиво.

Хватаю трясущимися руками телефон и набираю ненавистный номер. Когда-то я поклялась, что ни за что больше не позвоню ему. Воистину, не зарекайтесь, иначе жизнь вас ткнёт носом в собственные клятвы.

Но до Громова дозвониться не удаётся. Я мечусь по квартире как безумная. Почему он не отвечает? Наверняка ведь знает, что это мой номер!

Я стала ему не нужна, наскучило бегать. Обиделся на мои последние слова. Какая-то безродная нищая девка посмела отказаться от такого мужика, да ещё и х*ями обложила. Наверняка он и не посмотрит больше в мою сторону. Что я могу ему предложить, особенно сейчас? Измождённая, неужоженная. Даже внешность свою продать не смогу. Но я должна попытаться. Для Ромы это может стать последним шансом. Тем более, Громов отчасти тоже виноват во всём этом.

— Юль, куда ты собралась на ночь глядя? А мужа кормить?

— Пожалуйста, дай ему поесть, мне нужно выйти. Срочно!

Я не знаю, где живёт Громов, а в офис ехать уже поздно. Мне просто нужно вырваться на свежий воздух, немного продышаться, прийти в себя.

Слетаю по ступенькам, выбегаю на улицу и подставляю лицо под крупные снежинки. Стою так несколько минут, выравнивая дыхание. Внутри всё рвётся в клочья, но я уже не чувствую боли.

Набираю номер Громова вновь и вновь. Веду себя как одержимая, надеюсь, что ему надоест игнорировать звонки и он возьмёт трубку. Через час уже хочется сдаться, но тут раздаётся холодное:

— Слушаю.

— Владислав Юрьевич, — запинаясь. Голос перестаёт мне подчиняться. — Мне нужна ваша помощь, — говорю очень тихо.

— Смотря какая, — звучит немного колко.

— Мы можем встретиться и поговорить?

— Сама Юлия Григорьевна снизошла до меня, — слышу смешок. — Не думаете, что время ушло, а с ним и моё желание вести с вами беседы?

— Пожалуйста, — помимо воли всхлипываю. Мне сейчас от самой себя горько и тошно. Я готова унижаться ради того, чтобы Громов меня просто выслушал.

— Хорошо. Завтра в два часа в том же ресторане.

И он сбрасывает звонок. Плетусь домой, обмываю мужа, делаю ему уколы, укладываю спать дочку и это всё на автомате. Внутри меня безжалостное пламя пожирает оставшуюся индивидуальность. Гордость, самоуважение — всё в топку.

Утром снова выслушиваю истерику от Ромы. Он опять отказывается есть.

— Пожалуйста, — плачу. Глажу его по отросшим волосам, заглядываю в родные тёплые глаза, которые согревали раньше не хуже камина. Сейчас там только боль, пустота и

безнадёга.

— Юля, — шепчет он. — Ты же медработник. Укради препарат, сделай инъекцию. Я не могу так жить. Пожалуйста...

По его щекам катятся слёзы, которые я стираю дрожащими пальцами.

— Зачем ты говоришь такое? Мы справимся, слышишь? Ты обязательно поправишься, я найду способ...

— Его нет! — начинает орать Рома. — Ты дура? Сколько можно повторять, что я поправлюсь? Думаешь, я идиот? Мои травмы неизлечимы!

В комнату заглядывает Маришка. Она жмётся к косяку, глядя на отца перепуганными глазами. Подбегаю к дочери и увожу на кухню.

— Папе просто больно, — говорю тихо. — Но он поправится, Мариш. Я его вылечу.

Дочка утыкается взглядом в тарелку. Теперь она безропотно ест кашу и очень мало разговаривает. Самой кусок в горло не лезет. Пью пустой чай, отвожу дочь в садик и спешу на работу. Обеденного перерыва жду с замиранием сердца. Даже в порядок себя пытаюсь привести. Долго крашусь перед зеркалом в ординаторской, но результат всё равно плачевный.

— Юль, — на плечо ложится рука Гали.

— Я должна попытаться, — говорю хрипло.

На встречу приезжаю раньше почти на двадцать минут. Стою возле дверей, страшась зайти внутрь. Машины Громова не вижу. Что если он решил не приезжать? Как я буду выглядеть в том роскошном месте? Мне даже за кофе заплатить нечем.

— Юлия, — оборачиваюсь. Не знаю, какое чувство сейчас преобладает: напряжение или облегчение.

Громов смотрит на меня оценивающе. И от этого взгляда хочется сквозь землю провалиться.

— Проходите, — открывает передо мной дверь.

Я на деревянных ногах прохожу в ресторан.

— Что будете? — подталкивает ко мне меню. Мужчина, как всегда просто шикарно выглядит. Передо мной сидит сам Дьявол. Теперь я это понимаю.

— Я не голодна.

Громов вздёргивает бровь.

— Кофе и какой-нибудь десерт, — говорит официанту. — Итак, Юлия. Что вы хотели мне сказать?

— Попросить, — выдавливаю охрипшим голосом.

— Даже так? — хмыкает мужчина. Хочется кинуться и расцарапать ему лицо, но я лишь впиваюсь ногтями в собственные ладони.

— Помогите моему мужу, — говорю еле слышно.

— Что-что?

— Помогите моему мужу, — повторяю более твёрдо. — Пожалуйста. Только вам это под силу.

— И как же я ему должен помочь, а главное, зачем мне это?

— Рома попал в аварию. У него серьёзная травма позвоночника, а учёные из вашей клиники разработали чип...

— Чего вы ждали, идя на эту встречу? — перебивает меня мужчина.

— Я... не знаю. Просто ухватилась за единственную ниточку, — говорю обречённо.

— Вы же умная женщина и должны понимать, что у каждой услуги есть своя цена. Тем более, сами дали мне ранее понять, как вы ко мне относитесь. А сейчас пришли на поклон.

— Я прошу прощения за те слова, — удивляюсь, как не давлюсь своими извинениями.

— Оставьте. Ответьте лучше на вопрос: на что вы готовы пойти, ради выздоровления мужа?

Громов пригвозждает меня взглядом к стулу.

— На всё, — выдавливаю.

Владислав продолжает пристально на меня смотреть.

— Что же. Тогда мы с вами подпишем контракт, — отвечает, наконец. И по его взгляду я понимаю, что мне нужно будет подписать соглашение с дьяволом собственной кровью.

Владислав

Упёртость Юли меня начинает бесить. Я знаю о её муже. Она бьётся как птица в клетке, но помощи не просит. И о продаже браслета я тоже знаю. Чёрт, вот упрямая женщина! Волной накатывает раздражение. И чем больше времени с момента аварии проходит, тем сильнее меня кроет.

Мне на стол кладут перспективные проекты моих учёных. Внимательно изучаю и требую, чтобы все силы были брошены на разработку технологии по восстановлению позвоночника. Просто ко мне приходит понимание, что это единственная вещь, которая заставит Юлю сдаться и обратиться ко мне.

Месяцы тянутся мучительно долго. Очередной Новый год в одиночестве и абсолютно невменяемом состоянии. Наконец, позволяю себе напиться до поросычьего визга и забыть эту строптивицу хоть ненадолго. Сколько раз я проматывал в голове тот момент, когда Юлия покорится обстоятельствам и придёт сюда — в мой дом. Я представлял, как это будет, перебирал варианты. Постепенно пикантность картинок начала граничить с жестокостью.

Мои фантазии стали походить на месть одержимого психа. Возможно, по факту так и есть. Я не могу забыть того, как Юля послала меня. Это воспоминание ядовитой занозой в сердце торчит. И я поквитаюсь за унижение. Половина клиники смотрела, как меня кроют матами. Человека, которому многие акулы бизнеса слово поперёк сказать бояться.

Сейчас я с садистским удовольствием выбирал то, как отымею Юлию в первый раз. Прокручивал варианты снова и снова, ожидая, когда она сломается и позвонит.

И когда это произошло, уже чётко знал, что сделаю. Я заранее составил контракт с описанием всего, что она должна дать мне, на что пойти ради спасения своего мужа. Когда перечитывал, у самого волоски дыбом по всему телу вставали.

Она позвонила. Спустя четыре месяца, чёрт её дери! Когда увидел её номер на дисплее, внутри взрыв произошёл. Как выдержал и не взял трубку сразу, совершенно не понимаю. Но важно было заставить эту строптивицу думать, что мне эта встреча неинтересна.

И сейчас я наслаждаюсь выражением её лица. Она понимает, что я ей предлагаю. Умная ведь девочка.

— Контракт пришлю курьером. Как только вы подпишете, я сразу пришлю бригаду из научного центра, чтобы они забрали Романа на операцию. Предупреждаю о том, что чип ещё не испытывали на людях. Только на животных. Промахов не было. Эксперименты прошли удачно. Но процесс реабилитации болезненный, долгий и весьма дорогостоящий. Вы же понимаете, что в контракте это отразится?

Юлия обречённо кивает, и от этого моё бешенство на новые высоты взлетает. Сжимаю под столом кулаки. Она не должна понять моего состояния.

— И ещё, я дам вам определённую сумму на поход к косметологу. Не хочу видеть в своей постели то, во что вы превратились.

После этого кидаю на стол несколько купюр — оплата за обед.

— И ещё. Постарайтесь питаться нормально. Не люблю, когда женщина подо мной гремит костями.

После этой фразы уйду. Раздражение не унимается. Легче от Юлиного унижения не становится. Она выглядит настолько потерянной и раздавленной, что моментами делается

тошно. Я надеялся увидеть в её глазах вызов, но там лишь покорность и обречённость. Чёрт её возьми! Ударяю ладонью по рулю.

Приезжаю домой на взводе и тут же достаю из сейфа договор. Специально не стал брать его на встречу. Юлия не должна была заподозрить подставу. Она сама пришла ко мне и на этом всё!

Контракт отправляю утром следующего дня. А получив уведомление о доставке, выжидаю пару часов и набираю сообщение.

«Вы ознакомились?»

В ответ приходит лаконичное: «да».

И всё? А дальше? Ведь это она заинтересована в моей помощи. Жду, барабана пальцами по столешнице.

«Я согласна».

Второе сообщение заставляет удовлетворённо улыбнуться.

«Завтра пришлю курьера, чтобы он забрал контракт. Как только бумаги будут у меня, за Романом приедет бригада. И вот ещё что. Думаю, вам лучше перебраться в Москву. Из Химок ко мне вы не наездитесь, а вызывать я вас буду часто».

«Хорошо».

И это слово буквально пропитано теми же эмоциями, что транслировала Юля в ресторане. Отбрасываю телефон и прикрываю глаза. Что же, первый этап пройден, приступаем к следующему.

Открываю интернет-магазин и выбираю просто сногшибательное белое норковое манто. Я давно грезил о том, в каком виде Юля придёт ко мне. И ещё красное бельё. И не просто комплект, а такой, что даже картинка будоражит до боли в паху. Красное и белое... невинность и порок. Усмехаюсь своим мыслям.

Утром следующего дня курьер привозит бумаги, а я отдаю ему посылку. Моя фея ещё живёт в Химках, и я отлично понимаю, что в этом через весь город, а потом и половину Москвы ехать опасно и унижительно. С первым я разбираюсь тут же. Говорю своей охране, чтобы они проследили за перемещениями Юлии. А вот второй пункт... Да, я хочу, чтобы она испытала унижение и стыд. Те эмоции, которые испытал в тот день я. А ещё злость. Возможно, тогда моя фея придет в нужном настроении. Не покорной и смирившейся собачонкой, а дикой тигрицей, готовой разорвать меня в клочья.

В коробку кладу точно такой же браслет, какой она продала, чтобы вытащить своего мужа. Кривлюсь. И что Юля в нём нашла? Жалкое ничтожество. Вместо того, чтобы биться за свою женщину, он просто погряз в своих комплексах, пытаюсь забыться в алкогольном дурмане. Хотя мне это только на руку было.

Я ведь обещал себе, что трахну эту строптивицу, когда на ней, кроме браслета не будет ничего. Буквально облизываюсь в предвкушении.

Юлия

— Рома, так надо! — заламываю руки, когда муж в очередной раз на меня орать начинает. Приехали санитары или как там они называются в научном центре Громова?

— Ты продалась этой мрази?! — кричит муж, а мне так стыдно, что сквозь землю провалиться хочется. Ещё гаже оттого, что он прав.

— Что ты такое говоришь? Помнишь тот браслет? Я его продала, чтобы оплатить лечение, — убеждаю мужа сбивчиво, помогая мужчинам его переложить.

— Юлия Григорьевна, мы сами, — отстраняют меня.

— Как же! Так я и поверил. Браслет что, сам себя клонировать умеет? Думаешь, я не знаю о взятках пострадавшим и о том, сколько ты на лечение спустила? Ты давно его продала! У нас не было таких денег!

— Рома...

В комнату врывается мама и силой утаскивает меня. Я рыдаю, зажимая рот руками.

— Я провожу его, — тихо говорит родительница. — Успокойся, выпей валерьянки. Юленька, солнышко, не надо так убиваться.

Начинаю выть пуще прежнего.

— Иди на кухню, — мама гладит меня по голове. — Я справлюсь. Иди, солнышко.

На подгибающихся ногах прихожу на кухню, падаю на стул и роняю голову на руки, опираясь о столешницу.

Какая же я грязная. Тошно! Опустилась до торговли собственным телом! В этом проклятом договоре такие пункты были, что до сих пор жаром обдаёт от одного воспоминания. И мерзостью. Чувствую себя испачканной. Ненавижу! Громов сделал из меня личную проститутку.

Голоса в подъезде затихают, я поднимаюсь, всхлипываю и выпиваю стакан воды. Мне ещё на работу ехать, а потом в СПА-салон. Громов прямо обозначил свои хотелки. Даже контракт написал. Чёрт бы побрал эту сволочь! Я никогда не чувствовала себя настолько мерзко. Унижено, раздавлено...

— Мам, я задержусь сегодня, — говорю тихо, когда родительница появляется на кухне. — Забери, пожалуйста, Маришку.

— Хорошо, но куда ты пойдёшь, Юль?

Я не выдерживаю и снова начинаю плакать.

— В салон красоты, — отвечаю со всхлипом.

Мама какое-то время молчит.

— Но зачем, да и на какие деньги? — наконец, отмирает она.

— Рома прав, мамуль. Я продалась, — от истерики начинается икота. — Меня Громов купил! — ору зло. — Как вещь! А мне ничего не оставалось... Роме только в его научном центре помочь могут. Я подписала этот чёртов контракт! А ещё он выставил условие, чтобы я в Москву переехала. У нашей клиники есть там филиал, я уже договорилась, чтобы без потери работы, — тараторю сбивчиво, сваливая всё в одну кучу. — Мамочка, можно у вас с дядей Лёшей пожить? Или хотя бы Маришку приютите. Я пойму, если меня не захотите видеть после этого, — давлюсь икотой и затихаю.

— Что ты, солнышко, — мама обнимает меня и гладит по спине. — Конечно же, мы

дадим вам крышу над головой. Для чего ещё нужна семья? Мы должны в трудные минуты помогать друг другу.

— Спасибо, — шепчу.

Потом выпиваю капли и уезжаю на работу.

В СПА на меня смотрят с жалостью. Я объясняю, что мне нужно от процедур, опусти глаза. Никто ведь не знает конечную цель, но мне всё равно так стыдно, что начинает подташнивать.

— Конечно-конечно, — улыбается менеджер, понимая, какие деньги им светит заработать с одного клиента. — Мы всё сделаем в лучшем виде. Проходите, присаживайтесь. Сейчас вызову специалистов.

А потом меня три часа выкабливают, делают массаж, эпиляцию, масочки разные, педикюр с маникюром, обёртывания. После даже не сразу в зеркале себя узнаю. Да, похудела, но теперь я непохожа на измождённую моль. Скорее на изысканную, утончённую модель с сияющей кожей, ухоженными, блестящими волосами и дорогим маникюром.

Расплачиваюсь. Ощущение, что вместо банкнот беру в руки мерзкого слизня. Даже морщусь, кидая бумажки на стол. Менеджер странно косится на меня, но продолжает мило улыбаться. Мало ли какие у клиентки заскоки.

Автобусы уже не ходят, поэтому приходится вызвать такси. Из выделенной Громовым суммы остаётся пять тысяч. Этого как раз хватит на оплату коммунальных в этом месяце. Мне недоставало именно этой суммы.

Мама не спит. Она осматривает мой внешний вид, качает головой и зовёт ужинать.

— Да, Юленька, деньги творят чудеса, — тихо говорит она, выставляя на стол запеканку.

— Это проклятые деньги! — взрываюсь. — Он сам Дьявол! Для него нет ограничений или запретов. Ворвался в мою жизнь и разрушил её. Мам, я ненавижу его, — слёзы начинают капать в тарелку.

Родительница поджимает губы, но ничего не отвечает.

Утром появляется курьер. Оперативно Громов работает. Ещё бы! Хочется насладиться игрушкой побыстрее, за такие-то бабки. Курьер вручает мне большую коробку, просит расписаться и уходит. Иду в спальню, а сама такое отвращение испытываю, словно клубок змей в руках держу. Но контракт подписан, и деваться мне некуда. Дёргаю красную ленту, поднимаю крышку и...меня накрывает злость. В коробке лежит очаровательное белое манто, а поверх него красный комплект невообразимо красивого белья. И тот самый браслет, что я заложила в ломбард ради спасения мужа. Рядом конверт. Дрожащими пальцами, испытывая тошноту, открываю его.

«Приедете только в этом».

Приказ в четыре слова. Меня обдаёт жаром, а затем я буквально коченею, проклиная про себя Громова. Через половину Москвы в этом? Такси мне сейчас не по карману, и он прекрасно знает о моём финансовом положении. Его цель — унижить меня, как в своё время унизила его я.

На работе сосредоточиться совершенно не получается. Я гадаю, как меня станет унижать вечером Громов. Завтра выходные, поэтому мне предстоит отрабатывать всю ночь, а возможно, и больше.

Галя с сочувствием смотрит на меня, но ничего не говорит. Она знает о моём положении в общих чертах. Даже пыталась приободрить в своём стиле.

— Юль, а может, стоит расслабиться и получать удовольствие? — сказала, когда мы вчера пили с ней чай в ординаторской. — Ну, такой мужчина. Богатый, красивый. Он тебе безбедную жизнь обеспечит и дочке твоей! Почувствуешь себя королевой.

— Пока я чувствую себя шлюхой. Дорогой, бесспорно, но шлюхой, — отрезала и на этом Галя отстала.

Вечером закрываюсь в своей спальне, предварительно попросив маму не выпускать Маришку. Дочка не должна видеть меня такой...

Надеваю прозрачный комплект с поясом-корсетом для чулок, а затем и их тоже. Красная тонкая сеточка обхватывает ноги и выглядит потрясающе. Порочно и шикарно. Раньше я не могла себе позволить такого белья. Но сейчас восхищения оно у меня не вызывает, скорее отторжение. После застёгиваю на запястье браслет, сверкающий в свете ламп всеми бриллиантовыми гранями. Смотрю на него пару минут и накидываю манто. мех скользит по обнажённой коже, даря необычные ощущения. И снова этот контраст порочности, омерзения и наслаждения. Хочется подойти к зеркалу и плюнуть в собственное отражение.

После мучительных раздумий всё же, вызываю такси. Плакала оплата коммунальных, но в общественный транспорт в таком наряде я не поеду. Кружевная резиночка от чулок то и дело выглядывает из-под края манто при ходьбе. Да и браслет этот. Меня прирежут в первом же переулке, но предварительно изнасилуют, а потом ограбят. Может, это и есть месть Громова? Хочет покончить со мной таким способом?

Вздыхаю, ещё раз смотрю на себя в зеркало, ловлю взгляд мамы, высунувшейся из спальни Мариши, и выхожу. Перед смертью не надышишься.

Владислав

К приходу феи тщательно готовлюсь. Кухарка по моему приказу делает ужин, горничная расставляет свечи. Потом прислугу из дома выгоняю и говорю, чтобы только через пару дней приходили. Если Юля рассчитывает утром уйти, то глубоко ошибается. Я слишком долго её ждал, чтобы так быстро отпустить.

Что же, мой маленький строптивый ангел, ты теперь принадлежишь мне. Улыбка трогает мои губы. И тут раздаётся стук в дверь. Охрану я предупредил, чтобы Юлю пропустили, как только она приедет.

Открываю и на несколько секунд замираю, сглатывая тугой комок, образовавшийся в горле. Моя фея прекрасна. Она кидает на меня злой взгляд, но тут же глаза опускает. Хмыкаю. Неужели моя маленькая провокация удалась?

— Проходи. И да, я подумал, что нам стоит перейти на «ты».

Юля делает решительный шаг в дом, разувается и тут же скидывает манто. Взрыв у меня в голове. Жадно пожираю её глазами. Само совершенство.

— Приступай, — безжизненным тоном произносит она, а у меня перед глазами темнеет.

Юля считает, что я к ней, как к шлюхе отношусь?

— Пойдём, — бросаю сухо и иду в гостиную. Там уже стол накрыт.

— Решил трахнуть меня красиво? — Юлины губы трогает ядовитая ухмылка. — Мне на стол ложиться вместо десерта или основного блюда?

Её голос дрожит от злости и обиды.

— На твоём месте я бы прикусил язык, — говорю с мнимым спокойствием.

— Радуйся, что ты не на моём месте и тебе не приходится чувствовать себя последней швалью, — Юля сжимает кулаки. — Это мерзко, знаешь ли, — добавляет.

Прожигаю её взглядом и делаю резкий шаг, останавливаясь в паре сантиметров. Она стоит, опустив голову. Не хочет мне в глаза смотреть.

— В договоре есть пункт о том, что каждый из нас обязуется вести себя корректно и не унижать другого на публике, — её голос ломается.

— Есть такой пункт, — от близости ангела моё дыхание сбивается. Её запах одуряет, а вид просто лишает рассудка.

— И что же? Великий и ужасный Громов не считает нужным соблюдать этот пункт? — хрипит она. Понимаю, что Юля начинает плакать. — Я бы всё равно пришла. Ты это прекрасно знал.

— Чем я тебя унижил? — интересуюсь.

— А ты считаешь, что поездка через два города в таком виде — это нормально? Меня могли изнасиловать, ограбить и убить! У меня маленькая дочь!

И тут Юля вскидывает лицо. По её щекам катятся слёзы.

— Я приставил к тебе охрану, но надеялся, что у тебя хватит благоразумия приехать на такси, — говорю правду частично. Сейчас не ощущаю удовлетворения от своей победы. Мало того! Чувствую себя законченным ублюдком. Впервые. И это неприятно.

— Ты прекрасно знал, что у меня нет возможности оплатить такси. Я в этом уверена. Ты сделал это специально.

Чёрт!

Слёзы катятся по её щекам сильнее с каждой секундой. У меня ощущение, что на моей шее удавка, и она затягивается, лишая кислорода. Резко выдыхаю, бережно беру девушку за подбородок и начинаю целовать солёные дорожки. Юля замирает от моих действий и как-то сжимается вся.

— Прости, — выдыхаю. Бл*ть, ни у кого раньше прощения не просил. Никогда! Даже у родителей. Что эта женщина со мной делает?

Она молчит, а потом громко всхлипывает.

Бережно прижимаю хрупкую фигурку к себе, ощущая, как Юля дрожит всем телом. Замёрзла или боится меня?

— Мой ангел, — шепчу и припадаю к её губам. Юля не сопротивляется, обмякая в моих руках, но и не отвечает. Она сейчас напоминает безвольную куклу.

Рычу от злости. Только не пойму на себя или на неё больше злюсь. Внутри буквально клокочет. Её покорность бесит и подстёгивает на безрассудства.

— Мне должно нравится, — шепчу ей на ухо. — Помнишь?

Она распахивает глаза, убивая меня взглядом. И я снова её целую. Мягко, нежно, медленно. Обвожу кончиком языка чувственные губы, неторопливо играю с её языком. Она откликается, но отдачи по-прежнему нет. И это бесит, пробуждая во мне чертей.

— Пойдём, — увлекаю её за собой в гостиную.

Огонь в камине бодро потрескивает, наполняя помещение мягким светом.

— Садись. У меня тоже, как видишь, камин есть, — криво улыбаюсь.

Юля опускается на мягкую шкуру и подбирает ноги к груди, обхватывая себя за колени. А я приношу два бокала с вином. Надо помочь ей расслабиться. Чувствую себя чуть ли не насильником. Хотя на что я надеялся? Что эта строптивая женщина упадёт в мои объятия? Что она раньше соблюдала рамки приличия и прогоняла меня только потому, что так было надо? Наверное...

Я привык, что женщины стелются передо мной. Я для них лакомый кусок. Возможно, в глубине души я просто не верил Юле. Считал, что контракт всё изменит? Она поймёт, что больше не надо ломаться и строить из себя приличную? Да, отчасти так и думал.

Но увидев сегодня выражение её лица, почувствовал себя настоящей мразью. Хотя отступить я всё равно не планировал. Поздно. Слишком многое я сделал, чтобы эта женщина оказалась в моих объятиях.

Юля от вина не отказывается. Залпом опрокидывает в себя бокал и просит ещё. Хмыкаю и приношу сразу бутылку. Следом отправляются ещё два бокала, и девушка тут же хмелеет. Тут же понимаю, что она была голодная. К блюду с канапе она так и не притрагивается.

— Поешь, — протягиваю ей шпажку с красной рыбой.

Она безропотно отправляет кусочек в рот и устремляет взгляд на огонь.

— Слушай, Громов, — тянет.

— Просто Влад.

— Хорошо. Просто Влад, давай уже с этим покончим? Трахни меня, и я пойду домой.

Неожиданно Юля поворачивается ко мне, убирает в сторону посуду, а затем ложится на шкуру, широко разводя ноги.

— Смелее, — холодно подбадривает. — Поймёшь, что у меня там всё точно такое же, как у других.

Сжимаю зубы и резко вскакиваю на ноги. В паху такие прострелы, что искры из глаз

вышибает. Подбираю сполна её манто и накрываю фею, которая сейчас больше демоницу напоминает.

— Ну уж нет, — откидывает она шубку в сторону, а затем встаёт и пошатываясь приближается ко мне. — Хватает за ворот рубашки и ведёт к креслу, толкая меня в него.

Я молча подчиняюсь.

Юлия

К моменту, когда доезжаю до дома Громова, уже дохожу до точки кипения. Во мне всё бурлит и клокочет, требуя выхода. Как же! Он оговорил пункт о том, что никакого прилюдного унижения с обеих сторон. А сам? Как это назвать, если не унижением? Даже водитель странно всю дорогу косится, периодически хмыкает в усы, но слава богу, молчит. И лучше, если он меня за шлюху принял, а побрякушку на запястье и шубку за подделки. В ином случае и до лесочка можно проехаться, да там и остаться на веки вечные.

Я сжимаю руки в кулаки, ощущая, что силы постепенно покидают меня. С каждым шагом по чуть заснеженной дорожке становится всё гадостнее. Охранники, сопровождающие до дверей, сохраняют невозмутимый вид. Ждут, когда барин откроет и тут же уходят.

Не хочется оттягивать момент своего падения, поэтому тут же шубу скидываю и прямо говорю Громову, что готова. Вижу по выражению лица, что мужчине такая прямота не нравится. А чего он, собственно, ждал от меня? Что упаду в его объятия с воплями радости и буду воодушевлённо постанывать, пока он будет меня трахать?

Неприятный разговор окончательно выбивает меня из колеи, и уже невольно сдерживать злые слёзы, которые со жжением рвутся наружу. И тут Громов ведёт себя неожиданно. Он нежен. Сцеловывает каждую слезинку, ласкает пальцами овал лица, но моего положения это не меняет. Я просто дорогая шлюха, продавшаяся в обмен на услугу.

В гостиной ждёт романтический ужин. Едва удаётся сдержать усмешку. Романтики ему захотелось? И как он себе это представляет? Выдаю всё, что в этот момент на языке крутится.

Громов каменеет. Сжимает кулаки, раздувает ноздри, в глазах сверкает раздражение. Красивый мужик, тут мне возразить нечего. Но и гнилой насквозь, и это полностью нивелирует достоинства внешности. Сегодня он оделся без пафоса. Обычная чёрная рубашка и брюки. Ворот соблазнительно расстёгнут, рукава подкатаны. Хорош, но меня это совершенно не трогает. Мерзко от одной мысли, что придётся ноги перед ним раздвинуть. Сама ситуация дикая и отвратительная.

Эмоциональный разлад приводит к тому, что я банально пытаюсь выпить, чтобы не было остроты ощущений от предстоящей близости. Но отчего Громов идёт на попятную? Добивался ведь именно этого. В чём проблема? Вот она я — бери. Но ни один контракт не заставит меня испытывать искреннее желание, да и вообще что-либо положительное к этому человеку.

Там написано, что ему должно нравится и приносить удовольствие то, чем мы будем заниматься? Никаких истерик с моей стороны и беспрекословное выполнение любого каприза. Что же...

Оттесняю его к креслу, подстёгиваемая алкоголем в крови. Главное, сейчас сделать этот шаг, переступить черту. Возможно, тогда будет легче?

Толкаю его, и он подчиняется, выжидающе глядя на меня. А я медленно отстёгиваю чулки от пояса. И не потому, что желаю сделать это томно и красиво, нет. Просто пальцы не слушаются. Громов наблюдает. Наконец, справившись с последней застёжкой, стягиваю тонкие чулочки и начинаю привязывать его запястья к подлокотникам. Стараюсь сделать

это туго, чтобы он не смог сбежать. Мне надоело то, что он оттягивает момент. Сейчас сама всё сделаю и поеду домой.

Дыхание мужчины учащается, а потом сбивается, когда я тянусь к его ремню. Мешает рубашка, поэтому расстёгиваю её и отодвигаю, оголяя накаченный торс. Громов за собой следит. Неожиданно возникает желание потрогать пресс. Списываю его на алкоголь. Уже протягиваю руку, но в последний момент отдёргиваю, возвращаясь к брюкам.

Ремень поддаётся сразу, затем молния... и я утыкаюсь взглядом в довольно внушительный агрегат. Даже сглатываю невольно. В горле внезапно пересыхает. И как мне с этим справиться, если я сама не возбуждена? Будет же больно. А и плевать.

Перекидываю ногу через него и начинаю опускать бёдра.

— Юля, — хрипло. Замираю. — Поцелуй меня, — в приказном тоне.

Подчиняюсь, ведь я должна. Любая прихоть... Надеюсь только, что он не извращенец.

Горячий язык врывается ко мне в рот, и я начинаю задыхаться. Громов дёргается в попытке освободить руки, но привязала я его крепко.

— Развяжи, — приказ мне в губы.

Качаю головой, отодвигаю край трусиков и резко сажусь на него. В глазах тут же темнеет. Я стону от боли, но довожу дело до конца и замираю.

— Ну как? — усмехаюсь, глядя ему прямо в глаза. — Ощущается эксклюзив?

Мужчина издаёт рык и каким-то чудом разрывает одну из повязок. Тут же освобождает другую руку, поднимает меня с себя, встаёт и дёргает за собой. Чувствую, что игры и его терпение кончилось. Одним махом он отправляет половину посуды на пол, укладывает меня на стол и рывком разводит колени.

— Значит, основное блюдо, — издаю усмешку, стараясь скрыть за ней страх. Между ног саднит и ноет. У меня уже давно не было близости с мужчиной, и это резкое проникновение сделало своё дело.

В следующую секунду с меня слетают трусики, и горячие губы прилипают к лону. Невольно выгибаюсь от контраста, но не издаю ни звука. Громов медленно обводит языком клитор, поднимает голову и смотрит на меня.

— Зачем? — интересуется хрипло.

Я закусываю губу.

— Тебе же больно, маленькая.

От того, насколько ласково это звучит, по щеке непроизвольно скатывается слезинка.

— Ты мой ангел, — шепчет, и снова проводит горячим языком по клитору. — Я люблю тебя, — срывается тихое признание с его губ.

— Это не любовь, — втягиваю воздух, когда язык погружается в меня. — Это жажда обладания.

Господи, что он делает? Я надеялась, что алкоголь притупит неприятные ощущения, но не думала, что он обострит приятные. Рома никогда так меня не ласкал. От невольного сравнения и злости на саму себя, сжимаюсь.

— Тш-ш-ш, — горячее дыхание обдаёт лоно. Как же это всё неправильно, грязно, стыдно и...

— М-м-м, — стону, ощущая сладкий спазм внизу живота.

Я готова провалиться сквозь землю, дать себе отрезвляющую пощёчину, но только замираю, понимая, что проиграла себе же.

Нет, Громов не победил, это я позорно капитулировала. Вернее, моё тело. Порочность

картины перед глазами просто зашкаливает. Влад поднимает потемневший взгляд и чувственно ведёт языком по складочкам.

— Смотри на меня, — звучит мягкий приказ, когда я пытаюсь закрыть глаза, чтобы не видеть этого. — Юля!

Распахиваю глаза и тону. Меня утягивает в тёмную бездну, где обитают самые настоящие чудовища. Задыхаюсь, пытаюсь выплыть на поверхность, глотнуть хоть немного воздуха, но не получается.

— Мой ангел, — шёпот на грани слышимости.

И когда я готова выгнуться в экстазе, Влад рывком подтаскивает мои бёдра, поддерживая под ягодицы, и медленно заполняет меня собой. Осторожно, по сантиметру. И снова в глазах темнеет, но теперь от удовольствия. Как же я себя презираю!

Всхлипываю от противоречивости чувств, а затем мой рот снова попадает в плен. Язык вторит движениям снизу, и это настолько порочно, что мне хватает всего нескольких толчков, чтобы достигнуть пика.

Хватаюсь за твёрдые плечи, пытаюсь не кричать. Чёрт бы подрал этого мерзавца!

Когда всплеск удовольствия сходит на «нет», осознание произошедшего с удвоенной силой бьёт по голове. Пытаюсь высвободиться, чтобы сбежать. Куда-нибудь. Да хоть в ванную. Но Громов не отпускает. Он не насытился. И ещё минут десять в комнате раздаются влажные шлепки, а потом его грудной стон.

— Ты... — выдыхаю. — Мы не предохранялись! — нахожусь на грани истерики.

Владислав

Я специально не прописывал пункт в контракте про предохранение. Оставил себе лазейку. Но Юля ведь могла позаботиться об этом и сама. Почему не приняла таблетки или ещё чего? Она смотрит на меня с такой паникой в глазах, что становится неприятно. Я ведь думал о детях от неё...

— Ты не приняла таблетки? — приподнимаю бровь, играя роль.

— Нет, — выдыхает она. — Мне надо в аптеку! — вырывается из моих рук, соскальзывает со стола и судорожно начинает метаться по комнате.

— Успокойся! — ловлю её и прижимаю к себе, фиксируя запястья. — Сходи в душ. Завтра съездим.

Она затихает, а потом начинает трепыхаться.

— Я поеду домой! Вызови мне машину!

— Нет, — говорю сухо. — Завтра.

— Но...

— Никаких «но». Я сказал — завтра.

Юля вздыхает, но подчиняется. Веду её на второй этаж в свою спальню.

— Держи, — протягиваю рубашку. — Ванная, — указываю на кабину, встроенную в угол спальни.

— Но она прозрачная, — мнётся девушка. — Я хотела бы уединиться.

— Нет, — отрезаю.

Вообще-то, стекло можно сделать матовым одним нажатием кнопки, но я хочу насладиться видом.

Юля беспомощно смотрит на меня, поджимает губы, но безропотно идёт в кабинку. Скидывает бельё, включает воду и становится под упругие струи. Чёрт! Я ведь только что разрядку получил, а хочу её так, что скулы сводит.

Быстро скидываю с себя одежду и захожу к ней.

— Влад, — слабый протест срывается с её губ, когда я обнимаю своего ангела.

Скольжу пальцами по животу, по аппетитной груди, целую в плечо. Она не шевелится. Только дышит прерывисто. Не выдерживаю.

— Юля! Да повернись ты ко мне! Я же всё для тебя сделаю!

— И что потребуешь взамен?! — Юля поворачивается и с вызовом смотрит прямо в глаза. — Душу продать? Ведь тело ты уже получил.

— Зачем ты так... Я полюбил тебя ещё тогда — в переулке.

— Так не бывает. Ты болен, Влад!

Сжимаю кулаки и веду по её скуле костяшками.

— Это судьба.

— Ты разрушил мою жизнь. Бесцеремонно влез в неё, считая, что тебе всё дозволено. Я была счастлива, мы с мужем думали о втором ребёнке!

— С этим бесхребетным слизнем? — шиплю. — Он даже бороться за тебя не стал. Просто решил спиться. Чего ты в него так вцепилась?

— А ты лучше? Эгоист...

Она хочет ещё что-то добавить, но я хватаю её за волосы и впиваюсь в припухшие губы.

— Ты передумаешь, — шепчу.

Девушка обмякает в моих руках и начинает оседать.

— Юль? — подхватываю её, выношу из ванной и укладываю на кровать. — Когда ты ела?

— Утром, — шепчет она, сворачиваясь в клубочек.

Матерюсь, наматываю на бёдра полотенце и спускаюсь за едой. Набираю на поднос корзиночек с паштетом, сырную и мясную нарезку, фрукты и сок. Юлю застаю в той же позе. Она безразлично смотрит в стену, даже не потрудившись укрыться или взять полотенце.

— Поешь.

Хватаю свой махровый халат и укутываю в него дрожащую девушку.

— Юль, если ты сейчас же не поешь, я затолкаю еду в тебя силой.

— Только еду? — жёстко говорит она, но берёт корзиночку.

— Бл*ть! — срываюсь и выхожу из спальни.

Наматываю по дому несколько кругов, чтобы немного успокоиться. Залпом осушаю стакан виски и только после этого возвращаюсь в комнату.

Девушка спит, забравшись под одеяло. Поднос она отставила на тумбочку. С удовлетворением отмечаю, что поела Юля нормально. Ложусь рядом, осторожно обнимая эту строптивицу. Ничего, она поймёт и примет меня. Нужно только немного времени.

Проснувшись, понимаю, что просто не смогу оставить фею. Она такая милая, расслабленная сейчас. Ныряю рукой под халат, оглаживаю нежное бедро. Юля всхлипывает и бормочет что-то сквозь сон. Погружаю в неё пальцы, ловя такой кайф, что самому страшно. И тут её тело напрягается. Проснулась.

Хмыкаю и начинаю мягко с ней играть, массируя чувствительные точки.

— Расслабься, — шепчу в затылок. — У нас год. Ты собираешься всё это время артачиться и противоборствовать? Просто получай удовольствия и новые ощущения. Не думай ни о чём, живи моментом.

— Как ты не понимаешь? — хрипло отзывается фея и тут же замолкает.

Да, я добрался до попки, моя девочка. Тебя так уже ласкали?

— Влад, прошу, не надо.

— Ты что, — голос срывается от возбуждения, — у тебя не было такого секса?

— Нет, — едва слышно выдавливает Юля.

И меня накрывает. Просто башню сносит.

— Но ты же понимаешь, что теперь будет?

— Не надо, — повторяет она, пытаюсь отодвинуться. — Я боюсь, — выдавливает признание.

Отступаю. Но в голове теперь сидит эта заноза, которая не даст мне ни о чём думать, пока я не попробую свою девочку там. Не стану у неё первым.

— Хорошо, — успокаивающе целую в шею, затем в плечо. — Я понимаю, что для этого нужен настрой.

Юля немного расслабляется, и в этот момент я плавно толкаюсь в лоно. Она охает, а затем протяжно стонет.

— Больно? — обеспокоенно интересуюсь.

— Нет, — тихо.

Но чёрт бы подрал эту женщину, как я не стараюсь, разрядки она не получает. Чувствую

внутренний блок. Это бесит, просто наизнанку выворачивает!

Снова кончаю в неё. Ты станешь моей, строптивый ангел. И ребёнка мне родишь. Не отпущу!

Только собираюсь позвать Юлю к завтраку, раздаётся звонок мобильного. Ничего срочного, но мне он на руку.

— Я должен уехать, — говорю, когда Юля поднимается.

— Вызови мне машину, пожалуйста, — тихо просит она.

— Ты дождёшься меня здесь. Таблетки я куплю, — бросаю на ходу, вытаскивая костюм и быстро одеваюсь.

— Но...

— Сходи позавтракай. И без «но».

Юлия

Влад уезжает, а я спускаюсь на кухню, нахожу кофемашину и завариваю себе чашечку капучино. Неспешно завтракаю, потом слоняюсь по дому, осматривая интерьер. На душе кошки скребут. Мысли всё время вокруг незапланированных детей крутятся. Если я забеременею от Громова, то, мне кажется, умру.

Поднимаюсь обратно в спальню и долго стою под горячим душем. Ногтями кожу до скрипа выскабливаю и всё равно кажется, что грязной остаюсь. Звоню маме, говорю, что со мной всё в порядке и я задержусь.

— Ты как, Юль? — в голосе родительницы беспокойство.

— Нормально, — удаётся даже смешок выдавить.

И снова брожу по дому, долго стою на втором этаже перед большим панорамным окном, глядя на заснеженный сад. По периметру снуёт охрана. Я нахожусь в золотой клетке, и надо бы смириться со своим положением, но никак не получается.

Зачем Громову такой огромный дом, он ведь только подчёркивает одиночество? Здесь дорого, изыскано, но холодно и неудобно.

— Такой же бездушный как твой хозяин, — издаю горький смешок, проводя пальцами по стене.

Громова всё нет. Часы показывают три. Я уже и пообедала, попсиховала, снова выпила кофе, обдумала план своего дальнейшего поведения. Если этот мужчина думает, что победил, то он глубоко ошибается. Вспомнила слова Гали о том, что нужно пользоваться положением и решила прибегнуть к её совету. Но не наслаждаться этими отношениями, о нет! Я задумала обеспечить дочери хорошее будущее. Громов небеден, и сам сказал, что выполнит любой мой каприз. Что же, так тому и быть.

Влад приезжает только к пяти вечера. Я издёргалась к этому времени основательно. Видеть его не хочется, всё дело в таблетках.

— Купил? — без приветствий встречаю его в коридоре.

Он хмурится, но достаёт из кармана две пачки и протягивает мне.

— Вот эти, — указывает на синюю. — Принимать разово. А эти, — теперь отдаёт мне розовую упаковку, — ежедневно.

Я тут же хватаю одну из коробочек и бегу на кухню. Закидываю в себя таблетку и делаю несколько судорожных глотков воды.

— Теперь мне можно поехать домой? Дочка соскучилась, — добавляю.

Влад долго смотрит на меня, а потом кивает, и я издаю облегчённый вздох.

— Я отвезу, — произносит холодно.

Быстро собираюсь, накидываю шубку и, не дожидаясь приглашения, выхожу на улицу. Мнимая свобода. Клетка осталась за спиной, но все понимают, что это лишь иллюзия.

До Химок едем в полной тишине, и меня это радует. Разговаривать с Громовым не хочется. Всю дорогу даже взглядов в его сторону избегаю. А вот на себе периодически ловлю.

— Возьми на работе отпуск на неделю, — нарушает тишину он, когда мы подъезжаем к моему дому.

— Будешь трахать без перерыва? — вырывается у меня.

Мужчина морщится.

— Мы летим на море, — отвечает скупо. — Тебе нужно набраться сил после бессменного дежурства возле кровати мужа.

— Как он? — впервые за поездку смотрю прямо Владу в глаза.

— Готовят к операции, — отвечает он нехотя. Видно, что мужчину злит мой вопрос.

— Мне не нужны моря. Разреши проведать его. Я помню, что прописано в контракте, но...

— Нет, — грубо обрывает меня Громов. — По условиям ты не видишь его всё время лечения. Звонить можешь, но на свидания ходить я запрещаю.

Внутри у меня всё клокочет, того и гляди, взорвётся. Я делаю несколько глубоких вдохов, прежде чем снова заговорить. Невероятным чудом мне удаётся взять эмоции под контроль.

— Когда летим? — сухо интересуюсь.

— Через три дня. Мне надо уладить дела.

— На это время я свободна?

— Абсолютно, — кидает Влад, и я выхожу.

Краем глаза замечаю, как мужчина в последний момент дёргается, но потом замирает, до побелевших костяшек сжимая руль. Хотел поцеловать на прощание? Сгладить то мерзкое чувство, которое душит меня с момента подписания контракта? Надеюсь, он понимает, что у него не получится. И морем исправить ситуацию тоже.

Дома быстро переодеваюсь и бегу в аптеку. Я не верю Владу. Терзает меня какое-то нехорошее предчувствие. Там покупаю идентичный набор противозачаточных, и дома выпиваю ещё одну таблетку. А розовую пачку кладу в сумочку. Упаковки, которые вручил мне Громов, отправляются в мусорное ведро.

Затем рассказываю маме о поездке.

— Мне на работе дали десять дней отпуска в связи с переездом, — говорю тихо. — Завтра начнём перевозить вещи. Думаю, за три дня справимся. А потом придётся лететь.

— Дочка, — мама тяжело вздыхает. — Я воспитывала из тебя правильную девочку и всегда гордилась тем, какой ты выросла. Преданной, любящей, настоящей. Но сейчас... я вижу, как тебе тяжело. Как приходится переступать через свои принципы. Не знаю уж, что там прописано в этом контракте, — мама снова вздыхает. — Но ты не угнетай себя. У тебя ведь выбора, по сути, не было. Да и не обижает тебя этот мужчина? — она вопросительно смотрит на меня и, дождавшись подтверждения, продолжает. — Громов богат, и ты его сильно зацепила. Может, лучше воспользоваться этим? Я понимаю, что сердцу не прикажешь, но вдруг, если ты перестанешь с ним воевать, отношения ваши наладятся? Вдруг Влад откроется тебе с неожиданной стороны, и ты станешь относиться к нему по-другому?

— Мам! — пытаюсь свернуть неприятный разговор.

— Юленька, ну ведь Рома стал... — она запинается. — Изменился твой муж не в лучшую сторону. Зачем губить себя? Ты сделала для него всё, что только могла. Даже больше. Практически совершила невозможное. Он угробился по собственной глупости, не думая о дочке и о тебе, когда пьяным за руль садился. А ты всё коришь себя. Я же вижу. Ну, в чём ты виновата, а? Перед Ромой не лицемерила, не обманывала его. Он сам навывдумывал всякого... Тебе самой-то не обидно было слушать в свой адрес такие слова, какие он позволял себе? Ведь я за эти три месяца наслушалась достаточно. Ты недостойна такого мужа. Неужели до сих пор любишь?

— Не знаю, — тихо отвечаю.

— Чувство вины ни к чему хорошему не приведёт, моя девочка, — мама ласково гладит меня по голове. — Просто присмотришься к Владу. Дай этому мужчине шанс. Вдруг это судьба, м? А если увидишь, что у вас не клеится, так и уйдёшь тогда. Не терзайся, не выедай себя.

— Позволит ли он мне уйти? — тяжело вздыхаю, чувствуя спазм в животе. Таблетка начала действовать.

— А об этом ты подумаешь завтра, — улыбается мама. — Помнишь Скарлетт?

И впервые я вымученно улыбаюсь.

Юлия

Следующие два дня нахожусь в предобморочном состоянии. Противозачаточные вызвали сильное кровотечение. По квартире хожу, держась за стенку.

— Юль, ты зелёная, — мама отбирает у меня очередную коробку. — Приляг. Я сама.

Потом родительница приносит мне крепкого сладкого чая и шоколадку.

— Может, в больницу?

Качаю головой, отпивая горячего.

Кое-как к концу третьего дня удаётся немного в себя прийти. Но сил нет совершенно, а грузчиков мы не наняли по причине плачевного финансового положения. Каждая коробка кажется неподъёмной бетонной плитой, которая норовит раздавить. Увидев меня, зелёную, с трясущимися руками и испариной на лбу, сосед вызвался помочь. Без него бы точно не справились.

— А вы что, квартиру продали? — интересуется он.

— Нет. Просто мужа в клинику положила, а самой за дочкой тяжело приглядывать. Вот, временно к маме в Москву перебираемся.

— А-а-а. Это правильно, — кивает мужчина. — Вам нездоровится, присядьте.

Он буквально силком усаживает меня на стул в коридоре, а потом они с мамой полчаса носят коробки.

— Спасибо, — улыбаюсь вымучено.

— Не за что, — отмахивается сосед. — Удачи вам.

Всю дорогу до Москвы дремлю, уткнувшись лбом в стекло. Мама с Маришкой поехали следом на такси, так как водитель газели отказался сажать маленького ребёнка в машину.

— Ещё мне штрафов не хватало, — буркнул.

Пришлось согласиться. Понятно, что уезжаем мы к маме надолго, но даже о том, что предпринять по поводу квартиры, сейчас нет сил думать.

— Приехали, — раздаётся над ухом, и я вздрагиваю, выныривая из дремоты.

Мама уже ждёт возле подъезда. Рядом стоит дядя Лёша. Выползаю из машины, переваливаясь на скамейку.

— Иди в квартиру, — тормозит меня мама. — Замёрзнешь, ещё заболеешь.

Едва нахожу в себе силы подняться, добраться до квартиры, раздеться и упасть на кровать лицом вниз.

Утром меня вырывает из сна звонок будильника.

— Алло, — хриплю в трубку, даже не глянув на дисплей.

— Доброе утро, Юля. Ты готова? Я заеду за тобой через час, — звучит в трубке голос Громова.

— Угу, — буркаю и завершаю вызов.

Плетусь, пошатываясь на кухню, где дядя Лёша, напевая что-то под нос, варит для Маришки кашу.

— А где мама? — интересуюсь севшим ото сна голосом.

— О, Юленька, — улыбается мужчина и проворно выкладывает дочке в тарелку овсянку.

Наклоняюсь и целую Маришку в макушку.

— Так Леночка в магазин пошла. Сказала, что нужно фруктов внучке купить. Я слышал, что ты уезжаешь?

— Угу, — киваю угрюмо и наливаю себе кипятка в кружку.

— А куда? Или это не моё дело? — косится он на Маришку.

— Мама вам расскажет. Я не запрещаю, — ухожу от ответа в присутствии дочери.

Дядя Лёша понятливо кивает.

— И тебе овсяночки, — ставит передо мной тарелку.

— Я не хочу, — вяло отнекиваюсь.

— А надо. Если не есть кашу, то сил не будет. Правильно я говорю, кнопка? — он легонько щёлкает Маришу по носу. И та впервые за долгое время открыто улыбается.

— Спасибо вам, — говорю тихо.

— Не за что, — отмахивается мужчина. — Я люблю с детьми возиться. Всегда просил Леночку, чтобы она тебя с Маринкой приглашала. Видишь, как вышло — своих детей бог не дал... так хоть с внуками своей лапушки повожусь.

В который раз порадовалась за маму. Запихнула в себя кашу, чувствуя, как желудок недовольно сжимается. Совсем я его истрепала. Все эти нервы, перекусы на бегу, голодные дни... как бы до язвы дело не дошло. Вдохнула, косясь на часы. Громов должен уже через пятнадцать минут заехать. Не сомневаюсь, что ему известен адрес моей мамы, ведь у меня он его не спросил. Неприятное чувство мерзко царапает грудную клетку.

Наспех надеваю первое попавшееся — джинсы и свитер, завязываю волосы в хвост, прощаюсь с притихшей дочерью и выхожу.

Когда спускаюсь в лифте, мобильник снова оживает. Громов. Трубку не беру, потому что и так уже покидаю подъезд. Его машина, и правда, стоит неподалёку.

Как только я подхожу, он выбирается из салона и открывает мне дверце. Джентльмен, чтоб его!

— Юля? — он окидывает меня встревоженным взглядом. — Что случилось? Ты паршиво выглядишь.

— Спасибо за комплимент, — выдаю ядовито. — Незапланированное кровотечение. Такое никого не красит.

Громов напрягается.

— Может, в больницу? Почему это произошло?

— Из-за противозачаточных, естественно, — говорю очевидное. — Уже прошло.

Влад дарит мне нечитаемый взгляд, затем хмурится и нервно сжимает руль. Лицо мужчины выдаёт крайнюю степень напряжения.

— Точно всё в порядке?

— Угу, — отвечаю односложно.

Машина трогается, и через час мы паркуемся возле взлётной полосы. Догадываюсь, что полетим на частном самолёте. Про себя даже смешок издаю, настолько это всё для меня дико и одновременно банально. Как в дешёвой мыльной опере. Миллиардер и Золушка из глубинки. Но в жизни не бывает, как в сказке, и всем это известно.

На полосу выкатывается небольшой самолёт. Стюардесса откидывает трап, и Громов помогает мне подняться. Вежливая улыбка девушки буквально на секунду изменяется. Её губы подрагивают, а глаза оценивающе осматривают меня. Мой внешний вид явно её удивляет. Почему-то думается, что Громов с ней спал. К чему бы такая реакция?

— Присаживайтесь. Принести напитки? — тут же предлагает она, как только мы

оказываемся в дорожном салоне.

— Юля? — Влад вопросительно смотрит на меня.

Отрицательно качаю головой.

— Мне кофе, — коротко отвечает он, и девушка, демонстрируя походку от бедра, удаляется.

Мне настолько плевать на их взаимоотношения, что я просто откидываюсь на мягкую спинку и отворачиваюсь к окну.

Влад меня не трогает. Даже удивительно. Только смотрит внимательно и явно о чём-то размышляет.

— С тобой точно всё хорошо? — снова интересуется он, вызывая у меня приступ раздражения.

— Точно, — отвечаю холодно.

После этого меня не трогают до того момента, как самолёт производит посадку.

— И куда мы прилетели? — интересуюсь вяло. Весь полёт проспала, накрывшись, принесённым стюардессой пледом.

— На Мальдивы. Сейчас пересядем на яхту и отправимся на мою виллу.

Мы как раз вышли из самолёта. Мне стало жарко. То ли от услышанного, то ли из-за того, что я была в свитере. Заметила, что Громов переоделся в лёгкие светлые брюки и майку. А может, это сон? Я заснула в самолёте, и сейчас просто смотрю красочное сновидение? Мальдивы! Частная вилла! Да я такое только по телевизору видела. Наверное, надо вспомнить о том, кто такой Громов, но сейчас у меня не получалось. И даже злиться на себя за это не выходило.

— А ещё тебе бы вещей прикупить, — он окинул меня скептическим взглядом. — Я же говорил, что мы на море летим, а ты даже платье не взяла.

— Я как-то... — бормочу, вспоминая прошедшие три дня. — Забыла.

— Значит, сейчас мы идём в ближайший магазин, потом ресторан и уже после отправляемся на виллу, — решительно говорит Влад и подталкивает меня к стоящему неподалёку двухместному кабриолету.

Разбудите меня...

Юлия

В магазине мы отовариваемся быстро. Влад не заставляет примерять тонну нарядов. Я надеваю всего одно платье, а потом он распоряжается подобрать ещё несколько такого же размера. О чём-то шушукается с продавцом, которая на удивление знает русский язык. Потом я ещё минут десять трачу на примерку купальника, и мы покидаем магазин, навьюченные пакетами.

Громов требует, чтобы я переделалась в лёгкий сарафан прямо в примерочной и ведёт меня в соседний бутик за обувью. Там я просто восседаю на удобном диванчике, а вокруг суетится консультант. В итоге к покупкам прибавляется ещё пять пакетов. Я наблюдаю за всем равнодушно и будто со стороны. Никогда не любила шопинг. Мне больше интересно посмотреть на природу, пройтись по берегу, ощущая ступнями пену волн.

— Теперь ужинать. Правда, здесь только время обеда. Обычно требуется несколько дней на акклиматизацию...

— Мы всего здесь на четыре дня, — замечаю.

Громов молчит. Подъезжает к небольшому ресторанчику и помогает мне вылезти из машины. Внутри прохладно и как-то по-особенному светло. Мне вообще нравится энергетика островов. Она обволакивает некой неспешностью, солнцем и расслабленностью.

— Я не понимаю, что здесь написано, — кошусь в меню.

— Мне кажется, тебе не стоит сейчас есть что-то тяжёлое, поэтому я закажу на свой вкус, — кивает Громов и указывает официанту пальцем на строчки.

Тот быстро записывает и убегает, а через двадцать минут передо мной уже стоит тарелка супа.

— Что это? — принохиваюсь.

— Рыбный суп, — коротко отвечает Громов.

Перед ним уже поставили тарелку с каким-то салатом.

Пробую и прикрываю глаза от удовольствия. Такого вкусного супа я в жизни не ела. И на удивление, мой желудок принимает эту пищу благосклонно. Перед нами появляется большой графин с почти белым соком.

— А это что? — для меня сейчас всё настолько экзотично и интересно, что я даже про негативные чувства к Владу забываю. Чёрт с ними. Должна же и психика отдыхать хоть иногда.

— Сок ягод анноны. Очень полезный, кроветворящий. Тебе сейчас его литрами пить нужно, чтобы восстановиться.

И неожиданно меня трогает такое простое проявление заботы. Но до конца с этим мужчиной, всё же, расслабляться не стоит. Беру стакан и делаю небольшой глоток, смакуя экзотическое послевкусие.

Второе мне не приносят, зато десерт появляется.

— Я подумал, что переесть тебе сейчас не стоит. Лучше понемногу нагружать желудок, но часто. Почему-то мне кажется, что его состояние оставляет желать лучшего.

Отвожу взгляд. Нет желания посвящать Влада в тонкости своего здоровья. Вполне, может статься, что вся эта забота — лишь продуманная игра для усыпления моей бдительности, и ничего более.

— Манговый мусс, — кивает Громов на мой десерт. — Попробуй.

Сам он по обыкновению пьёт крепкий кофе, закусывая каким-то небольшим пирожным.

Мусс оказывается настолько потрясающим, что можно язык проглотить. И как только в меня отправляется последняя ложка, тут же приходит чувство приятной сытости и сонливости. Организм совсем ослаб, и способен выполнять только одну функцию. Сейчас это переваривание пищи. Я начинаю откровенно клевать носом, хотя проспала весь полёт, а это, на минуточку, больше восьми часов.

Громов хмурится, замечая моё состояние.

— Поехали, — говорит коротко, кидая на стол несколько долларовых купюр.

Мы едем по тихим и почти пустынным дорогам, а я вяло рассматриваю местный пейзаж. Угрозило же меня попасть в это волшебное место в таком состоянии. Машину приходится оставить на прибрежной стоянке и спуститься пешком к небольшой пристани, где нас уже дожидается яхта. Догадываюсь, что Громов и её снял в личное пользование.

Капитан раскланивается, сверкая белозубой улыбкой, и проводит на верхнюю палубу. Там я с облегчением падаю на небольшой диванчик и осматриваюсь. Вода удивительная! Лазурная, прозрачная. Всегда думала, что на рекламных буклетах не гнушаются применять фотопшоп, но нет! Она действительно такая!

Хочется немедленно опустить в неё руку, чтобы удостовериться в том, что это чудо настоящее.

— Нравится? — Влад ловит мой взгляд.

— А разве это место может не понравиться? — отвечаю вопросом на вопрос.

Он издаёт тихий смешок и устремляет взгляд вдаль. В лицо бьёт влажный тёплый воздух. Прикрываю глаза и делаю глубокий вдох. Вот бы Маришка увидела всю эту красоту!

К острову мы добираемся почти через час. Капитан помогает выгрузиться, подхватывает половину пакетов и ведёт нас по узкой дорожке, утопающей в местной зелени. Вокруг щебечут экзотические птицы. Ощущение, что я попала в Рай.

Вилла показывается буквально через несколько минут. Оказывается, мы просто огибаем пристань и снова выходим к белоснежному пляжу. Двухэтажный домик встречает нас запахнутыми дверями и склонившей голову девушкой.

— Временная прислуга, — поясняет Громов.

Так хочется всё осмотреть, сходить к океану, но сил совершенно не осталось.

— Иди отдыхай, — говорит мужчина, видя моё состояние. — Кадада проводит в комнату.

Киваю и плетусь за служанкой. Девушка отводит меня на второй этаж, распахивая дверь в большую, светлую комнату. Двухместная кровать занимает центральное место в интерьере спальни и так меня манит, что сопротивляться больше нет сил. Благодарю девушку и тут же начинаю скидывать длинный бирюзовый сарафан. Даже в душ не пойду. Всё потом. Падаю ничком на белоснежное покрывало и тут же вырубаясь.

Юлия

Проснувшись, вижу, что комнату заполнили сумерки. Вдыхаю солоноватый воздух, потягиваюсь и неспешно встаю, прислушиваясь к состоянию. Вроде бы даже сил прибавилось. Иду в душ и с блаженством встаю под тёплые струи. Желудок выдаёт руладу, требуя немедленно его накормить.

Интересно, где Громов?

Надев белый халат из тонкого хлопка, спускаюсь на первый этаж. Где-то здесь должна быть кухня. Но не успеваю я сделать и пары шагов, как ко мне навстречу выбегает служанка, склоняя голову.

— Где здесь кухня? — интересуюсь, хотя надежды на то, что девушка меня поймёт, мало. Жестом показываю, что хочу есть.

Она понятливо кивает, улыбается и ведёт меня по коридору вглубь дома. Что-то лепечет на своём языке, но я ни черта не понимаю, только глазами хлопаю. Девушка быстро накрывает на стол, выставляя передо мной рис и рыбу на пару. Наверняка Громов распорядился.

С удовольствием неторопливо ужинаю, запивая потрясающе вкусное блюдо всё тем же соком. Интересоваться у служанки, где хозяин дома, наверняка бесполезно. Всё равно не поймёт. Решаю после ужина просто побродить по дому. Беру небольшое пирожное с лёгким творожным кремом и начинаю разведку. Осматриваю весь первый этаж, отмечая, что обстановка здесь минималистичная, но от каждого предмета мебели веет дороговизной. Стены молочных тонов приятны глазу. Заметила, что на островах все предпочитают светлые оттенки с вкраплениями ярких деталей.

Выхожу в просторную гостиную с панорамными окнами, которые сейчас приоткрыты, и замечаю Влада. Он плавает в продолговатом бассейне, устремив взгляд на океан. Сейчас вода вдалеке тёмная. В душе начинает подниматься непонятный страх. С детства боялась глубины и тёмной воды.

И тут Громов меня замечает и жестом подзывает к себе.

— Как спалось?

— Нормально. Я просто отключилась. Даже снов не видела.

— Отдохнула?

— Угу.

— Присоединяйся, — Громов кивком указывает на бассейн.

— Воздержусь. Мне пока нельзя, — не понимаю, какие эмоции сейчас преобладают: облегчение, оттого что мой отказ оправдан, и злиться мужчине на меня не за что или сожаление, что не могу поплавать в тёплой и такой манящей воде.

— И сколько ещё нужно воздерживаться? — приподнимает Влад тёмную аккуратную бровь.

— Думаю, дня три точно, а потом по состоянию. Но мы уже уедем к тому времени, — вздыхаю.

Громов молчит.

— Тогда присаживайся и просто составь мне компанию, — он указывает на лежак.

Опускаюсь и наблюдаю за Владом. Он расслабленно откидывается на бортик и

впивается в меня пристальным взглядом. Кожа покрывается мурашками. Что в голове у этого мужчины? Почему-то становится не по себе.

— Я, пожалуй, пойду, — начинаю вставать.

— Я привёз тебя сюда, чтобы ты всё время просидела в спальне? — холодно произносит он. Интонация ударяет по нервам, и я тут же опускаюсь обратно, деревенея. — Мне хочется побыть с тобой вдвоём, дать тебе возможность привыкнуть, лучше узнать меня, но ты бежишь, даже не пытаешься пойти навстречу.

Молчу, поджав губы.

Громов рывком поднимается из воды, а я пытаюсь взгляд от идеальной фигуры отвести. По гладкой светлой коже катятся капельки воды, очерчивая безупречный рельеф.

Влад подходит и поворачивает моё лицо за подбородок, заставляя смотреть на него снизу вверх. Нервно сглатываю. От его близости всё внутри переворачивается. Я не знаю, чего мне ждать. Громов долго смотрит мне в глаза, а потом опускается на корточки, изменяя наши уровни. Гладит меня по коленям прохладными пальцами и молчит.

— Юля, — наконец, нарушает тишину, а я невольно вздрагиваю. — Неужели ты меня боишься? — хрипло интересуется. В голосе сожаление.

— Не то чтобы... — произношу тихо.

— Я хотя бы раз причинил тебе боль?

— Душевную, — отвечаю честно, не отводя взор.

— Всё за мужа своего бесхребетного переживаешь? — усмехается Влад и впивается пальцами мне в колени.

Шиплю.

— Извини, — он тут же ослабляет хватку. — Давай прогуляемся?

Киваю. Всё равно ведь не отвертеться. И не то чтобы я была против прогулки, скорее мне неприятна была компания. В присутствии Громова меня не покидало чувство, что я купленная им вещь.

— Тогда переодевайся, и я жду тебя в гостиной.

Останавливаюсь на лёгком васильковом платье с кожаным поясом и открытыми плечами.

— Ты очень красивая, Юля, — тихо произносит мужчина, как только я спускаюсь. Делает ко мне шаг и целует. Сейчас в нём нет напора. Только нежность. А ещё я улавливаю в нём странное напряжение, которое не могу объяснить.

Сам Влад надел лёгкие светлые брюки и рубашку с коротким рукавом.

— Только можно не подходить к океану? — спрашиваю тихо, когда поцелуй прерывается.

— Почему?

— Я боюсь тёмной воды, — говорю прямо.

— Тоже есть предыстория? — в голосе мужчины насмешка.

— Нет, — отвечаю односложно. — Просто боюсь, и всё.

— Хорошо, мы не пойдём к воде. Сходим вглубь острова. Там есть милое заведение с вкусными морепродуктами, приготовленными на огне и танцевальная терраса.

Мы неспешно шагаем по узкой дорожке, подсвеченной неяркими фонарями, и я наслаждаюсь ночными звуками. Стрекогут неизвестные насекомые, изредка раздаются выкрики птиц и мелких животных. Говорить с Владом не хочется. До подписания договора наше общение хоть и проходило на напряжённой ноте, но было каким-то живым, что ли.

Сейчас всё заледенело. Не хотелось вести какой бы то ни было диалог. И Громов, мне кажется, чувствовал мой настрой и не лез.

Мы вышли к небольшому кафе, увешанному тысячами лампочек. Я такую красоту только в фильмах видела. Помимо нас здесь была ещё парочка посетителей. Тихо и уютно.

Влад что-то заказал, а потом впился в меня задумчивым взглядом.

— Я слушаю, — с небрежной улыбкой произносит он.

— Что? — не поняла.

— Претензии. Выскажи мне всё, что накопилось. Я хочу, чтобы это напряжение ушло.

— Прямо здесь? — вскидываю брови.

— А почему бы и нет?

— Мне кажется, что отношения лучше выяснять наедине, не вынося на всеобщее обозрение грязное бельё.

Влад усмехается.

— Считай, что мы одни. Выговорись. Мне надоело видеть перед собой снулую рыбину.

Я складываю руки на груди, чувствуя, как в душе поднимается настоящая буря.

Юлия

Усилием воли заставляю осесть, поднятую со дна души, мутную взвесь.

— Я не готова, — произношу тихо.

— Почему? Неужели сказать нечего?

— Есть, но слова как-то не идут.

На самом же деле мне просто не хотелось портить этот удивительный и немного сказочный вечер. Я старалась сохранить это волшебство, запечатлеть его в памяти, не пачкая скандалами прекрасную картину.

— Хорошо, — неожиданно легко соглашается Громов. Я привыкла к напору с его стороны и ожидала совершенно другой реакции, но мужчина отступил. Понял мои мотивы или просто дал ещё немного времени прийти в себя. — Но давай договоримся.

А вот и пресловутое «но». Рано радовалась. Кидаю на Громова настороженный взгляд.

— Я не настаиваю на этом разговоре, но и ты перестаёшь вести себя как ледышка. Либо выплёскиваешь всё, что накипело, кричишь, шипишь и даже дерёшься, но оживаешь. Либо просто размораживаешься, оставляя свои обиды где-то в тёмном углу до поры до времени.

Облегчённо киваю. Я снова ожидала чего-то неприятного от этого «но».

Ужин проходит вполне душевно. Влад разрешает мне выпить немного местного вина, чтобы я достаточно расслабилась, но не слишком захмелела.

— Как твой желудок? — интересуется.

— Вроде бы нормально, — пожимаю плечами.

Он кивает, и в следующий момент перед нами выставляют блюдо с дымящимся огромным омаром. Я даже забываю, как дышать. Перевожу взгляд с еды на Влада.

— Это просто пицца, — спокойно говорит он и вручает мне небольшую вилочку на длинной ручке. Омар уже почищен, и мы можем беспрепятственно наслаждаться белым, нежным мясом.

Отправляю кусочек внутрь и тихонько стону от удовольствия.

— Я сейчас завидую этому членистоногому, — хмыкает Влад.

Непонимающе смотрю на мужчину.

— Хочешь лежать в чьей-то тарелке? — вскидываю брови.

— Хочу, чтобы ты также стонала, пробуя на вкус меня.

Краснеть я не умела никогда, а сейчас ещё и потеря крови этому не способствовала, но мне показалось, что щёки начинают покрываться алыми пятнами. Смущение вперемежку со злостью ударили в голову. А может быть, дело было в вине. Но, всё же, выпила я недостаточно, чтобы не контролировать своё поведение и слова. Просто поджала губы, стараясь не смотреть в сторону мужчины.

Слышу смешок, который ударяет по нервам. Креплюсь, чтобы не выплюнуть какую-нибудь гадость, и продолжаю наслаждаться омаром.

Рачок-переросток оказывается очень сытным. Я успеваю съесть всего четыре крупных кусочка и уже чувствую тяжесть в желудке.

— Потанцуем? — Громов поднимается и галантно протягивает мне руку.

— Я ещё не в том состоянии, — качаю головой, хотя немного лукавлю. Силы после сна и двойного ужина у меня были. И как-то Влад понимает мой обман.

Он рывком поднимает меня со стула и ведёт на площадку.

— Никогда не делай из меня идиота, — шёпотом говорит на ухо. — Поверь, за свою карьеру я научился с полуслова угадывать ложь.

Сглатываю, когда мужские крепкие руки ложатся мне на спину. Ладони обжигают даже через ткань.

— Я не... — пытаюсь опровергнуть обвинения в свой адрес.

Влад качает головой, показывая, что слышать никаких оправданий не хочет. Сейчас он давит на меня, возвращаясь к своему обычному состоянию. Подавляет своей энергетикой, превосходством над нищей, по сути, девушкой, заставляя вспомнить своё место. Вещи не отказывают хозяину, если в состоянии ему служить. А если вещь разбивается или портится иным способом, то сразу и без сожалений выбрасывается на помойку. По сути, Громов сейчас пытается заклеить трещину. Но если увидит, что у него не получается, без раздумий и терзаний отправит меня на мусорку. Все слова о любви — всего лишь фикция. У таких людей нет души.

Громов плавно ведёт меня в танце, прижимая к себе. От него пахнет дорогим парфюмом, который раньше был даже приятен мне. Вспоминаю нашу первую встречу. Но сейчас... во мне вновь поднимается волна протеста и горечи, которая вызывает отторжение. Я стараюсь отвернуться, чтобы вдыхать аромат цветов и океана и как можно меньше ощущать запах Громова.

А он как будто намеренно начинает меня всячески провоцировать и выводить из себя. Словами, жестами, интонацией и своими этими смешками, показывающими, что его мнение тут единственно правильное, а мне так, просто позволено его развлечь своими речами или протестами.

Как бы мне ни хотелось сохранить приятные воспоминания от вечера, но не выходит.

— Вы с мужем ездили куда-нибудь? — звучит очередной вопрос, цель которого не узнать меня получше, а снова унизить Рому.

— Мы работали. Некогда особо было, — пытаюсь ответить нейтрально. — Потом Маришка родилась. С грудным ребёнком особо не поездишь.

И снова этот ядовитый смешок.

— Да, ты бы нанял штат нянек, чтобы они сидели с ребёнком. Так? Чтобы тот не мешался под ногами и не портил планов, — наконец, не выдерживаю.

— А что плохого в няньках, которые присмотрят за ребёнком несколько дней? — выгибает бровь Громов.

— Это чужие люди! Я никогда не доверю постороннему человеку свою дочь!

— Но у тебя есть мама. Она не могла посидеть с дочерью?

— У неё слабое здоровье. Я не имела права нагружать её младенцем. Это сейчас Маришка уже смыслёная и послушная, да и дядя Лёша влился в семью и с радостью помогает. Но тот период моей жизни был непростым.

— Я, как погляжу, у тебя весь период замужества простым не был, — ехидство пропитывает каждое слово.

— Да, мы не ворочаем миллионами, а выживаем и приспособливаемся к обстоятельствам, как большинство людей.

— Считаешь, мне не понять тебя? — хмыкает мужчина. — А ты хоть раз задавалась вопросом, откуда у меня взялись миллионы? Где моя семья, как я жил раньше? Мы постоянно обсуждаем твоих близких, но ещё ни слова не прозвучало о моих. Я понимаю, что

тебе, скорее всего, неинтересен этот момент. Ты заиклилась на своих проблемах и убеждениях по поводу меня. Рассматриваешь мою персону исключительно как врага. Я тебя раздражаю.

Пытаюсь что-то сказать, но Громов жестом призывает к молчанию.

— Не хочу слышать отговорок. Я не слепой и не глухой. Просто констатирую факты.

— Ты сам виноват в том, что вызываешь во мне лишь отторжение, — шиплю. — И, мне кажется, что нам лучше уйти.

Не дожидаясь ответа, вырываюсь из рук мужчины и покидаю ресторанчик. Нырнув в тень растительности, обнимаю себя руками, дожидаясь Громова. Обратную дорогу я могу и не найти, а плутать ночью по острову не очень хочется. Хотя мне бы не мешало. Внутри клокочет проснувшийся вулкан.

Влад нагоняет меня через пару минут.

— И в чём же моя вина?

— Ты без разрешения самым наглым образом вторгся в мою семью. Все эти подарки напоказ, чтобы Рома бесился. Думаешь, я не поняла, что это было сделано специально? И встреча у ресторана, скорее всего, была подстроена. Ты методично вбивал клин между нами, не заботясь ни о моих чувствах, ни о том, что станет с моей дочерью. Просто шёл напролом по головам моих близких людей! — наконец взорвалась.

— С твоей стороны я бы рассматривал это как лакмусовую бумажку относительно твоего Романа. Он слабак. Что сделал твой муж для того, чтобы сберечь семью? Уверен, только обвинял тебя. А муж берёт чувства дочери? М?

Громов затрагивает кровоточащую рану. Перед глазами лицо Маришки, которая жмётся в дверях во время очередной истерики отца.

— Вижу, что нет.

— Если бы ты не полез...

— То личина Ромы просто вылезла чуть позже. Слабые и трусливые люди, как правило, не меняются. Лучше было бы, если бы ты, прожив со своим муженьком лет двадцать, и родив ещё парочку детишек, осталась у разбитого корыта? А случись, не дай бог, болезнь. Стал бы Рома сидеть возле твоей постели? А ты не задавалась вопросом, почему он так легко допустил измену с твоей стороны? Обычно людей судят по себе, — безжалостно припечатывает Влад и начинает шагать к дому, оставляя меня в полном раздрае.

Юлия

Плетусь следом. Хочется кричать, что он неправ, догнать, стукнуть по спине кулаком, причинить хоть какую-то боль этому непробиваемому, чёрствому человеку, но отчего-то я задумываюсь. Слова Влада рождают сомнения в душе.

После аварии я не включала телефон мужа. Он был разбит, и мне назвали приличную сумму за починку гаджета, а деньги нужны были совершенно для других нужд. Позвонив работодателю Ромы со своего, закинула его телефон в коробку и убрала ту на антресоли да так и забыла. Но сейчас мне захотелось посмотреть, скрывается ли там что-нибудь.

Злость на Громова из-за этого только усилилась. Пожелав «спокойной ночи», отправилась в спальню. Мне подарили колкий короткий взгляд, но задерживать не стали. А проснувшись я от солнышка, заглядывающего в окно.

После душа спустилась на кухню. Влад уже сидел там и пил крепкий кофе.

— Утро вечера мудренее? — с насмешкой выгибает бровь мужчина, видя, что я стою в дверях.

Ничего не отвечаю, прохожу к столу и присаживаюсь. Хотя надо было бы проявить немного вежливости.

Громов хмыкает и жестом отдаёт приказ накладывать мне завтрак. Передо мной тут же появляется тарелка с воздушным омлетом и ещё одна с овощами. И всё тот же сок. Нет, я ничего против него не имею, но отчего-то этот факт тоже раздражает. Меня вообще сейчас всё бесит. Настроение ни к чёрту. Просто хочется закрыться в комнате и лежать замшелым поленом. Желательно со вкусом плакать, но главное условие — никто не должен меня трогать. Даже океан не манит. Мне кажется, у меня впервые такое. Возможно, это и есть депрессия? Вчерашний скандал стал последней точкой?

Громов следит за тем, как я вяло ковыряюсь в тарелке.

— Тебе не здоровиться?

— Аппетита нет, — отвечаю тихо.

— Но ты, всё же, поешь. Запихни в себя завтрак через силу хотя бы.

Вздыхаю.

— Потом надень что-нибудь лёгкое, и мы прогуляемся к океану, — продолжает командовать мужчина. От этого всё внутри буквально восстаёт и на дыбы становится. — Купаться тебе нельзя, но ножки помочить в солёной, теплой воде можно?

Киваю.

— Юлия! — не выдерживает Громов.

— Что? — отвечаю безжизненно.

— Ничего, — раздражённо говорит он, со звоном ставит чашку на блюде и выходит.

Через силу запихиваю в себя завтрак, плетусь наверх и переодеваюсь в шорты и майку. Купальник не надеваю, так как в противопоказании к заплывам Влада я не обманываю.

А вот мужчина решает окунуться. Как только мы приходим на пляж, скидывает вещи и устремляется к воде. Наблюдаю и завидую. И снова виню его в своих бедах и в невозможности насладиться океаном. Через пару дней мы уедем, а я так и не испробую его, не окунусь с головой в бирюзовую воду. Если бы Громов думал не только о себе и запасся презервативами, я бы сейчас не стояла под пальмой и не жалела себя, а разрезала волны.

Потоптавшись в теньке, всё-таки направилась к кромке. Тёплый белый песок сразу обнял стопы. Как же здесь красиво! Пушистая пена лизнула кожу, оставляя на ней тысячи лопающихся, щекочущих пузырьков. Прикрыла глаза, наслаждаясь.

Не сразу улавливаю приближение Влада, находясь в тёплой неге. Вздрагиваю от поцелуя в плечо, а в следующий момент меня прижимают к мокрому прохладному телу, заставляя широко распахнуть глаза и попытаться ужом высвободиться из захвата.

Не тут-то было. Влад только сильнее стискивает в объятиях, а потом поворачивает так, чтобы мы оказываемся лицом к лицу. Недолго думая, он наклоняется и целует.

— Юля, — хриплый шёпот срывается с его губ. — Мой строптивый ангел.

Интересно, когда ему надоест?

— Ты же в курсе, что сейчас я дал тебе передышку, но так продолжаться долго не будет? — будто читает мои мысли. — В контракте мои пожелания чётко прописаны, и там нет пункта, где было бы сказано, что я должен терпеть твоё недовольство изо дня в день. Неужели я не заслужил хотя бы маленькой благодарности? Тебе не нравится это место? Я же хотел сделать тебе приятное.

— Только в собственной неповторимой манере. Ты просто приказал ехать, не заботясь о том, есть ли у меня желание и как я себя чувствую. Ты вообще заботишься только о себе. Даже привезя меня сюда, надеялся на мою благодарность и расположение. Эта поездка не призвана доставить мне удовольствие. Она, как и каждый твой шаг — это всего лишь метод манипулирования, чтобы достигнуть конечной цели. Но ты всего уже добился, разве нет? Контракт подписан, ты волен делать всё, что тебе заблагорассудится с моим телом. Чего тебе недостаёт?! — срываюсь.

— Ты же умная женщина, — Громов отвечает рыком на мою тираду.

И снова припадает к моим губам. На этот раз поцелуй жёсткий, подчиняющий. В нём нет и капли нежности.

Через минуту начинаю задыхаться от его напора, но не вырываюсь. Влад сам отрывается от меня, делает шаг назад, а потом и вовсе, уходит, бросив на ходу:

— Гуляй. Не буду тебе мешать.

И сейчас мне почти стыдно за своё поведение. Впервые мне кажется, что Громов умеет испытывать боль.

Бросив взгляд на его напряжённые плечи, закусываю припухшую губу.

Я долго брожу по берегу, захожу в воду почти по колени, люблюсь разноцветными рыбками и думаю, думаю, думаю. Прощения за своё поведение у Громова просить не собираюсь, но и нарываться на конфликт, наверное, не стоит.

В дом прихожу через несколько часов. Влада нигде нет, и я со вздохом облегчения поднимаюсь к себе. Служанка пытается оттащить меня на кухню, но я отмахиваюсь. Аппетит так и не появился. Просыпаюсь на закате. Быстро поднимаюсь и бегу вниз. Хочу посмотреть, как солнце садится в воду. Громова снова не нахожу, хотя и не сильно стараюсь. Беру на кухне небольшую корзинку с перекусом и возвращаюсь на пляж. Устраиваюсь возле большого камня, облакачиваясь на него спиной. Солёный ветер играет с волосами и ласкает кожу. Вокруг заливаются птицы. И тут я вижу, как на ногу заползает огромный паук. Идиллия разрушена. С воплем вскакиваю, пытаюсь стряхнуть мерзость, а потом как одичавшая бегаю кругами, вопя и тряся конечностями. В себя прихожу, когда врезаюсь носом в мужскую грудь.

— Юля, что случилось? — с беспокойством спрашивает Влад.

— П-паук, — тыкаю в сторону камня и на всякий случай оглядываю себя ещё раз.

— Ты их тоже боишься? — в голосе мужчины веселье.

— Ужасно! — выдыхаю.

— У тебя слишком много страхов, — качает он головой, а потом неожиданно подхватывает на руки и относит ближе к воде.

На песке расстелено большое покрывало, куда Влад меня и сгружает.

— Я сейчас.

Он возвращается за моей корзинкой и присаживается рядом. Я всё ещё пытаюсь отдышаться.

Жду от Громова каких-нибудь действий, но он просто сидит рядом, положив локти на колени, и смотрит на оранжевую дорожку от заходящего солнца. Постепенно расслабляюсь.

Мы таскаем из корзинки бутерброды и фрукты и любимся закатом. Никаких препирательств и войн.

— Расскажи мне что-нибудь о себе, — первая нарушаю тишину, делая шаг навстречу. Брови Влада удивлённо взлетают вверх, а голубые льдистые глаза недоверчиво впиваются в меня.

Владислав

Что же... сам напросился. Какое-то время молчу, собираясь с мыслями. Душу оголять совершенно не хочется, даже перед Юлей. Слишком долго я прятал всё внутри, отращивал броню и притворялся, что в моей жизни всегда был порядок.

Нет, когда-то маленький Влад плакал навзрыд, оставаясь в одиночестве в пугающей тёмной комнате с вечно пьяными орущими соседями за стеной. Мне было всего шесть лет, но и маме никто выбора не давал. Постперестроечное время не щадило людей. Выживали как могли.

Отец бросил нас, когда мне едва исполнился год, и с того момента ни разу не поинтересовался, не голодает ли его сын и жив ли он вообще. Мама выбивалась из сил на фабрике. Она брала дополнительные смены, чтобы мне было что есть. Платили мало, а работа была настолько тяжёлая, что даже некоторые мужики не выдерживали. Здоровье хрупкой женщины не железное. Через три года борьбы за выживание мама тяжело заболела — рак.

Помню, как она плакала, думая, что я уже сплю, и молилась только о том, чтобы подольше побыть со мной. На упрямстве мама продержалась ещё три года, а потом я остался в огромном мире один. Меня, конечно не отдали в детский дом — забрала бабушка по отцовской линии. Но я их ненавижу: и её, и батю своего. Пока мама болела, они ни разу не приехали, не помогли, не дали денег на лечение или на банальную еду. Помогали дальние родственники, которым написала родительница с криком отчаяния. Они пересылали небольшие суммы и коробки с деревенскими заготовками. Хватало, чтобы не помереть с голоду и на том спасибо.

Сидя возле маминой кровати и держа её руку, когда она проваливалась в болезненный бред, я выл и говорил, чтобы она потерпела, я вырасту, заработаю много денег и обязательно её вылечу.

— Глупо, — усмехаюсь в конце рассказа. — У мамы был рак груди. Это сейчас его научились лечить, и на ранних стадиях вообще почти стопроцентный успех. Да и диагностика сильно вперёд шагнула. А тогда... Но обещание своё, данное маме, я выполнил. А отец приезжал, когда мне двадцать пять стукнуло. Тоже рак. Я уже окончил институт и работал в одной крупной фирме, набираясь опыта. Зарплата была хорошая, но я не дал ему ни копейки, — стискиваю зубы.

Юлина рука ложится на плечо.

— Мне жаль, — тихо говорит девушка.

— У каждого в жизни свои испытания и уроки. Возможно, я не добился бы всего, не окажись в такой ситуации.

Молчим. Солнце погружается в воду, окрашивая небо оттенками оранжевого.

— Мне нужно уехать раньше, — произношу коротко.

— Когда вылетаем?

— Я лечу один.

Юля тут же убирает руку, и вся напрягается.

— Что это значит? У меня же работа! Отпуск через три дня заканчивается.

— Ты временно увольняешься. Я потом лично найду для тебя место, если захочешь

продолжить делать карьеру, — усмехаюсь.

Юля вскидывается.

— Я не позволю распоряжаться своей жизнью! В договоре ничего не было написано о том, что ты сунешь нос во все сферы! У меня должно остаться личное пространство, иначе я задохнусь!

— Оно останется, — говорю спокойно, поднимаясь и отряхивая песок с брюк. — Но сейчас тебе лучше восстановить здоровье и пожить какое-то время здесь. А у меня дела. Я приеду через неделю.

— Меня дочь ждёт! — приводит Юля новый аргумент.

— Я наведуясь к ней, проверю, не нуждаются ли твои близкие в чём-то, расскажу о своём решении, чтобы успокоить твою маму. Всё будет в порядке. Но меня не устраивает то, как ты себя запустила. Неделю ты проведёшь без моего общества. Океан, СПА, массаж, хорошее питание. И надеюсь, ты будешь добросовестно пользоваться всем этим, чтобы восстановиться. Мне надоело дрочить по вечерам. Какого хрена?! Я с тобой буквально нянькаюсь, а ты ещё недовольства высказываешь. Пока что с твоей стороны идёт грубое нарушение договора, но я же твоего муженька из клиники не вышиб до сих пор? М?

— Но я... у меня... ты не предохранялся! — находит она аргумент, чтобы свалить вину и ответственность на меня. — Из-за таблеток я чуть на тот свет не отправилась, а если бы ты подумал над последствиями, то и восстанавливаться мне не нужно было бы!

— Признаю вину лишь наполовину. Согласен, башню сорвало, — делаю шаг и хватаю её за подбородок, заставляя смотреть прямо мне в глаза. — Но и ты не подумала о последствиях. Да и до этого вид у тебя был ушатанный, — шиплю почти в губы, сохраняя дистанцию в каких-то два сантиметра. — Я всё сказал. Если ты решишь делать мне назло, бастуя и продолжая гробить здоровье, то я помещу тебя в клинику, где поручу медперсоналу откормить свою женщину силком. Ясно?

— Не свою женщину, а куклу, — шипит.

— Не прикидывайся идиоткой. Тебе не идёт. Я уже понял, что ты умная девушка. Так включи мозги, наконец, и проанализируй ситуацию. Пойми свою выгоду.

— Быть игрушкой богатого, зажавшегося мужика с детскими травмами психики, — Юля намеренно говорит эти слова, чтобы зацепить побольнее. Я понимаю, но всё равно веду на провокацию. В душе всё огнём горит. — Спорная выгода, — завершает она свою речь и усмехается.

Я знал, что стоит тебе открыться человеку, он не преминет тут же воспользоваться этим, ударив под дых, поэтому никогда не обнажал душу. И честно сказать, думал, что Юля никогда не опустится до подобного.

Оттолкнул девушку от себя и зашагал к дому.

— Влад, — услышал вслед. — Прости.

Но слова были уже произнесены, и они впились в душу острыми кинжалами. Мне нужно было время. Даже хорошо, что я сейчас уеду. Мне нужно остыть, пережить разочарование, осмыслить всё. Железный Громов дал трещину. Горько усмехнулся, заходя в дом.

Юлия

Влад даже не обернулся, не принял мои извинения. Я корила себя за брошенные необдуманно слова, но исправить уже ничего не могла. Мужчина открылся мне, потряс своей тяжёлой историей, а я цинично потопталась на его чувствах.

Заскочила в спальню и рухнула на кровать. Сон не шёл, поэтому, промучившись несколько часов, спустилась на кухню, чтобы выпить чаю. Влад сидел внизу, задумчиво глядя на океан. Видимо, тоже уснуть не мог.

— Извини меня, — делаю шаг к мужчине и замираю, не зная, что ещё сказать.

Он даже головы не поворачивает в мою сторону.

— Я не имела права. Мне очень жаль, — добавляю.

Снова натыкаюсь на молчание и отсутствие хоть какой-нибудь реакции.

— Влад...

— Уходи, — цедит он холодно.

И я малодушно сбегаю, потому что меня пугает его тон. Сажу мышкой на кухне, забыв даже чая себе заварить, и прислушиваюсь к звукам в гостиной. Улавливаю движение спустя час. Громов уходит вверх. Отчего-то сейчас чувствую такую тоску и щемящее одиночество, что завывать хочется. Я не ощущала подобного, даже когда Рома попал в аварию или после его отъезда в больницу. А сейчас...

С ужасом понимаю, что неосознанно привязалась к Владу. Гнала прочь чувства к нему, убеждала всех, включая себя, что ненавижу, презираю и питаю только отвращение к этому мужчине. Когда всё изменилось?

Осознаю, что в тот момент, когда мы приехали сюда, и Влад, как умел, за мной ухаживал. Не давил, не принуждал ни к чему. Да, преподносил всё в своей манере, которую можно было истолковать как принуждение, но нет... он заботился.

Хочется разреветься от своего идиотизма, твердолобости и непробиваемости. У меня в голове такая мешанина, что кажется ещё чуть-чуть и начнётся неотвратимое расстройство психики.

Сажу внизу до самого рассвета. Не хочу пропустить отъезд Громова. Я должна сгладить свой поступок. Неправильно отпускать его так...

Увы, но организм имеет свои планы. Я просто отключаюсь, даже не заметив. А просыпаюсь далеко за полдень, понимая, что проворонила Влада. На столе передо мной лежит записка с парой скупых предложений.

«Приеду через неделю. Если что-то случится — звони».

С тяжёлым вздохом откладываю бумагу и плетусь в душ. И пару дней я просто гуляю по острову, пытаюсь разобраться в себе. Наверное, Влад поступил правильно, дав нам побыть вдали друг от друга, и переосмыслить многие вещи.

А ещё я понимаю, что мне его не хватает. Каким-то непостижимым образом он смог приручить меня. Нет, о любви говорить точно не стоит, но какие-то чувства помимо злости и обиды у меня появились — это неоспоримый факт.

На третий день решаю, что можно уже и поплавать. Долго плескаюсь в бассейне, наслаждаясь тихим, тёплым вечером. Всё время поглощаю много еды, помня о словах Громова. Да, я изнурила свой организм. Постоянный стресс сказался не только на психике.

Сейчас, оставшись наедине с собой и природой, я пыталась возродиться. Иногда садилась так, чтобы меня омывали тёплые солёные волны, прикрывала глаза и зарывалась пальцами в песок, вбирая в себя силу природы.

За всю неделю Влад не позвонил ни разу. Я, честно признаться, ждала. И чем ближе был его приезд, тем страшнее становилось. Что если я сама уничтожила все светлые чувства к себе? Что если его отношение безвозвратно изменится, и я реально смогу ощутить то, о чём неоднократно ему говорила, в чём упрекала при каждом удобном случае. Да, первое приглашение к нему было унижительным, но даже этот момент был понятен. Громов отыгрывался за оскорбления.

Но потом, когда я оказалась у него, он не стремился обидеть или указать на моё плачевное положение. Я сама всё время на него указывала. Мне хотелось чувствовать себя жертвой. Было психологически легче переложить весь негатив на Влада. Бесспорно, его вина во всей этой дикой ситуации имелаась. Но и слова о том, что Рома самоустранился, я теперь не могла игнорировать.

Сегодня снова по обыкновению сидела в прибрежных волнах и медитировала, сосредоточившись на приятных ощущениях. Так разомлела и расслабилась, что не заметила чужого приближения. Вздрогнула, когда тёплые ладони легли на плечи.

— Вижу, тебе лучше, — тихо говорит Влад, смотря сверху вниз.

Я оборачиваюсь, но молчу, не зная, что уместно сказать.

— Лучше, — соглашаюсь, наконец.

— Это хорошо, — кивает он, тут же отходит и устремляется дальше, разрезая лазурные волны.

Странное приветствие. У меня внутри всё вибрирует от нехорошего предчувствия. Напряжённо наблюдаю за мужчиной. Он плавает около получаса, а потом проходит мимо меня, бросив:

— Пошли.

Встаю и плетусь за ним. Даже пляжную сумку с покрывалом на берегу забываю. Все мысли только о том, чего мне ждать от Громова.

Он тоже не оделся. Просто подхватил вещи и направился к вилле, дав мне возможность смотреть на его фигуру. Невольно отмечаю, как хорош мужчина. Широкий разворот плеч, узкая талия, длинные ноги. Сейчас впервые я люблюсь им. До этого всё было как-то вскользь, сквозь злобу и обиду.

— Тебе нужно принять душ? — интересуется он сухо, когда мы оказываемся в гостиной.

— Мне... — тяну ослабшим голосом.

— Иди. Потом можешь не надевать бельё. Спускайся прям так, — отдаёт он приказ, не иначе.

— Но тут служанка... — мне становится не по себе.

— Я её отпустил до завтра. Юль, не испытывай моё терпение. Я устал. Жду тебя здесь.

Плетусь на ватных ногах в спальню. В горле ком, ведь от бывшей теплоты в голосе мужчины не осталось ничего. Только лёд, который острыми гранями кромсает тело и душу. Что я наделала?

Юлия

Застываю перед мужчиной, пытаюсь держаться уверенно, но это всё обман, и мы оба это понимаем. Среди бела дня нагишом под пристальным взглядом льдистых тёмно-голубых глаз. Хочется закрыться, но вместо этого смотрю на Громова почти твёрдо.

Потряхивает. Кончики пальцев колет, как будто я их в снег опустила. Судорожно сглатываю. Мужчина ещё пару секунд оглаживает меня взглядом, а потом кивает на низкий столик с колючим приказом:

— В коленно-локтевую.

— Влад...

— Ты хочешь находиться подле меня в определённой роли. Что же... мне под силу исполнить твоё желание, — звучит сухо. — Два раза повторять я не буду. Не исполняешь приказ — получаешь наказание. Всё просто.

Опускаю взгляд, пытаюсь задушить слёзы бессилия, и подхожу к столику. Как же мерзко. Я обманулась насчёт Громова. Впредь буду умнее.

Медленно становлюсь на четвереньки, а потом опускаюсь на локти. Хочется сквозь землю провалиться. Боже!

По ягодице скользит его рука оглаживая округлость. Но лаской это назвать нельзя. Прикосновения жёсткие, жалящие. Слышу учатившееся шумное дыхание мужчины. Его пальцы проходятся по промежности довольно чувствительно, грубо. Он останавливается, разводит складочки и поглаживает клитор. Как будто задумчиво. Именно так это ощущается. А потом надавливает на него практически до боли. Я вздрагиваю и резко выдыхаю.

Возбуждения нет. Влад должен это понимать. Я вся сжимаюсь перед ним, мечтая встать и убежать. Какое тут возбуждение?

Громов точно понимает, но и это его не останавливает. Он чётко выразил, как теперь будет проходить наше общение. Строго по контракту и ни шага в сторону.

Рядом со мной опускается небольшой сундучок, похожий на тот, в каком женщины иногда хранят косметику или украшения. Отщёлкивает замочек, и моё желание о немедленном побеге возрастает в разы. Я вижу различные вибраторы, наручники и другие приспособления и задерживаю дыхание, молясь, чтобы некоторые из них не пошли в ход. Слишком уж они пугают своими размерами или недвусмысленным назначением.

Я стараюсь не дрожать, вцепляясь до боли в край столешницы. А Громов намеренно играет на нервах. Он перебирает игрушки, задумчиво крутя в руках то одну, то другую. И останавливается на пробке в виде лисьего хвоста. Нет, пожалуйста, только не это. Слёзы начинают душить с новой силой.

Следом в руках мужчины появляется небольшой пузырьёк. Он выдавливает из него густую смазку и растирает её пальцами по попке. Прикусываю до боли щёку, чтобы сдержаться и не унижаться, умоляя не делать этого. Я подписала контракт. Видела пункты его извращённых фантазий и морально готовилась к ним. После надеялась, что Громов не станет, но эта надежда была весьма маленькой.

Напрягаюсь, когда в меня начал толкаться прохладный металл.

— Умница, — хриплый шёпот и лёгкий укус в крестец. — А сейчас принеси мне кофе, лисичка, — вголосе Влада неприкрытая издёвка. — Перелёт был долгим, а мне хочется

насладиться своей девочкой. И я планирую играть с ней всю ночь.

Сглатываю и медленно поднимаюсь, стараясь не морщиться от неприятных саднящих, распирающих ощущений.

— А ошейник будет? — не могу сдержаться. Дура!

— Обязательно, — холодно улыбается мужчина. — Любой каприз. Вижу, что мне досталась дикая зверушка. Не хотелось бы, чтобы она вцепилась в глотку своему хозяину.

Хозяину...

Снова закусываю губу и медленно иду на кухню.

— Повиляй хвостиком, — слышу смешок вслед.

И так от этого всего тошно, что провалиться сквозь землю хочется. Но я пытаюсь изобразить соблазнительное покачивание бёдер.

— Умничка, — слышу новую похвалу, пропитанную ядом. — Мне крепкий и два кусочка сахара. Но не клади в кофе, а принеси на блюдечке. И второе захвати — со сливками. Лисички должны любить подобное. Я прав?

Молча ухожу, стараясь сделать это как можно быстрее. А на кухне, напротив, пытаюсь задержаться, максимально растянув приготовление кофе. Но это всего лишь отсрочка неизбежного. Может, надо, наоборот, делать всё быстрее, чтобы раньше закончилось моё унижение?

Вздыхаю, ставлю чашку на блюдечко с сахаром, а во второе наливаю нежирных сливок. Громов явно вознамерился меня ими напоить, а я и так уже с тошнотой борюсь. Но ему знать о моём недомогании незачем. Никакой слабости перед этим...

Сглатываю ругательства и захожу в гостиную. Мужчина сидит на диване, раскинув ноги и с холодной улыбкой рассматривает меня. Чтоб он подавился этим кофе и своими лживыми словами о любви!

Ставлю перед ним принесённое.

Он медленно берёт чашечку и делает маленький глоток, прикрывая глаза.

— Апорт, — указывает взглядом на сахар.

Застываю, пытаюсь понять, что он хочет от меня.

— Лисичка не обучена? — тянет Громов, отставляет кофе, подхватывает кусочек сахара и запикивает мне в рот. — Принеси хозяину угощение, — издевательски.

Я наклоняюсь, пытаюсь скрыть отвращение, но, видимо, у меня не выходит, потому что на лице Влада застывает гримаса недовольства. Возможно, если бы такая игра была по обоюдному согласию, то она возбуждала бы. Я не могла отрицать, что со стороны наверняка наши действия выглядят красиво, сексуально и будоражаще. Но Громов издевается, и в этом не может быть ничего возбуждающего. Только отторжение и стыд.

Я приближаюсь к его приоткрытым губам, вкладывая в них кусочек сахара. И тут же стараюсь отодвинуться, но меня хватают за волосы и удерживают в прогибе. Влад играет с кусочком сахара и моими губами, вталкивает сладость мне в рот, а потом заставляет меня сделать тоже.

Сам свободной рукой медленно прокручивает хвост, ведёт пальцами вдоль позвоночника, надавливая на поясницу, с силой опуская меня на колени.

Облизываю губы, убирая липкие сладкие следы. Взгляд Влада сейчас такой тёмный, что кажется, он превратился в бездонное ночное небо. А ещё в глубине зрачка плещется нечто безумное, жадное, голодное.

Отвожу взгляд.

Громов приподнимается, тянется к коробке и достаёт тонкий кожаный ошейник, который тут же застёгивает на моём горле. Усмехается, обводя кончиками пальцев овал лица.

— Хочу, чтобы лисичка доставила хозяину удовольствие. И пусть она постарается, иначе... — одна бровь мужчины ползёт вверх.

Мне не нужно слышать, что будет «иначе». Я тут же тянусь к его плавкам, спуская ткань.

Сглатываю и вбираю головку в рот. После океана она солёная, но неприятного запаха совершенно нет, и хоть это немного радует. Делаю несколько поступательных движений, слыша глухой стон, и немного расслабляюсь, но рано.

Громов хватает меня за волосы, наматывая их на кулак и фиксируя голову.

— Постарайся расслабиться, — говорит коротко и сам толкается в горло.

Слёзы тут же брызгают из глаз, и я начинаю задыхаться и пытаюсь отстраниться. Он даёт мне передышку, но через пару секунд совершает повторный толчок.

— Горло расслабь, — рычит.

У меня всё, напротив, сжимается от страха и неприятных ощущений. Кажется, что даже слух отказывает. Потому что мужчина что-то говорит, но я не различаю слов. Но потом разобрать удаётся.

— Если бы я пригласил к себе шлюху, и она отработывала подобным образом, то почти ничего бы не заработала. А за тебя я заплатил немалые деньги.

Его слова раздавливают. Но мой рот он, наконец, покидает, и я могу отдышаться и утереть слёзы, обильно льющиеся по щекам.

— Сливоч лисичка точно не заслужила, — звучит новая издёвка. Вся посуда отправляется на тумбочку возле стены, а мне приказывают снова занять место на столике в прежней позе.

Хвост покидает моё тело. Пальцы жёстко проверяют степень моего возбуждения. Он думал, я заведу от подобного? Слышу недовольный вздох, а потом слой смазки обильно ложится на лоно. Громов демонстративно достаёт пачку презервативов и надевает один. И без предварительной подготовки резко заполняет меня собой.

Вскрикиваю, вспоминая наш первый раз. Тогда он переживал, что мне может быть больно, но сейчас ему плевать.

Влад терзает моё тело около двадцати минут, пока не приходит к финалу. Со вздохом облегчения пытаюсь подняться, но меня останавливают.

— Я сказал, что буду играть со своей зверушкой всю ночь. Намерен наверстать упущенное, — мне дарят ухмылку. — Передохни несколько минут. Можешь сходить в душ, если хочешь, но потом возвращайся.

Мне хочется сбежать, закрыться в комнате и рыдать всё отведённое на передышку время, но вместо этого я прошу дать мне телефон и набрать маму.

— Я соскучилась по ним, — хриплю, поглаживая саднящее горло.

— С ними всё в порядке. Я навестил их, дал денег. Твоя дочь здорова и мать тоже.

— Я соскучилась, — говорю сдавленно. — Пожалуйста.

Громов достаёт телефон, на память набирает номер и вручает аппарат мне. Хватаю и убегаю в спальню.

Владислав

Весь полёт до Москвы думаю о матери. Давно меня так не накрывало. Считал, что боль перемололась, улеглась под рёбрами, осев пылью. Но сейчас она горькой копотью заполняет лёгкие. На меня наваливается тоска. Перед глазами посеревшее лицо матери с белыми, потрескавшимися губами и потускневшим взглядом. Мы оба знаем, что ей осталось недолго. Каждый день, вырванный у беспощадной судьбы — чудо. При ней стараюсь не плакать, ведь мне нельзя, я — мужчина и опора. Маме тоже страшно за меня, не хочу добавлять в котёл её мучений.

Но, закрывшись в комнате и заткнув рот подушкой, я натурально вою, как бездомный пёс. Мне больно и страшно. Я не представляю мир без неё. Её боль отдаётся во мне ощущением собственного бессилия. Я никак не могу облегчить её страдания. Беспомощность и уязвимость безжалостно вгрызаются в детское сознание. С годами эти эмоции создают того человека, который сейчас сидит в самолёте на пути в Москву.

Хозяин жизни, который теперь может решить почти любую проблему по щелчку пальцев. Но отчего тогда так больно из-за одной фразы, брошенной Юлией. Ей удаётся мою броню пробить мимолётным касанием. Даже смешно.

Сжимаю руки в кулаки. Мой ангел...

Усмехаюсь.

Юля всё время повторяет, что чувствует себя шлюхой. Неужели я дал ей повод так думать? Да, в тот день я погорячился, заставив её прийти в таком виде, но больше старался так не поступать. Я понял, что с этой женщиной нужно иначе. Она не терпит давления. И я старался. Возможно, в силу характера и привычек иногда получалось плохо, но, с*ка, старался!

Я специально улетел, дав нам возможность остыть и осмыслить всё. И по приезде в офис погружаюсь в дела с головой, добросовестно стараясь отвлечься. Не получается, бл*ть. Засели её слова болезненной занозой.

Шлюха...

Что же, я дам ей почувствовать, каково это — быть для меня такой женщиной.

С каким-то садистским предвкушением собираю интимные игрушки, представляя, как использую каждую. Шкура дыбом, в голове странный туман, а в груди приглушённая агрессия. Я понимаю, что не должен срывать на своей фее, но это выше меня.

Перед отъездом навещаю её семью, как и обещал. Через протесты вручаю матери пачку денег. Гордость — это у них семейное. Уверяю, что с её дочерью всё в порядке.

— Я решил, что для Юли лучше будет побыть на море подольше. Её организм крайне измотан. Мы вернёмся дней через десять.

— Да, Юленька многое пережила за последний год. Ей, действительно надо отдохнуть, — кивает женщина.

Оказавшись на вилле, не нахожу свою фею. Узнаю, что она с самого утра ушла на пляж.

— Каждый день ходит, — докладывает служанка.

Переодеваюсь и иду к океану. Вижу Юлю, сидящую в пенном прибое и тихо крадусь к ней. В груди теплеет. Вспышкой затапливает нежность. Мягко касаюсь её. Она вздрагивает и напрягается. И тут же в груди злость просыпается. Вижу её взгляд и понимаю, что боится.

Тут же кровь вскипает.

Я ведь к концу недели решил, что моя задумка весьма дерьмовая, но сейчас снова в бездну срываюсь.

Намеренно её унижаю, спрашивая взглядом: «Нравится? Ты этого хотела? Таким меня видеть желала?»

Юля покорно выполняет мои приказы, но вижу, как ей противно. Мне самому не лучше, но роль, отведённую мне, намереваюсь отыграть до конца.

Как же она красива! Соблазнительна даже с полным отторжением в глазах. Сама грация. Кого я сейчас наказываю, кому пытаюсь что-то доказать? В голове уже мысли путаются, а в груди все эмоции в клубок гремучих змей сплетаются.

— Поговорила? — произношу холодно, когда девушка протягивает дрожащей рукой телефон. Вижу, что у неё глаза на мокром месте. Внутри беснуются дикие звери. Бл*ть!

— Да, — тихо отвечает она охрипшим голосом. Покорно и подавленно.

Завтра я стану другим для неё и для себя, но сегодня доведу начатое до конца. Меня задевает её неприязнь, хотя понимаю, что отчасти сам виноват. Но как же хочется отклик почувствовать, увидеть в её глазах вызов. Не отчуждение и брезгливость, а страсть, пусть и злую, колючую...

Телефон небрежно откидываю на диван, рывком встаю и подхватываю её на руки. Несу напрягшуюся девушку в спальню и укладываю на кровать. От неё пахнет мной и это сводит с ума. В душ фея не ходила.

— Поласкай себя для меня, — шепчу хрипло, усаживаясь напротив кровати.

Хочу, чтобы Юля возбудилась. Мне не понравилось трахать бревно. Ни одной эмоции — голое подчинение.

Девушка смотрит на меня потухшим взглядом и начинает скользить рукой вниз.

— Бл*ть! — шиплю. — Ты вообще живой человек?! — не выдерживаю.

Она замирает.

— Что тебе нужно от меня? — выдавливаю севшим голосом.

Рычу, пытаюсь задушить злость.

— Хочу поверить, — произношу холодно.

Она непонимающе моргает.

— Во что?

— Да хоть во что-нибудь! Ты или изображаешь оскорблённую, или становишься покорным манекеном. Выплесни эмоции, наконец! Страсть, злость, протест. Хоть что-то!

Юля усмехается.

— Зачем? — звучит безжизненно.

— Чтобы живой быть! Твою мать! — вскакиваю и нависаю над ней. — Живой, понимаешь?

Она долго смотрит на меня, а потом резко отталкивает.

— Ненавижу! — шипит. И я чувствую, что стена получила брешь. — Как же я тебя ненавижу!

— От ненависти до любви один шаг, — издаю смешок и тут же получаю ещё один ощутимый пинок.

— Ты упиваешься своей властью, корчишь из себя хозяина всего и вся, хочешь, чтобы тебе подчинялись. Играешь с людьми, считая, что понимаешь их? Чёрта с два! Эгоист и тиран!

Наконец, у Юли в глазах появляется живой блеск. Практически огонь.

— А ты? — вкрадчиво. — Кто ты?

— А я твоя глупая жертва, — выдаёт она хрипло. Её голос снова начинает тускнеть, теряя запал.

— Так ты это видишь? — тяну и опускаюсь к аппетитной груди, вбираю в рот сосок, чувствительно прикусывая зубами.

Юля вздрагивает.

— Что прикажет хозяин? — говорит сухо, глядя мне с вызовом в глаза. Вот оно! Ловлю эту эмоцию. Ты ведь только строишь из себя покорность, чтобы вывести меня из себя.

— Прикажет получать удовольствие, — усмехаюсь и теперь уже мягко скольжу языком по розовой вершинке.

— А если рабыня не сможет? Её ждёт очередное унижение?

— На вещи можно смотреть под разным углом, — хмыкаю и ныряю пальцами в горячее лоно.

Девушка замирает.

— Вести себя тоже можно по-разному. Но у тебя лучше получается роль узурпатора.

— В таком случае я вынужден отыграть свою роль так, чтобы мне поверили. Знаешь, всегда любил ролевые игры, — усмехаюсь, видя в глазах феи смятение.

— В твоём понимании узурпатор — он какой? М? Мне ведь нужно соответствовать, сладенькая, — размашисто лижу сосок, видя, как Юля закусывает губу.

— Мне не нужно объяснять. У тебя эта роль и так прекрасно выходит.

Понимаю, что нужно сменить тактику. Девушка не откликается на мои ласки, а я хочу видеть, как она выгибается в моих руках, постанывая от удовольствия.

— А если мне хочется отыграть другую роль? — приподнимаю одну бровь.

— Вряд ли она у тебя получится также хорошо.

— Сейчас и проверим, — усмехаюсь и спускаюсь за своим чемоданчиком.

Владислав

Юлю застаю в той же позе. Она напряжённо следит за каждым моим шагом и движением. Любуюсь своей феей. Шоколадом её волос, струящимся по плечам, изгибами тела, нежной кожей и длинными ногами. Огня добавляет ещё и то, что я вознамерился сделать. Чёрт, рискую! Очень сильно, но именно это заводит.

— Вот, — ставлю чемоданчик на прикроватную тумбочку. — Теперь ты дирижёр.

В глазах феи непонимание.

— Я в полной твоей власти, — усмехаюсь. — Хочешь мне отомстить?

— То есть, я могу делать с тобой всё, что пожелаю? А как же контракт?

Из её уст это звучит ещё сексуальнее. Ещё и этот хриплый голос, от которого каждый волосок на теле топорщится.

— К чёрту. На эту ночь я даю тебе карт-бланш, моя сладкая.

Настороженность сменяется любопытством.

— А если я захочу strapon тебе в задницу запихнуть?

— Буду воспринимать это как новый для себя опыт. Всё что угодно из твоих рук вытерплю.

Юля с сомнением приподнимает бровь, но в игру включается и от этого дикий азарт появляется. На что хватит её фантазии, смелости и жажды к авантюрам? А может, обиды? Но я всё решил. Любую боль стерплю, если потребуется, тогда Юля будет считать нас равными, а свою обиду отомщённой.

— Хорошо. Тогда ложись лицом вниз, — распоряжается коротко.

Ого! И наверное, с ограничениями я поспешил. Только сейчас ловлю себя на банальной трусости, и это вызывает раздражение. Мужик сказал — мужик сделал. Ложусь.

— Руки к изголовью подними, — следующий приказ разрядом по венам. Подчиняюсь.

Юля берёт наручники и пристёгивает запястья к изголовью кровати.

— А ты не такая правильная девочка, какой хочешь казаться? — мой голос тоже охрип. В груди настолько разные эмоции плещутся, захлёстывая с головой, что соображать нормально уже не выходит. Никогда ничего подобного не испытывал. Привык контролировать. Подчинение — новая для меня роль.

— Спокойной ночи, испорченный мальчик, — холодно.

С этими словами фея просто выходит. Сначала даже осознать не могу, жду, что вернётся, но через несколько минут понимаю, что Юля действительно оставила меня. И ведь не возмутишься. Я дал ей полную власть на эту ночь.

Молчу, но внутри бешенство волнами наотмашь по рёбрам бьёт. Пытаюсь руки высвободить, но безрезультатно. Через пару часов сдаюсь. Ещё несколько часов проходят в попытках принять ситуацию. Юля смогла отомстить, почти не дотрагиваясь до меня. Бомбит. Как же, чёрт её дери, бомбит. От воспоминаний стояк больно упирается в кровать, я скриплю зубами и тихо рычу. Возбуждение до утра не отпускает. Перед глазами покорная лисичка. Примешанная к этому злость только распалает ещё больше.

Впредь не допущу такой ошибки. И Юля зря решила так поступить. Своими действиями, а вернее бездействием, она монстра во мне пробудила, о котором я и сам не подозревал. Отрубаясь только под утро. Рук к этому моменту уже не чувствую.

А просыпаюсь от шороха в комнате. Передо мной фея. Выглядит отдохнувшей. На губах играет издевательская улыбка.

— Как прошла ночь? — саркастично.

— Вполне сносно. Страпон был бы хуже, — пытаюсь шутить, а внутренности снова скручивает от разнополюсных эмоций.

Прицокивает язычком, подходит к изголовью и освобождает мои онемевшие руки.

— Повторим как-нибудь? — спокойно интересуется. Издевается. — Мне понравилось. Я спала как младенец, ощущая себя в безопасности. От тебя, — холодно добавляет, сверкнув глазами.

Усмехаюсь, растирая запястья. Руки начало нещадно колоть.

Фея хочет уйти, но я не намерен её вот так просто отпускать.

— Сядь, — рыком.

Вздрагивает и тут же падает на ближайший стул.

— Лучше бы ты выбрала страпон, — тихо. — Честно. Возможно, сейчас у меня были бы иные мысли. Но нет. Эту ночь я провёл обездвиженным, и чтобы себя хоть как-то развлечь, мне пришлось вспоминать тебя в роли лисички. Знаешь, фантазия настолько разыгралась, что к утру я мечтал только об одном — засадить тебе поглубже. Неудовлетворённый мужик — это страшно, сладкая.

Встаю, делаю пару шагов к её стулу и нависаю над сжавшейся девушкой. Медленно веду пальцами по кромке кружев, обхватывающих шею, ниже к вороту атласного белоснежного халатика. Слышу, как девушка шумно сглатывает, но смотрит прямо в глаза, вышибая искры, словно я чёртово огниво. Вытаскиваю тонкий пояс, опускаю лёгкую ткань с плечика, мягко целую, играя с девушкой.

— А если я тебя оставлю в той же позе? — шепчу ей в шею. — На весь день. М? Только сам спать не пойду, — улыбаюсь, видя, как расширяются и без того большие серые глазищи. — Но сначала мы позавтракаем, — отступаю.

Я же не садист какой. Юля и так ещё вес не восстановила. Игры играми, но забывать о здоровье не стоит.

— Я не хочу, — звучит с вызовом.

— Тогда поешь через силу, — пожимаю плечами и ухожу в душ.

Весь завтрак Юля сверлит меня убийственным взглядом, но послушно глотает овсянку, сваренную служанкой.

— Я не собираюсь тебя наказывать за довольно своеобразную выходку, — нарушаю тишину. Не буду скрывать, я буквально взбешён, но мне стоит признать, что сам в этом виноват. Впредь я буду осторожнее выбирать слова. Подумать только, — усмехаюсь, — я в бизнесе таких оплошностей не совершал, а с тобой...

— Значит, издевательств больше не будет? — тихо спрашивает Юля.

Приподнимаю одну бровь.

— А что ты расцениваешь как издевательство? Глубокий минет или лисий хвост?

Щёки феи вспыхивают. Мне нравится её провоцировать.

— Всё!

— Неужели от начала и до конца? — притворное удивление. — А как же ты с мужем сексом занималась? В темноте под одеялом?

— Не передёргивай. Ты прекрасно всё понял, — раздражение в голосе уже не скрывает.

— Нет, — весело. — Мне всё понравилось.

— Кто бы сомневался, — зло. — Дураком решил прикинуться? Нравится меня злить?

— Угу, — отзываюсь спокойно, делая глоток горячего кофе.

— Дело в отношении, Влад! Любое действие может нести абсолютно разный заряд.

— Полностью согласен.

Резко поднимаюсь, оставляю посуду на край стола и всё под пристальным и настороженным взглядом своей феи. Намеренно не делаю резких движений. Выбираю тактику. Сегодня всё будет иначе. Я должен понять эту женщину.

Подхватываю её на руки и усаживаю на стол, опираясь на столешницу по обе стороны от её бёдер. Глаза в глаза, дыхание начинает сбивать. От моего ангела пахнет так, что сознание мутится.

Медленно снимаю халатик, скользя взглядом по пышной груди в прозрачном лифчике. Вкус у меня есть. Чертовски красиво. Нажимаю на плечи, укладывая Юлю на свою руку. И всё-таки какая она хрупкая по сравнению со мной.

— Что тебе нравится, сладкая? — шепчу, опускаясь поцелуем на ключицу. — Я готов быть разным для тебя. Только до сих пор не могу понять, каким мне стать?

— Влад, — моё имя звучит почти стоном. Вижу, как Юля морщится. Не ту интонацию она вкладывала, не тот посыл?

— М?

Опускаюсь ниже.

— Только скажи, — шепчу хрипло. Это почти мольба. Даже злость и раздражение ангелу удаётся погасить во мне так быстро, что самому удивительно. Они растворяются, как только я её вижу. Капитулируют, склоняются перед ней. Мои барьеры рушатся от одного взмаха ресниц этой женщины.

— Мне это не нужно? — звучит тихо.

Не сразу получается осмыслить сказанное.

— Что ты имеешь в виду, — с усилием отрываюсь от притягательной груди и смотрю в глаза. Там настоящий ураган.

— Я выполню условия контракта и уйду. Не придумывай то, чего нет.

Хочется ударить кулаком по столу, но сдерживаюсь, продолжая неотрывно смотреть девушке в глаза.

— Влад, ты не мой мужчина. Я... слишком много негатива уже было между нами. До твоего приезда, сидя возле океана, я допускала, что у нас может что-то получиться. Моя обида и злость улягутся, я смогу посмотреть на тебя иначе. Но вчера...

— Я всё испортил?

Кивок.

— Бл*дь! — не сдерживаюсь.

Делаю несколько глубоких вдохов.

— Юль, давай всё забудем? Начнём с чистого листа, м? Представим, что познакомились здесь, на этом самом пляже?

— У меня не получится, — она качает головой. — Я всё время стану ждать очередной вспышки от тебя. Понимаешь? Мне иногда так страшно. Я тебя боюсь!

Её признание бьёт безжалостно, со всей силы, вышибая воздух из лёгких. Заигрался.

Юлия

— Мам, как вы там? — хрипло. А сама чуть не плачу.

— Всё хорошо. Маришка скучает по тебе сильно. Доча, а почему у тебя голос такой? Заболела?

— Простыла немного, — отвечаю, подавляя в себе приступ отвращения и ненависти к Громову. — Скажи Кнопке, что я тоже скучаю. А лучше позови к телефону.

После этого я минут пять разговариваю с дочкой. Обещаю привезти ей какой-нибудь подарок. Она и так в последнее время ими не избалована.

— Мам, — произношу серьёзно, когда дочка трубку бабушке отдаёт. — Сколько Громов вам денег передал?

— Ой, Юленька. Много.

— Ты возьми часть, потрать на Маришку, себе что-нибудь купите с дядей Лёшей, но остальное отложи. Я хочу создать нам с дочкой финансовую подушку безопасности по возможности. Ладно?

— Конечно-конечно. Я и не собиралась тратить, — соглашается мама. — Всё же, это больше твои деньги.

После разговора с родительницей на душе немного теплее становится. Даже к Владу не так страшно идти. А потом всё поворачивается так, что мне даже не верится. Просчитался ты, Громов в своих планах на эту ночь.

Пристегнув его наручниками к кровати и выскользнув из комнаты, с облегчением выдыхаю и со спокойной совестью иду спать. Мне ничуть не совестно. Напротив, в душе злорадство сыто облизывается. Пусть это маленькая месть, но она есть, и она моя.

Громов меня буквально растоптал своим поведением. Распинался о чувствах, а сам? Разве мужчина, который испытывает к женщине тёплые чувства может её унижать и быть в своих поступках жестоким? У меня до сих пор вся промежность болит. Я бы пережила секс без возбуждения, но хвост — это перебор. Хотя о чём я? Контракт. По нему Громов может вытворять всё, что ему заблагорассудится. Мне остаётся лишь смириться и терпеть, даже если противно, даже если больно. Это я и делала.

Утром приходится вернуться к нему в спальню. Я понимаю, что вечно его на привязи не продержат. И наверняка Влад сейчас зол, как стая разъярённых псов. Как бы мне месть не вышла боком, обернувшись ещё большим унижением...

Однако, Громов меня удивляет. Неужели он думает, что можно запросто перечеркнуть весь негатив? Я ведь пыталась, правда пыталась посмотреть на ситуацию по-другому. И готова была начать наши отношения в другом ключе, как только он вернётся. Но, получила агрессию в свой адрес. Согласна, я обидела его. Но разве настоящий мужчина опустится до такой мелкой мести женщине, которой признаётся в любви? Его поступок просто вопит о нутре Громова и о том, какое на самом деле отношение у него ко мне.

Он выдумал любовь и сам в неё поверил.

Но сама я впредь буду осторожнее, чтобы снова не нарваться на подобное поведение. Все мысли и чувства запрю глубоко внутри, а для него стану играть ту роль, которую он так хочет. И придя к этой мысли, даже расслабляюсь немного. Я выбрала тактику поведения. Осталось продержаться десять месяцев.

— Юля... — Громов со вздохом отступает.

— Ты хочешь, чтобы я прониклась твоими чувствами, — утверждаю, а не спрашиваю. —

В таком случае постарайся вести себя мягче. Мне претит жестокость, принуждение и унижение. Я никогда не смогу нормально относиться к такому мужчине. Ты всё время пытаешься меня подавить. Контроль во всём. А при помощи бывшего мужа ещё чувство вины во мне развиваешь, заставляешь меня сравнивать, чтобы это сравнение играло тебе на руку. Ты сказал, что Рома мне изменял.

— Не говорил, — качает головой Громов.

— Не прямо, — соглашаюсь. — Но доказательств этому нет. Всего лишь твои выводы. И да, мне нелегко было последние полгода. Не стану вдаваться в детали, скажу лишь, что не знаю наверняка, как бы повела себя на месте мужа. Окажись в его положении, как бы ты себя чувствовал и как бы себя вёл?

— Я не окажусь в его положении, потому что никогда не усомнюсь в своей женщине и до конца буду за неё бороться, не прячась малодушно за бутылку.

Качаю головой.

— Слышал выражение: «Не зарекайся»? Ты не можешь знать, что готовит жизнь.

— Но я знаю себя, — непреклонно.

— Угу, — сил спорить с ним попросту нет.

— Пойдём на пляж? — переводит тему Влад. — Поплаваем.

Киваю и спрыгиваю со стола. Моя маленькая победа? Больше мне не стоит ждать тирании? Во всяком случае в ближайшее время.

Как же хорошо плескаться в тёплой прозрачной воде. Словами не передать! Мы плаваем почти до обеда, а потом идём в тот маленький ресторанчик. На этот раз Влад заказывает морского ежа. Довольно интересный вкус. Мне нравится. А после мы просто гуляем по острову, любуясь местной природой.

И так несколько дней кряду. Небольшая передышка в нашем противостоянии. По ночам Влад, действительно нежен, но удовольствия я всё равно не получаю. Внутреннее напряжение так до конца и не отпускает. Я пытаюсь отключиться, сосредоточившись на ласках, но не выходит! Громов уже нервничает, я это чувствую. Он скрывает, но я по взгляду всё понимаю, по изменившимся прикосновениям.

— Юля, — наконец, не выдерживает он. — Я же чувствую, что ты симулируешь. Думаешь, я настоящий оргазм не распознаю?

Молчу, поджимая губы. А что сказать?

— Давай сходим к сексопатологу, как прилетим в Москву.

Отвожу взгляд.

— Тебе нравится такое положение вещей?

— Я не знаю, что тебе ответить, — отвечаю честно.

— Ладно. Тогда решение остаётся за мной. Мы сходим к сексопатологу.

— Как скажешь, — покорно соглашаюсь. Вижу, что бешу этим Влада ещё больше, но он ничего не говорит.

У нас осталось несколько дней в этом природном раю, и я не планирую ругаться с Громовым. Достало уже всё до чёртиков!

Мы продолжаем лениво наслаждаться океаном. Лежу на солнышке, любуясь бирюзой водной глади. Замечаю в груди странное жжение. Странные ощущения. Раньше ничего подобного не было. Внутренне холодею. Еле дожидаясь момента, когда мы на виллу

возвращаемся. Бегу в душ и внимательно ощупываю грудь. Там уплотнение! В глазах резко темнеет. У меня начинается паника. Мечусь по комнате, пытаюсь взять себя в руки. Громову ничего не скажу. Сначала надо обследоваться.

Юлия

Стылые улицы Москвы встречают равнодушной серостью. На работу мне теперь не надо, поэтому безотлагательно записываюсь на приём к маммологу-онкологу. Надеюсь, что не всё так страшно, как успела себе напридумывать за несколько прошедших дней. Громов видел мою нервозность, но я убедила его, что это из-за разлуки с дочерью и наших с ним натянутых отношений. Маме тоже ничего не сказала, чтобы понапрасну не нервировать.

Врач долго спрашивает про самочувствие, приём гормональных препаратов, если таковые были в моей жизни. Честно рассказываю про кровотечение, на что немолодой мужчина только головой качает.

— Замечали сухость кожи, выпадение волос?

— Если немного.

— Стрессы?

Честно пересказываю последний год моей жизни. Только про контракт умалчиваю, но в общих чертах обозначаю, что пошла на сделку с влиятельным человеком ради спасения мужа.

— Раздевайтесь и ложитесь на кушетку.

Когда на грудь опускается прохладная трубка аппарата УЗИ, внутренне сжимаюсь и молюсь, что есть мочи.

— Юлия Григорьевна, вот смотрите, — врач тычет пальцем в экран. — Киста. Пока небольшая — 2,5 сантиметра, но вокруг неё не очень хороший ареол. В обычных случаях он должен быть светлым, а у вас тёмный.

Видя мой взгляд, врач тут же спешит хоть немного успокоить.

— Это ещё не приговор, не пугайтесь так. Просто нужны будут дополнительные анализы. И операция как можно скорее. Обычно я не тороплю пациентов с кистами. Для начала назначаю анализы, терапию, мы наблюдаем за тенденцией. Иногда операция и вовсе не нужна. Но не в вашем случае. Киста начала делиться, приобретя вид кластерной — это не очень хорошо. Но это не рак! — мужчина хлопает меня по заледеневшей руке. — Думаю, всё будет хорошо. Главное, не переживайте. Стресс всегда пагубно сказывается на организме. Хорошо то, что она даёт о себе знать. Рак никогда не проявляется, вплоть до последней стадии. И если ваша шишка печёт или побаливает, то это, напротив, хороший признак.

После этого врач обследует вторую грудь.

— Да, здесь тоже есть, но всего полтора сантиметра и со светлым ореолом, однородная. Показаний к удалению нет, будем наблюдать. Сейчас я вам распишу все анализы, которые необходимо сдать в ближайшие дни. С результатами сразу ко мне. Сделаем пункцию, и я безотлагательно дам вам направление на операцию. Придётся пару дней полежать в стационаре, но если вы категорически против, то настаивать на этом не буду. Приедете через пять дней на перевязку, и всё.

Киваю. В ушах гул, голова идёт кругом. Всё так быстро и так страшно...

Трясущимися руками забираю листик с назначениями.

— Кровь сдавать натошак, даже зубы чистить нельзя, — напутствует мужчина. — Запомнили?

— Я медработник, — киваю в трансе.

— Не волнуйтесь так. Болезни груди сейчас очень хорошо лечатся. Даже рак на ранних стадиях в девяносто процентах случаев почти полностью излечим. Вы кинулись вовремя. Хвалю.

Ещё один кивок и на негнущихся ногах выхожу из клиники. Некоторое время петляю по морозному скверу, чтобы взять себя в руки. Родные не должны переживать раньше времени. Если после операции меня сразу отпускают домой, то вообще нет ничего страшного. Верно? Пугали слова про тёмный ореол вокруг кисты и это нехорошее качание головой врача...

Успокоиться смогла спустя час. По дороге домой зашла в магазин, купила вкусностей к чаю и с улыбкой зашла в квартиру. Маришка буквально липла ко мне, не желая отходить даже на минуту. Она делилась впечатлениями от прогулок с дядей Лёшей, рассказывала, как они вместе катались на санках с большой горы, а потом в кафе ели мороженое.

Дочери не хватало отца, и мамин муж ей его заменил и поспособствовал оттаиванию Маришки. Она за прошедшие недели стала не такой замкнутой. Я готова была расцеловать дядю Лёшу. Своего отца не помнила. Мама всегда скупко говорила, что мы ему были не нужны. Она всегда сторонилась мужчин, да и от дяди Лёши долго отбивалась, но он оказался настойчивым. И теперь этот мужчина заменил мне отца, Маришке деда, а мамины глаза заставил светиться счастьем.

— Как там Рома? — вскользь поинтересовалась родительница, когда мы с ней остались наедине.

Дядя Лёша увёл дочку лепить из пластилина.

— Влад говорит, что операция прошла успешно. Скоро начнётся физиотерапия, и есть все шансы на полное восстановление.

— Это хорошо. А у вас с Владом как?

Пожала плечами, не желая углубляться в детали своих переживаний.

— Нормально, — отмахнулась.

Мама лезть с дальнейшими вопросами не стала, видя мой настрой.

Утром отправилась сдавать анализы. Из меня, наверное, сто грамм крови выкачали, столько исследований назначил врач. Потом купила витамины, которые он настоятельно советовал начать пить, как можно раньше, и зашла перекусить в бистро.

Последующие дни старалась отвлечься, посвятив себя максимально дочери. Если бы я работала, то не думать о результатах обследования было бы проще. Громов пропал почти на неделю. Звонил, интересовался как дела и говорил, что скопилось очень много работы. Но за неделю он прислал мне два огромных букета роз и кулон-каплю с бриллиантом в комплект к браслету.

Даже мысли не возникло отказаться. Теперь я ещё сильнее думала о будущем дочери и откладывала каждую копеечку, стараясь тратить на себя по минимуму. К слову, Громов и своеобразную зарплату мне платил. Это я к концу шестого дня узнала. Пришёл его водитель и со словами: «Владислав Юрьевич просил передать», вручил мне пухлый конверт с крупными купюрами.

К нему прилагалась записка: «Пусть мой ангел ни в чём себе не отказывает».

Вытащила из пачки несколько бумажек. Пару отдала маме за проживание, хотя они с дядей Лёшей в один голос отказывались от денег, но я настояла. Пару оставила себе на проживание, остальное спрятала, положив к первой пачке.

В понедельник пришли результаты анализов, и завтра мне предстояла новая встреча с моим лечащим врачом.

Юлия

— Юлия Григорьевна, — приветствует меня врач улыбкой. — Присаживайтесь.

Сглатываю вязкую слюну и протягиваю ему листы с результатами анализов.

— Ну что, — мужчина пробегает внимательным взглядом по таблицам. — Кое-какие показатели занижены, но в целом... хотя один пункт мне не очень нравится. Ваша резистентность к инсулину по нижней границе. Хотя не будем делать поспешных выводов. Я уже говорил, что затягивать с операцией не стоит?

Киваю, вцепляясь заледеневшими пальцами в сумочку.

— На какой день мне назначать первый этап? Отправим на анализ жидкость из кисты, тогда картина станет более понятной, хотя тоже не стопроцентно точно. Окончательный диагноз только после операции и исследований самого образования.

Вздыхаю.

— Я могу в любой день.

— Хорошо. Тогда приезжайте в среду к половине одиннадцатого.

И снова на ватных ногах покидаю клинику. Как назло, Громов тоже назначает мне встречу на среду.

— Влад... — делаю паузу, пытаюсь придумать причину, по которой не смогу к нему приехать. — Я записана на приём к врачу, — наконец решаю сказать частичную правду. Всё равно этот человек докопается до истины, если заподозрит неладное. И лучше уж не злить Громова.

— Что случилось? — тут же напрягается мужчина.

— Пока ничего страшного. Небольшой сбой организма после стресса и противозачаточных.

Снова частичная правда.

— Я поеду к врачу с тобой, — звучит неожиданное. Чуть телефон на тротуар не роняю.

— Нет. Я не хочу этого. Оставь мне хотя бы видимость свободы. Должна быть у меня личная жизнь или нет?

— Не должна быть, — безапелляционно.

— Влад!

Но мужчина непреклонен. Уже жалею о своей откровенности.

— Когда? — только и спрашивает он.

— Приём завтра в половину одиннадцатого, — вздыхаю обречённо.

— Я за тобой заеду. Клиника далеко от дома?

— Нет. В половине часа на автобусе.

После этого Громов кладёт трубку. Чёрт!

Утро среды для меня начинается нервно. Я пытаюсь сосредоточиться на разговоре с мамой, но то и дело упускаю нить. Мне страшно. Представляю, как сегодня в грудь иголки будут тыкать и буквально пот холодный прошибает, хотя врач уверял, что это не более обычного укола. А ещё и Громов... Хочется взвыть, но креплюсь.

— Юленька? — мама заглядывает мне в глаза. Видимо, она уже какое-то время пытается привлечь моё внимание. — У Маришки скоро день рождения. Я думала, что стоит устроить девочке праздник. В прошлый раз она даже поздравлений нормальных не

удостоилась. Всё на бегу и постоянная нехватка денег, нервы...

— Да, хорошая идея, — нахожу в себе силы улыбнуться. А ведь и правда, у дочки скоро день рождения. Месяц остался. Я совсем со своими проблемами из нормальной жизни выпала. — Подумаю, как можно отметить.

Мама улыбается, а я ухожу собираться. Родительнице говорю, что с Владом на свидание иду.

Мужчина ждёт меня у подъезда. Как всегда, шикарен, но сегодня холодное выражение лица отсутствует. Вместо этого во взгляде тревога, между бровей тонкая складка, выдающая его напряжение. Он затягивает меня в объятия и целует в щёку. Со стороны полная идиллия.

— Как я соскучился, — шепчет в шею. — Не мог раньше вырваться из-за работы.

— Ничего страшного, — отзываюсь.

Громов только хмыкает, понимая, что для меня его отсутствие скорее награда, чем наказание.

— Куда везти?

Я называю адрес клиники. Надеюсь, что он подождёт меня в машине или хотя бы приёмной ограничится, но как только Влад видит надпись: «Частная онкологическая клиника» тут же буквально с цепи срывается.

— Почему ты не сказала, что всё настолько серьёзно? — его интонацией металл можно резать.

— Ещё неизвестно насколько, — отзываюсь, поджав губы.

— Какой диагноз?

— Киста в груди, — не вижу больше смысла ходить вокруг да около.

К нам выходит мой лечащий врач.

— Здравствуйте, — мужчина окидывает Громова колким взглядом. Он догадался, кто со мной пришёл.

— Здравствуйте, — вежливо отвечает Влад, помогая мне снять пальто.

— Юлия Георгиевна, пройдёмте. Я уже всё подготовил.

— Я иду с ней, — коротко и сухо.

— Извините, но сейчас будет проходить своего рода операция и посторонние мне в кабинете не нужны, — отрезает врач, видя мой умоляющий взгляд и правильно его толкуя. Готова его сейчас расцеловать.

Громов явно недоволен, но не перечит. Хмурится и усаживается на небольшой диванчик в холле.

— Вам приготовят кофе, — отзывается врач и уводит меня за собой.

Буквально сбегая, потому что Влад мечет громы и молнии, оправдывая свою фамилию.

— На вашем месте, Юлия Григорьевна, я бы к психологу походил. Знаете, ведь проблемы с грудью могут носить чисто психологический аспект. Я за свою практику навидался всякого, поэтому не отвергаю никаких методов лечения. Скажу одно: всевозможные образования в груди — это обида женщины на мужчину. Да и вообще любая сильная обида. Не побрезгуйте моим советом, я ведь вам искренне желаю скорейшего выздоровления и со своей стороны сделаю всё возможное.

Киваю, принимая к сведению. Наверное, после всего пережитого мне, и правда, не мешало бы посетить психолога.

Процедуру переношу стоически. И правда, всё не так страшно, как мне казалось.

— Результаты будут через пару недель. За это время я бы порекомендовал сделать

операцию.

— Хорошо, — тяжело вздыхаю, застёгивая блузку.

— Если на десятое февраля?

— Меня устроит, — прикидываю, что как раз успею восстановиться до Маришкиного дня рождения. Оно у неё третьего марта, времени достаточно.

— Записал. Операция будет проходить вот в этой клинике. Ваш хирург — Стоцкий Иван Александрович. Приедете за двадцать минут до назначенного времени. Обязательно купите спортивный поддерживающий топ без чашек. И не волнуйтесь, всё будет хорошо, — ободряет меня врач на прощание.

— Спасибо, Владимир Иванович, — улыбаюсь вымученно.

Громов тут же вскакивает, как только я вхожу в холл.

— Всё хорошо. Поехали, — говорю ему, подходя к вешалке.

Удивительно, но Влад не закидывает меня вопросами. Зато уже в машине выхватывает лист с УЗИ и прочими данными. Долго его изучает, хмурится.

Я вижу, как напряжено его лицо, все движения короткие, хлёткие. Молчу.

— Я поеду с тобой на операцию. И для начала узнаю, что за врач тебе назначен. Отзывы посмотрю. Если они мне не понравятся, то найду другого.

— Мне его лечащий врач назначил. Уверил, что Иван Алексеевич хороший специалист.

— Я всё сказал, — в своей манере отвечает Громов, а потом резко поворачивается ко мне. — Юля, почему ты мне ничего не сказала?

— Я и маме ничего не говорила, — отвечаю, поворачиваясь к окну. Не могу выдерживать этот обвиняющий холодный взгляд. — Не хотела никого волновать раньше времени.

После этих слов Громов немного расслабляется.

— Поехали, пообедаем где-нибудь? — предлагает.

Мне остаётся только согласиться. Любой каприз, как говорится.

Владислав

По прилёту в Москву на некоторое время буквально из жизни выпадаю. Дела-дела-дела. Даже кофе попить иногда не успеваю. Намеренно даю Юле передышку. Последнюю неделю на отдыхе у нас хоть и было всё спокойно, но не отпускает странное чувство. Мне кажется, что Юля притворяется. Выбрала тактику поведения, так и не простив мне той выходки с хвостом.

Когда решаю встретиться и звоню, чтобы услышать голос своей феи, меня ждёт настолько неприятный сюрприз, что словами сложно передать. Она заболела. Но я даже представить не мог, насколько всё страшно. Когда узнаю, что стряслось, чуть голову не теряю. Перед глазами картинки с немощной, истощённой женщиной вспыхивают. Я не позволю Юле повторить мамину судьбу. Теперь я не тот маленький, беспомощный мальчик.

Мы едем после клиники в ресторан, а я чувствую, как внутри всё от тревоги сжимается. Искоса смотрю на Юлю и, мне кажется, что она абсолютно спокойна. Почему? Или передо мной вида не показывает? Это задевает похлеще брошенных ею слов на острове. Не доверяет, не считает меня близким человеком. Обычно есть две причины молчания в таких случаях: ты либо боишься стать причиной тревоги для близких, хочешь их оградить, либо считаешь человека чужим для оглашения такой информации. Уверен, что Юля и не думала ограждать меня от психологических потрясений. На душе гадко.

В ресторане ловлю себя на том, что насмотреться на своего ангела не могу, надышаться. Страх потери обострил все чувства до предела. Я и так посажен на эту женщину как наркоман на иглу, но сейчас моя зависимость, кажется, вышла на новый уровень.

У меня на этот день были совершенно другие планы, но сейчас не хочется постельных утех. Иное нужно. Я до одури жажду её доверия. Неужели просрал свой шанс как последний идиот?

— Юль, как ты смотришь на то, чтобы поехать куда-нибудь? Просто погулять, провести хорошо время.

Девушка вскидывает на меня удивлённый взгляд. До этого у нас за столиком висела тишина. Девушка задумчиво ковырялась в салате, но теперь оживилась.

— Я не знаю... — тянет. — Куда именно ты хочешь пойти?

— Мне знакомый как-то советовал одно место, но я там ни разу так и не был. Поехали?

Она осторожно кивает, даже не спрашивая подробностей.

До частной базы отдыха, расположенной в лесу, ехать довольно долго. Прикидываю, что к вечеру мы будем там. Юля звонит родным и предупреждает, что приедет только завтра, и мы срываемся с места.

Через час пути начинается снег. Сначала небо сыплет в лобовое стекло пригоршни ледяной крошки, заставляя раздражённо морщиться и сосредоточенно всматриваться в даль. Но чем ближе мы подъезжаем к лесу, тем сильнее меняется погода. Теперь за окном падает мелкий снежок, заматая позёмкой просёлочные дороги. Как бы такая погода не внесла коррективы в наши планы.

Но до базы мы добираемся без особых трудностей, хотя к моменту нашего прибытия дорога уже заметена прилично. Перед нами гостеприимно распахиваются большие кованые ворота, отделанные тёмным деревом. Охранник машет рукой, показывая, где припарковать

машину. А потом нам рассказывают об устройстве базы. На территории оказывается несколько гостевых домов, ресторан и банный комплекс. Вижу, что Юля восхищённо осматривает срубы с витражными окнами и подсветкой из тысячи мелких лампочек.

Ветер утих, снег стал падать большими, пушистыми хлопьями, погружая и меня в ощущение сказки. Я знаю, где и с кем встречу следующий Новый год. Он не станет для меня очередным стылým, унылым призраком одинокой жизни.

Беру девушку за руку, сплетая наши пальцы. Юля спокойно реагирует на этот жест, но меня задевает, что не вижу отклика.

Провожатый рассказывает нам об устройстве базы, показывает, где находится ресторан, где банный комплекс, и ведёт в домик администратора. Нас тут же заселяют, спросив на какое время мы планируем задержаться и нужны ли нам услуги банщика. От профессионального парителя отказываюсь. Нафига нам левый мужик? Я приехал наслаждаться компанией своей женщины.

— Здесь потрясающе красиво, — шепчет Юля, поднимаясь на просторную веранду.

Дом пахнет деревом. Для нас растапливают камин и, принимают заказ на ужин и оставляют одних.

— Хочешь сходить в баню? — с улыбкой интересуюсь, осматривая гостиную.

Всё максимально натуральное, выглядит стильно и дорого. Мне нравится. Не зря знакомый советовал это место.

— Я никогда не была в бане, — тихо говорит Юля, ведя пальцами по выпуклому бревну стены.

— Значит, сегодня ты там побываешь.

Девушка задумчиво смотрит на меня, но не могу понять, что таится в её взгляде.

Мы располагаемся возле камина, включив какой-то семейный фильм. Нам как раз принесли ужин.

Молчим. Сейчас мне не хочется вести диалогов. Они у нас всегда выходят либо колкими, либо какими-то нейтрально-безликими, а нарушать особую атмосферу нет никакого желания.

Я просто наблюдаю за девушкой, которая кутается в пушистый вязанный плед и медленно потягивает красное вино. Уютная такая, что рёбра сводит. Постепенно погружаюсь в просмотр фильма и неожиданно ловлю кайф от происходящего. Никогда не думал, что просмотр довольно банальной и до зубовного скрежета наивной картины может вызывать такие чувства. Да я просто и знать этого не мог. Всегда как-то времени не хватало на подобное, да и компании не было.

Юля постепенно расслабляется, прислоняясь ко мне и кладя голову на плечо. Даже не верится в происходящее. Тихо перебираю ей волосы и молюсь, чтобы всё обошлось.

Юля

Давно я не испытывала такого покоя и умиротворения. Всё время на грани, в ожидании подвоха, да ещё и неприятность со здоровьем. Но сейчас, сидя перед камином, я поняла, что впервые за долгое время спокойна. Никогда бы не подумала, что рядом с Владом подобные чувства испытаю.

— Бани, наверное, уже готовы, — говорит он тихо, проводя пальцами по волосам.

— Угу, — от тепла и вина я разомлела.

— Не пойдём?

— Почему же? Когда я ещё в настоящей бане побываю? — бодро поднимаюсь на ноги. — Только купальник не взяла, — сокрушаюсь.

— Помнишь, что я не заказывал банщика? — улыбается Влад, поднимаясь вслед за мной.

Опускаю взгляд. Мы с ним сейчас будем наедине, обнажённые и разгорячённые... Нет, к Громову я успела привыкнуть и сегодня подвохов от него не жду, но всё равно какое-то странное чувство в душе шевелится.

На улице продолжает идти снег. И сейчас он валит с такой интенсивностью, что соседние дома еле различимы в этой молочной пелене. Мы буквально бегом добираемся до срубов, где расположены бани.

— Прошу, — раскрасневшийся мужчина открывает перед нами дверь, из которой вырываются клубы пара, тут же утопая в снежной завесе.

Пахнет травами и маслами. Зажмуриваюсь от удовольствия. В помещении жарко, но не душно. Догадываюсь, что здесь обустроена какая-то хитрая вентиляция, которая позволяет беспрепятственно циркулировать кислороду.

— Я вас оставляю, — улыбается румяный, усатый мужчина. — Веники вот, масла в шкафчике, душевая за этой дверью, чан с отваром целебных трав на улице, полотенца на полке, — выдаёт он краткий инструктаж и удаляется.

Влад уже стоит в одних брюках, а я даже не заметила, когда он разделся. Сама то ещё в пальто и шапке.

— Юля, тебе не жарко? — смеётся он, и я тут же начинаю одежду стягивать.

Громов быстро разоблачается полностью и наматывает на бёдра тёмное полотенце.

— Все украшения сними, чтобы не обжечься, — предупреждает, расстёгивая браслет часов и снимая перстень с тёмным камнем, который всегда был на его пальце.

Когда я стою, замотанная в розовое полотенце, Влад берёт с полки шапочки и веники, надевает одну на меня и издаёт смешок.

— Что? — не понимаю, чем вызвано его веселье.

— В зеркало глянь, — продолжает улыбаться Громов.

Подхожу и вижу на шапочке надпись: «Красотка просто «Писк»», а рядом танцующая в кружевной юбке мышка нарисована с такой забавной мордочкой, что сама невольно улыбаться начинаю, а потом обращаю внимание на головной убор Влада. На нём красуется надпись: «Суровый мужик». Тоже издаю смешок. Ему в какой-то степени идёт. Пророческая шапка. Или в эту баню только такие мужики ходят, отсюда и фасон?

— Заходи, красотка, — подмигивает Влад, открывая дверь в парную.

Ныряю в густой пар, привыкая к температуре. Ух, даже дыхание перехватывает.

— Тяжело? — самому Громову, кажется, нипочём такая атмосфера. Наверное, он и правда, дьявол. Привык. — Ложись на нижнюю полку — там прохладнее и кислорода больше, — командует, а я послушно растягиваюсь на скамье лицом вниз.

— Полотенце сними, — тихо говорит мужчина, и я без вопросов подчиняюсь. Чего он там не видел? А строить из себя недотрогу просто глупо в моём положении.

На спину тут же опускаются мужские ладони, они скользят вдоль позвоночника, размазывая пряное масло по коже. Я чуть не мурчу до такой степени это приятно. После спины следует попа и ноги, потом руки. А когда я настолько разомлела от массажа, что начинаю проваливаться в сон, на пятую точку неожиданно ложится хлёсткий удар. Вскрикиваю, ощущая, как кожа гореть начинает. За первым ударом сыплются ещё. Один за одним, без передышки. Теперь всё тело пылает от прилившей крови, но неожиданно мне начинает нравиться. Громов даже ступни мне обрабатывает. Классно!

— Теперь твоя очередь, — слышу весёлый голос Влада и нехотя встаю.

— Массаж?

— Оставим это на второй заход, — качает он головой. — В первый нельзя долго в парной находиться, чтобы не получить шок. Поэтому давай, отхлестай меня быстренько.

Меня упрашивать не надо. Хватаю в руки сразу два берёзовых веника и начинаю отрываться, практически избивая Громова. От души так. В какой-то дурной раж захожу, но мужчина терпит издевательства. Только после экзекуции хватается меня за руки и шепчет в ухо:

— Отомщу.

А потом дёргает к выходу, волоча за собой и напрямик на мороз вытаскивает, а после, не разжимая хватки, уволакивает в самый большой сугроб. Я верещу, дыхание перехватывает от контраста, а Влад хохочет и растирает мне ноги и руки снегом. И опять забег, но в этот раз я сама за ним несусь. Но Громов и не думает в помещение возвращаться. Он бежит к навесу, под которым исходит клубами пара большой чугунный чан. Под ним бодро трещит настоящий огонь, а аромат, который разносится от воды и кружит голову.

— Ныряй, — смеётся Влад и помогает мне залезть в тёплую воду, а потом садится рядом.

Жмурюсь от удовольствия. Вокруг валит снег, искрясь в свете лампочек, а мы плаваем в большом чане, наслаждаясь теплом и чудесными запахами. Дно ванны устелено пихтовыми вениками, они же примотаны и к лавочке. Блаженство каждую клеточку захлёстывает, а Громов смотрит на то, как я стону, прикрыв глаза и лукаво подмигивает.

Через двадцать минут мы снова возвращаемся в парную. По дороге получаю звонкий шлепок по попе.

— У тебя сейчас такие розовые аппетитные булочки, что удержаться не могу, — смеётся Влад и тут же утягивает в царство горячего пара.

Прижимает к себе и не спешит отпускать. Потемневшими глазами смотрит на меня, сминая ягодицы, а после коленом вклинивается между ног и заставляет их развести. Замираю в ожидании. Громов подхватывает меня, вынуждая обвить его талию и медленно погружается в меня, издав хриплый стон.

Вцепляюсь в его плечи и широко распахиваю глаза, когда следует второй толчок. Теперь мужчина действует более напористо, мощно. Входит резко, до самого основания, выбивая искры у меня из глаз. Сегодня тело принимает его без дискомфорта. Оно

расслаблено, вино немного кружит голову, поэтому мне остаётся только отпустить себя. Отключаю мысли. Я тоже хочу разрядки. У меня её так давно не было.

Шепчу Владу на ухо, что жду от него нежности. Сегодня мне это нужно. Мужчина стонет, укладывает меня на лавку и начинает вылизывать всё тело. Неторопливо, мягко, одуряюще трепетно. И организм капитулирует. Я начинаю стонать с ним в унисон, чувствуя, как в животе тугая пружина скручивается. Но Громов не торопится вновь в меня войти. Он доводит до исступления пальцами и губами. Я уже потеряла счёт времени. Горю, выгибаюсь и почти кричу.

Влад доводит меня почти до пика и одним толчком заполняет до предела. В голове тут же рвутся снаряды фейерверков. Впиваюсь в его спину ногтями, а потом обмякаю.

Влад подхватывает меня на руки и выносит из парной, снова погружая в пряную травяную ванну.

Юлия

— Ужин? — улыбается Влад, когда мы, наконец, выбираемся из душистых паров.

— Если честно, то я давно не чувствовала такого зверского голода, — киваю.

— Баня на всех благотворно действует, — отвечает мужчина и увлекает меня за собой по узкой расчищенной тропинке в сторону большого бревенчатого дома, откуда доносятся просто умопомрачительные ароматы.

За несколько часов снега насыпало уже сантиметров двадцать.

— Если так пойдёт и дальше, то мы здесь застрянем.

— А ты боишься остаться со мной наедине больше чем на день? — Громов вопросительно изламывает бровь.

— Я слишком часто надолго отлучаюсь из дома. У меня, вообще-то, маленький ребёнок. Это ты как ветер в поле, — хмурюсь.

— Не злись, малыш, — Влад притягивает меня к себе, а потом помогает раздеться.

Нас проводят к столику и выдают меню. Я погружаюсь в изучение, и тут же мои губы растягиваются в улыбке.

— Здесь подают хвост бобра, — шёпотом сообщаю Громову. — Хвост бобра!

Своим искренним удивлением вызываю у мужчины смешок.

— Я бы тебе не советовал его заказывать. Крайне специфическое блюдо. На любителя.

— А ты пробовал?

— Было дело, — кивает Влад. — Мне совершенно не понравилось. У него такой запах... — мужчина скривился. — Возьми лучше что-то менее экзотическое. Фазана с брусничным соусом или медвежьих котлеты. Они вполне ничего так на вкус.

— О-о-о, — тяну. — Ну, хорошо. Тогда мне котлеты из медвежатины, салат с редисом и ягодный морс.

Громов заказал телячьи стейки и уставился в окно, не стремясь к разговору. Я его не трогала, рассматривая обстановку. Здесь было очень красиво! Каждый гвоздик, каждая кисточка на занавесках — это продуманная деталь.

— Я отойду, — Влад отвлёл меня от созерцания. Кивнула.

И только стоило Громову уйти, как ко мне подошёл незнакомый молодой мужчина.

— Могу я пригласить вас на танец? — поинтересовался он, приветливо мне улыбаясь.

Я растерялась. Не ожидала попасть в подобную ситуацию, да ещё и на безлюдной базе.

— Я здесь с мужчиной, — ответила с лёгкой улыбкой.

— Заметил, — не стал ходить вокруг да около шикарный незнакомец.

Да, он был именно таким. Каптановые, слегка выющиеся волосы с мужественным, но в то же время, аккуратным лицом с правильными чертами и с ярко-зелёными глазами. Я на несколько мгновений бессовестно залипла на этой картинке. Потом вспомнила, что от мужчин одни проблемы и переживания, и отвела взгляд.

— Антон, — не отставал кавалер.

— Юлия, — тоже представилась. — И моему спутнику очень не понравится, что вы заигрываете с его дамой.

— Да, Громов — тот ещё псих, — усмехнулся мужчина.

— Вы знаете Влада? — у меня разыграл интерес.

— Я как-то с ним работал, — сухо ответил Антон, а я поняла, что ему не понравилось вести дела с Грозовым.

И тут мой спутник нарисовался собственной персоной. Смерил мужчину недобрым взглядом, недовольно сжав губы.

— Волошин, какими судьбами? — холодно поприветствовал знакомого.

— Да вот, решил, как и ты немного отдохнуть от бесконечных дел, — пожал плечами Антон. — Только мне не так повезло с компанией, — он тепло улыбнулся мне.

Ситуацию, которая накалялась с каждой секундой, спас официант.

— Ладно, не буду вам мешать, — ещё раз улыбнулся Волошин. — Было приятно познакомиться, Юлия.

Влад натурально скрипнул зубами, но вежливо попрощался со знакомым.

— Чего он хотел? — поинтересовался Громов, резко втыкая вилку в сочный кусок мяса.

— На танец приглашал, — ответила честно, пожав плечами. Не видела смысла врать.

По тарелке раздался скрип ножа.

— Чего ты завёлся? — посмотрела на Влада, у которого чуть пар из ноздрей не валил.

— Этот Волошин — бабник, — отрезал Громов. — Не пропустит ни одной юбки. Ему плевать, что девушка занята, если она понравилась Антону, тот в лепёшку разобьётся, всё сделает, чтобы её заполучить.

— Кого-то мне это напоминает, — не смогла удержаться от праведной шпильки.

— Я не бабник! — холодно отчеканил Влад, отрезая ещё один кусок мяса.

Завёлся Громов не на шутку. Поняла, что лучше его не провоцировать дальше и не портить тем самым замечательный вечер. Но всё же, ещё от одного вопроса удержаться не смогла.

— Ты его боишься, что ли?

Влад удивлённо вскинул брови.

— Волошина? С чего бы?

— Как соперника, — уточнила.

— Нет, — коротко отрезал Громов. И это слово больше походило на выстрел. Короткое, но хлёсткое.

Я занялась своим ужином. Кстати, котлеты оказались весьма интересными. Мне понравилось.

В домик возвращались молча. Я видела, что Влад до сих пор кипит как вулкан, но усмирить его внутренние реакции не пыталась. Это его личные заморочки, а я ничего предосудительного или провокационного не сделала.

Утром сбывлись мои опасения. Нам сказали, что дорогу сильно замело, и трактор справится с заносами только ближе к вечеру. Но, чтобы компенсировать наши неудобства нам предложили прогулку на снегоходах.

— Я не умею водить, — тихо поведала Громову, когда тот с энтузиазмом согласился.

Сама помнила, что мужчина любит скорость, поэтому и к нему на снегоход садиться было страшно.

— Я научу, — отмахнулся Влад, рассматривая транспорт. — Садись.

С опаской залезла на монстра, попутно слушая инструктаж. Влад выбрал для меня не такой мощный снегоход, чтобы я случайно с него не слетела. Сам же взял, по словам экскурсовода настоящего монстра.

— Держись ближе к Сергею, — отдал Громов указание, когда мы выехали. — И не

набирай скорость, чтобы не замёрзнуть.

После этого Влад ушёл в отрыв. Мы как раз выехали к большому заснеженному лугу. Я только охнула, когда мужчина выкрутил ручку газа на максимум.

Владислав

Этот вечер невероятен. Не думал, что всё будет так... Но самый большой подарок Юля мне делает, когда принимает ласки и пропускает их через себя. Наконец, по-настоящему отдаётся, выкидывая всё лишнее из головы. Слишком много условностей и ограничений в нашей жизни, но не сегодня.

Я млею, растворяюсь в ней, дышу только своей феей. Любуюсь красотой и ощущаю себя почти мальчишкой. Касаюсь-касаюсь-касаюсь покрасневшейся кожи и дурею. Сейчас моя вселенная целиком из сероглазого ангела состоит.

Всё заканчивается в ресторане. Знал бы, что там встречу этого хлыща, заказал бы ужин в номер! Когда взглядом натыкаюсь на знакомое лицо, меня буквально насквозь от ревности прошивает. Антон Волошин. Сдерживаю порыв, чтобы кулаками его от нашего столика не отогнать.

«Моё!» — рычит нутро.

Никогда с Волошиным баб не делили. Просто старались территориально друг друга обходить. Но сейчас этот козёл залез в мой огород! Как же хочется начистить наглую, ухмыляющуюся рожу! А самое противное, что Юля меня с ним сравнивает. МЕНЯ С НИМ Она, серьёзно, разницы не видит?

Осознание этого портит настроение, которое до этого было просто идеальным. Я даже спать ложусь в другой комнате, сославшись на головную боль после бани. Как девица чувствительная, ей-богу.

Утром приходит спасение в виде снегоходов. Я ведь всю ночь не спал, во мне злость клокочет и опасно наружу рвётся. Скорость всегда помогала проветрить голову. Вот и сейчас я ухожу в отрыв. Ношусь по заснеженному полю, ощущая, как отнимается от холода лицо. Но мне наплевать. Постепенно злость улетучивается, прогулка помогает.

И только спустя примерно час я возвращаюсь к Юле. Она с инструктором медленно вдоль леса катится. Фея поворачивается ко мне и замирает.

— Влад, у тебя лицо чуть ли не синее! — кричит. — Совсем с ума сошёл?!

Улыбаюсь, чувствуя, как трескаются обветренные губы. Во рту вкус крови появляется, но я на это внимания не обращаю. Юля не всё равно...

Эта мысль греет не хуже бани или крепкого алкоголя.

— А ну в дом поехали! — командует, сердито хмуря брови.

А в номере она начинает обо мне заботиться. Растирает онемевшее напрочь лицо принесённым коньяком, обрабатывает губы своей гигиенической помадой и всё время качает головой.

— Ты совсем больной, — шипит.

— Я болен тобой, — шальная улыбка расплзается по моим губам. Снова ощущаю вкус крови.

— Ты ведь серьёзный мужчина, но иногда ведёшь себя совершенно безответственно! Тогда в дождь на мотоцикле гонял, сейчас...

Хватаю её руку и целую запястье, оставляя капельку крови на коже.

— Я так пар спускаю, — отвечаю честно. — Когда чувствую, что превращаюсь в бомбу замедленного действия, стараюсь напряжение с помощью адреналина снять.

— Самоубийца, — ворчит.

— Я так привык. Кто-то бухает, кто-то до изнеможения трахает баб, а я гоняю на мотоцикле, — смеюсь и затягиваю фею в объятия. — Хотя, готов рассмотреть отходняки с помощью потрахушек. Посодействуешь?

— Если бы я не знала наверняка, что ты не пил, сказала бы, что в тебе не меньше пол-литра коньяка или что ты обкурился. Что за слова, что за поведение, Громов?

Смеюсь. Впервые Юля со мной так открыто и очень мило ругается. По-семейному как-то.

— Так что насчёт потрахаться? — выдаю со смешком.

— Вчера не хватило?

— Мне тебя всегда мало, — рычу и начинаю свою фею раздевать. Не сопротивляется. Хорошо. Сейчас бы я её всё равно не отпустил. У меня отходняк, поэтому мозг плохо соображает — отсюда и такое поведение. Ведь Юля частично права. Я сижу на игле адреналина и уже давно.

Пьяно припадаю к груди, втягивая розовый сосок, прикусываю, перекаत्याю на языке, смакую. Юля стонет, но бурной ответной реакции не выдаёт. Это задевает.

— Нравится, когда тебя вылизывают? — вспоминаю вчерашнюю баню. — Или когда грубо насаживают? — голос срывается в хрип, когда трусики с неё снимаю.

— Влад... — она пытается что-то сказать, даже оттолкнуть голову, когда я к её промежности опускаюсь, но я не слышу. Уши буквально закладывает от прилившей крови.

Валю фею прямо на пол и широко развожу ноги, приподнимая бёдра на удобную высоту.

— А знаешь, что меня заводит? — интересуюсь, когда она дрожать и хватать ртом воздух начинает.

Молчание.

— Двойное проникновение. Как представляю, что твои дырочки в унисон работают и всё это для меня, зверею. Юлька, я с ума схожу от одной мысли. До сих пор тебя так не трахнул только из-за наших натянутых отношений.

— Я... — она моргает растерянно, а я по самые яйца одним рывком в неё погружаюсь и рычу от удовольствия.

— Обещаю, что будет не больно, — хриплю, ускоряя темп, а сам пальцами её ласкаю.

Но сегодня фея мне не покоряется. Как ни стараюсь, к финалу приходит лишь один из нас.

— Юльчик, ну что такое? — шепчу укоризненно.

Она только вздыхает тяжело.

— Точно к сексологу пойдём. Мне не нравится, что ты кончаешь только под алкашкой. Поняла?

Молчание.

— Значит, решили. Завтра на приём запишу.

— Мне врач сказал к обычному психологу походить, — отвечает девушка, натягивая брюки. — Я сначала к нему, наверное...

— Будешь на козла Громова жаловаться? — горько усмехаюсь.

— На всех козлов, с какими имела «счастье» пересечься. Говорят, что опухоли в груди вызывает глубокая, невысказанная обида.

— Если тебе это поможет, то ты вольна прополоскать меня вдоль и поперёк. Я и так

понимаю, какого ты обо мне мнения, — помимо воли тяжело вздыхаю. — Обед? — перевожу тему. — А потом домой. К этому времени наверняка дорогу успеют расчистить.

В ресторане опять пересекаемся с Волошиным, и снова у меня кулаки зудеть начинают при виде его взглядов в сторону Юли.

«Моя!» — транслирую в пространство. «Даже не думай на пути вставать».

Видимо, мой взгляд настолько злобный, что Волошин передумывает беседу начинать. Ухмыляется и уходит в противоположный угол зала. Правильное решение, мужик.

Мы спокойно обедаем, но снова в груди неприятное чувство шевелится. Юля опять ткнула меня носом в то, как ко мне относится. Без упрёков, скандалов или высказывания претензий, но я вдруг осознаю, что ни на сантиметр не приблизился к цели по завоеванию этой женщины.

— Давай поедem куда-нибудь после твоей операции. Восстановишься, положительными эмоциями зарядишься, — не привык я сдаваться. Всегда довожу дело до конца. Я растоплю сердце этой ледяной феи.

— Не могу. У дочери день рождения. Я собиралась с ней время провести.

— У дочери... — повторяю машинально. Как я не подумал? Самый верный способ добиться женщины — понравится её ребёнку. — А если я предложу поездку в Диснейленд?

— Что? — глаза Юли распахиваются от удивления.

— В Париж.

— Даже не знаю, что на это предложение сказать...

— Тогда решено. На какое число брать билеты?

— Давай поговорим об этом после операции? — вздыхает Юля, мрачняя.

— Всё будет хорошо, — глажу её по руке. — Но ты права.

Юлия

На операцию идти до одури страшно, хоть врач меня и успокаивал, говоря, что это всего двадцать минут и всё готово.

— В обед уже будете чай пить дома, — улыбается хирург, делая первый укол.

Внутренне сжимаюсь, отворачиваюсь и закусываю губу. В глаза бьёт свет от хирургических ламп, поэтому зажмуриваюсь. В коридоре дожидается Громов. Он за ручку меня привёл, из-за этого всю дорогу сдерживаться приходилось. Пыталась не показывать страха и своих переживаний, ни к чему это. Не хочу его в душу пускать. Вроде бы и относится Влад ко мне хорошо, но не могу, и всё. Барьер не рушится.

Чтобы отвлечься и не прислушиваться к происходящему, начинаю думать о сеансах у психолога. Да, я уже посетила три приёма. И правильно сделала, что пошла, потому что на втором меня буквально прорвало. Я плакала, жаловалась на Влада, на Рому, на судьбу в целом и никак успокоиться не могла.

— Юленька, вы понимаете, что стали страдать хронической обидой? — интересуется Ольга Андреевна — мой психолог.

Получается только горестно вздохнуть и отвести взгляд.

— Чем я заслужила подобное отношение? — выдавливаю жалобно и утираю новую слезинку, скатывающуюся по щеке. — Муж предал своим неверием, оскорблял, унижал при ребёнке! А потом Влад. Он, по сути, воспользовался моим безвыходным положением и вытер об меня ноги, превращая в личную шлюху. Да, я сама пошла к нему, но у меня не было выхода! — снова начинаю рыдать, но легче опять не становится.

Ольга Андреевна ждёт, когда я немного успокоюсь, и говорит:

— А давайте теперь рассмотрим произошедшее с разных углов и точек зрения? Сначала попробуем представить, что было бы если... А после попытаемся надеть на себя шкуру ваших обидчиков, чтобы увидеть происходящее их глазами.

Я вздыхаю.

— Вы сами говорили, что вам предлагали определить мужа в интернат, под присмотр персонала. Да, это деньги, да постоянная тревога, что за ним недостаточно хорошо ухаживают, но в этом случае ваша дочь не слышала бы всего.

— Мне совесть не позволила так поступить с мужем. Как я могла его просто выбросить, предать?!

— А что сделал он? Ведь он вас предал своим неверием. Он сильно думал о вас, когда пил, когда устраивал скандалы при ребёнке, когда садился пьяным за руль? Ведь мог просто подать на развод, но нет, он целенаправленно терзал вас, вызывая чувство вины. Что же, у него получилось. С этим теперь и работаем.

Молчу. Ведь психолог права. Теперь я понимаю, что она целиком и полностью права. Рома методично изводил меня, мстил за несуществующую измену.

— Вы сделали для мужа всё и даже больше, но держитесь за обиду, не позволяя себе идти в новую жизнь. Давайте проведём с вами одну практику. Закройте глаза, расслабьтесь и представьте, что вы сидите в пустой комнате. А теперь вспомните всю боль, что причинил вам муж, все его скверные слова, ужасное поведение, свои чувства в тот момент. Сконцентрируйте их в районе солнечного сплетения.

Я начала пытаться, но раз за разом прерывалась на середине, так как не могла сосредоточиться из-за накачивающей истерики. И раза с пятого у меня, наконец, получилось.

— И что теперь? — интересуюсь хриплым голосом.

— А теперь представьте, что этот сгусток выходит из вашего тела и остаётся в ладонях.

Ещё минут десять борьбы с собой, и всё же, я выталкиваю эту липкую, чёрную субстанцию.

— А теперь придайте своим обидам форму. Представьте, что они превращаются в какой-нибудь небольшой предмет.

Почему-то на ум пришёл последний подарок, сделанный Ромой на Восьмое марта. Забавная кружка с кривляющейся мордочкой. Тогда мы с Маришкой так смеялись, видя, как рожица меняет выражение от температуры.

— Получилось?

Киваю.

— Хорошо. А теперь представьте, что к вам в комнату заходит муж. Отдайте ему получившийся предмет со словами: «это твоё».

В мыслях едва получается встать со стула и сделать несколько шагов, разделяющих нас с Ромой.

— «Это твоё», — произношу про себя, и когда муж берёт в руки кружку, ощущаю такое облегчение, будто килограмм сто с плеч упало.

У меня вырывается протяжный вздох облегчения. Ольга Андреевна меня хвалит и отпускает полностью выжатую домой.

На втором сеансе я проделываю всё то же самое по отношению к Владу. Только теперь в мыслях его приказы. Унизительные, подавляющие. И то издевательство с хвостом на острове. Тотальный контроль, нетерпимость, ощущение себя грязной, продажной женщиной. И тот несчастный браслет, будь он неладен! Украшение появляется у меня в руках, и я буквально швыряю его в лицо Громова. Облегчение есть, но не такое большое, как было на прошлом сеансе. Не получается у меня понять Влада. Зачем он так со мной?

Психолог всё равно хвалит, а на третьем сеансе начинает практику именно с погружения в шкуру Громова.

— Давайте с вами представим, что вы оказались миллиардером, которому подвластно многое. Пропустите через себя это ощущение. Вы решаете проблемы по щелчку пальцев, перед вами заискивают, вам завидуют. У вас есть всё, что вы только можете пожелать. А теперь представьте, что в один миг меняется. Перед вами человек, который вызывает бурю, кружит голову, но вы не можете заполучить его. А ведь привыкли жить иначе. Какие чувства испытываете?

Я прислушиваюсь к себе.

— Негодование, — произношу первое, что приходит на ум.

— Всё верно. А ещё?

— Непонимание, злость.

— Верно. А если я вам скажу, что это комплекс избалованного ребёнка? Да, в детстве Владислав Громов не был обеспеченным, терпел лишения и боль. Зато, став взрослым, он постарался компенсировать всё это. Громов сам себя избаловал. Стал ли он счастливее? Что испытывает ребёнок, получив очередную игрушку при условии, что у него уже ими завалена целая комната?

— Минутное удовлетворение, — шепчу.

— Именно. А потом?

— Жажда очередного достижения. Он становится ненасытным.

— Совершенно верно. И тут появляется игрушка, которая не хочет становиться его.

Сейчас не будем рассматривать аспект чувств. Чисто инстинкты, которые руководили Владиславом Громовым.

— Я добиваюсь поставленной цели любыми способами, — говорю хрипло.

— Так же как избалованный ребёнок. В ход идут истерики и манипулирование ради достижения собственных целей. Но вот заветная игрушка в ваших руках, а дальше что?

— Она не желает подчиняться, и это злит ещё больше. Цель вроде бы достигнута, но удовлетворения нет.

— Это один из вариантов. А теперь представим, что вы неожиданно прониклись к игрушке чем-то большим, чем обычный интерес. Вы выделили её среди остальных впервые за всё время. Я не утверждаю, что это любовь. Просто рассмотрим такую возможность, как одну из...

— Я чувствую обиду и разочарование, — шепчу.

— А ещё?

— Хочу показать, что могу быть лучше, что буду беречь и заботиться о приобретении.

— Теперь вы понимаете, чем руководствуется Владислав Громов? Можно ли на него всерьёз обижаться из-за того, что он такой? Этот мужчина просто не умеет иначе. Возможно, хотел бы, но просто не умеет.

— И что мне с этим делать?

— У вас два варианта: либо принять это, переждать отведённое время и вычеркнуть из жизни, либо попытаться перевоспитать, показать, что жизнь не всегда можно прогнуть под себя, как и людей. Вам выбирать. Но если вы пойдёте по второму пути, то заранее хочу вас предупредить о том, что перевоспитать взрослого человека практически невозможно. И тут мы возвращаемся к его чувствам. Мужчина изменится, приняв новые правила игры, лишь в том случае, если искренне любит. Не заполняет вами пустоту, не испытывает интерес, перерастающий в одержимость, а именно любит. Тогда он сам захочет меняться. Нужно ли это вам? Решайте сами. Положительных аспектов от отношений с таким мужчиной множество, при условии, что они будут здоровыми. Понимаете, о чём я вам говорю?

— Кажется, — киваю.

— В противном случае — это будет постоянная война.

Очнулась от своих мыслей, когда меня потормошили за плечо.

— Юлия Григорьевна, подъём, — бодрым голосом сообщает хирург.

— Уже всё? — удивляюсь, оглядывая заклеенную грудь.

— Я же говорил, что будет быстро и не больно. Как вы? Голова не кружится?

— Всё хорошо.

— Тогда одевайтесь. Через три дня приедете на перевязку. За лечением к вашему доктору. Результаты биопсии придут через месяц.

Киваю, быстро натягиваю мягкий бюст и свитер, благодарю хирурга и выхожу в коридор, где тут же попадаю в руки Влада.

— Как прошло? Как себя чувствуешь?

— Нормально всё, — улыбаюсь. — Через пару дней перевязка, а потом только результаты анализов ждать.

— Юлия Григорьевна, пришли результаты ваших анализов, — застывает меня врасплох звонок врача. Я сейчас как раз держу в руках билеты в Париж. Громов прислал.

— Я слушаю, — произношу и чувствую, как сердце замирает.

— У вас есть предпосылки для негативного развития сценария, — завуалировано озвучивает врач результаты, а я сразу понимаю, что он не сказал.

Ноги подкашиваются, телефон едва не выпадает из ослабших пальцев, сглатываю ком в горле и никак не могу что-то ответить.

— Вы не переживайте так, Юлия Григорьевна. У вас даже не начальная стадия. Всего лишь предпосылки, но есть необходимость в терапии.

Перед глазами кабинет химиотерапии и те люди, которые там проходят лечение. Я не хочу быть одной из них! Слёзы наворачиваются на глаза.

— Вам предстоит только таблетки пропить и ничего больше, — успокаивает врач. — Приезжайте за рецептом. Они даже на самочувствие влиять не будут, поверьте.

Выдыхаю облегчённо. Я уже настроилась на капельницы и бесконечные уколы.

В клинике снова накатывает страх. А вдруг лечение не поможет?

— Юлия Григорьевна, я хочу вас предупредить о негативном влиянии отрицательных эмоций на ваш организм. Вы начали ходить к психологу?

Киваю.

— Вот и хорошо. Продолжайте сеансы, и я уверен, что динамика в лечении станет положительной. Обязательно.

— У меня дочь, — хриплю.

— Поэтому и настройтесь на хорошее. Пропьёте курс и снова сдадите анализы. Лечение рассчитано на два месяца. Вы живёте половой жизнью?

Киваю.

— Тогда предупредите партнёра о необходимости предохранения. Только презервативы, а ещё лучше — прерывание акта в дополнение. Если он вас бережёт, то сделает всё возможное. Я выписал лёгкую химию и гормональные препараты. Вам нельзя принимать противозачаточные.

— Хорошо, — выдавливаю хрипло.

— Настройтесь на лучшее, отвлекитесь, подарите себе положительные эмоции, — улыбается врач. — Я уверен, что всё будет хорошо.

На ватных ногах выхожу из кабинета и слышу, как в сумке разрывается мобильный.

— Малыш, ты получила билеты?

— Да, — отвечаю коротко.

— Юль, что-то случилось?

— Анализы пришли. Они не очень хорошие, но это нетелефонный разговор.

— Я приеду вечером, — категорично.

— Но я собиралась с родителями в кафе. У них годовщина...

— Если я приду на праздник, они не будут против?

— Я спрошу.

На этом наш разговор заканчивается, а я звоню психологу. Мне сейчас необходимо выговориться, ведь маму пугать не хочу.

— Конечно, у меня есть окошко через пару часов, — отвечает Ольга Андреевна.

Я не иду домой, решая прогуляться. Не хочу, чтобы мама увидела моё состояние. Захожу в кафе, выпиваю чашку зелёного чая с круассаном, потом брожу по скверу рядом с кабинетом психолога. Мысли в голове крутятся одна другой страшней.

К Ольге Андреевне захожу на взводе и тут же выкладываю всё, что мне врач сказал.

— Помните наставления доктора? Только положительный настрой, — улыбается Ольга Андреевна. — Он всё верно вам сказал. Попробуйте отвлечься. У вас ведь есть любимое дело?

— Было, — отвечаю подавленно. — Влад принудительно меня рассчитал с работы.

— Даже так? А почему вы раньше об этом не сказали?

Пожимаю плечами.

— Это так важно?

— Конечно. Этот поступок может сказать о многом и в корне перевернуть представление о человеке. Возможно, я в прошлый раз сделала неправильные выводы. Скажите, Юлия, о чём ещё вы умолчали?

Начала перебирать в уме все факты, прикидывая, то ли психолог решила меня таким образом увести от основной проблемы, отвлечь, то ли, она и правда, пришла к каким-то мыслям по поводу Громова.

— Он оставил меня на острове принудительно, не оставив средств связи. Я даже маме позвонить не могла. Влад сказал, что сам к ней заедет и всё объяснит, поможет финансово. И всё это было подано под соусом заботы о моём здоровье. Но такая забота вызывает у меня только раздражение!

Ольга Андреевна кивает и что-то записывает в свой блокнот.

— Ещё что-то?

— Мужу запрещает звонить, узнавать о самочувствии. Не говоря уже о визитах. Но это было прописано в контракте... — закусываю губу.

— Другими словами, полный контроль.

— Наверное.

— Знаете, как мы поступим? — психолог мягко улыбается. — Вы немножко поиграете с Владом. Заодно отвлечётесь от пасмурных мыслей и поможете мне в составлении его психологического портрета.

Слова Ольги Андреевны сразу вызывают интерес.

— Попробуйте найти для себя работу со свободным графиком, но обязательно не надомную. Вы ведь врач, умеете делать капельницы и уколы. В таких услугах многие нуждаются. Вы могли бы ездить к пациентам.

А ведь и правда. Как я сама до этого не додумалась!

— Но как это относится к Владу?

— А вот и увидите. Потом в точности опишите его реакцию на свою подработку. Но попытайтесь донести до вашего мужчины, что вам необходима эта работа, чтобы отвлечься. Хорошо?

Киваю. Вот, вроде и не поговорили мы о моих страхах, но они невероятным образом отошли на второй план, оставив место азарту. Обязательно займусь поиском клиентов после поездки в Париж. А она уже должна состояться через два дня. Маришка, как узнала, куда мы полетим, прыгала почти до потолка. Ради, светящихся счастьем глаз дочери, я готова ещё один контракт с личным дьяволом подписать. Как давно я не видела у своей малышки такого

искреннего счастья.

Влад встречает меня в парке возле кабинета психолога и тут же в объятия затягивает, утыкаясь носом в шею. Мы не виделись неделю. У него была какая-то важная командировка, а я только радовалась этому факту. Он душил меня своей заботой. Звонил по три раза в день и обязательно приезжал вечером. А мне после операции покоя хотелось. Просто полежать в одиночестве, и чтобы не трогал никто.

— Как там Рома? — задаю неизменный вопрос, который бесит Громова до зубовного скрежета.

— Нормально, — отвечает нехотя. — Уже делает первые шаги.

Удовлетворённо киваю. Надеюсь, что Влад меня не обманывает.

— Юль, я не о твоём бывшем приехал разговаривать.

— Он ещё не бывший. Мы не развелись.

Вижу, как Влад сжимает кулаки, но тут же усилием воли берёт себя в руки.

— Ты планируешь к нему вернуться?

Вот и шанс посмотреть на реакции Громова.

— Я не отмечаю такой вариант. У нас совместный ребёнок. Но вряд ли Рома сам захочет... — не добавляю по какой причине.

— Ты соображаешь, что говоришь?! — взрывается Влад. — Он тебя с грязью смешал, пил, мотал нервы, а ты серьёзно думаешь о возобновлении отношений? Тебе точно нужен психолог. Расскажи ей в следующий раз об этом. Уверен, любой вменяемый человек у виска покрутит.

Пожимаю плечами.

— Поговорю, — соглашаюсь покладисто.

На самом деле я и не думала о возвращении к мужу. Сказала так, чтобы Громова выбесить. И у меня отлично вышло.

Влад какое-то время молчит. Мы садимся в машину и просто едем по серым, промёрзшим улицам. Уже начало марта, а такое ощущение, что весна и не думает приходить. Солнца почти не видно, постоянно идёт снег, погружая жителей мегаполиса в депрессию.

— Юль, — Влад припарковывает автомобиль и серьёзно смотрит на меня. — Скажи, как только закончится контракт, ты сбежишь от меня?

Я серьёзно смотрю на него, не зная, что ответить.

— Скорее всего.

Не вижу смысла врать.

— Если ничего не изменится, — добавляю.

— Что тебя не устраивает?! — мужчина буквально взрывается. Отворачивается, с силой сжимая руль.

— Я так и не полюбила тебя. Ты ведь этого хотел добиться контрактом? Считал, что если я не смогу отказывать о встречах, ты сможешь покорить моё сердце?

Молчание: гнетущее, наэлектризованное, вязкое.

— Я люблю тебя, — шёпот.

Но сам Влад так и не поворачивается в мою сторону. Я не вижу выражения его глаз. Молчу.

— Юля, — он, наконец, смотрит на меня. — Я хочу быть с тобой, хочу детей от тебя. Понимаешь?

— Понимаю, — покладисто соглашаюсь. — Кстати, об этом.

И я рассказываю о предписаниях врача. Громов морщится. Вижу, что он старается скрыть раздражение, но я за прошедшие месяцы хорошо его изучила.

— Мне нельзя пить противозачаточные из-за терапии. И беременеть тоже нельзя. Сейчас гормональный фон слишком расшатанный. И вообще, беременность в мои планы совершенно не входит. Ты должен понять.

И на этих словах у Громова нечто такое по лицу промелькивает, что мне становится не по себе. В голове появляется совершенно шальная и абсурдная мысль. Таблетки, которые дал мне тогда Влад я ведь так и не выкинула. Они лежат в тумбочке на кухне.

Юлия

Оказавшись дома, первым делом иду за таблетками и кладу их в сумочку со специальной пометкой, чтобы не перепутать упаковки.

— Мам, мне завтра надо будет съездить в Химки, я нашла квартиранта, да и кое-какие дела уладить необходимо. К девочкам на бывшую работу загляну, соскучилась по ним жутко!

— Конечно, зайчонок, — мама тепло улыбается.

Квартиранта я, и правда, нашла. Недавно выставила на сайт объявление о сдаче жилья. И теперь мне нужно было забрать оставшиеся личные вещи и передать жильцам ключи. В моём положении любая копейка будет нелишней. Я, как и планировала, львиную долю, выделенных Громовым средств откладывала, но сейчас на лечение уходило прилично, поэтому хотелось укрепить свои тылы.

Утром сразу побежала на электричку, и как только уселась в вагоне, поступил звонок от Влада.

— Доброе утро.

— Доброе, — отвечаю машинально, глядя на проплывающий за окном пейзаж.

— А что это за шум? — звучит вопрос. И вроде бы он задан нейтральным тоном, но я улавливаю в голосе Громова странные нотки.

Объясняю ему про квартирантов и посещение подружек на бывшей работе. Мужчину мой ответ вроде бы устраивает, но всё равно он тяжело вздыхает.

— Я тебе даю недостаточно, что ты решила пустить чужих людей в собственное жильё?

— Просто — это рационально. Зачем квартире пустовать, если она может приносить деньги? Куплю на них Маришке что-нибудь. Дочка давно мечтает пойти на бальные танцы, а там цены на платья просто космические.

— Могла бы мне сказать. Я бы оплатил.

— Зачем? — задаю логичный вопрос. — Это мой ребёнок. Какой тебе резон оплачивать кружки для Марины?

— Здесь простая логическая цепочка, малыш, — чувствую, как Громова натурально крыть начинает. Я теперь на раз-два его эмоции считываю. — Ты моя женщина, поэтому и дочь твоя переходит под мою ответственность.

— Я не хочу, чтобы она переходила под неё, — отвечаю невозмутимо. — Тем более, я — твоя лишь до того момента, как перестанет действовать контракт. А потом...

Вот теперь Влад в бешенстве. Я это точно знаю, но и врать ему не вижу смысла.

— Потом я подумаю. Если чувств не появится, то тебе придётся меня отпустить.

Повисает пауза, во время которой я слышу непонятный хруст.

— Я тебя понял, — звучит на удивление спокойный ответ, произнесённый ровным тоном. Но я-то знаю, что спокойствие Громова — лишь иллюзия. — Вы вещи собрали? Завтра в обед вылет, — переводит он неприятную тему.

— Собрали. Маринка в предвкушении, — в моём голосе появляется улыбка, и Влад её чувствует.

— Я соскучился, — говорит мягко. — Давай вечером встретимся? Заметь, я не выставлю ультиматум, хотя мог бы.

— Влад... — вздыхаю. — Я приеду только к шести. Какие с меня свидания? Я ещё

плохо себя чувствую, да и таблетки, которые начала принимать, бодрости не добавляют. Мы ведь виделись только вчера. До завтра наша встреча подождать не может?

— Я могу тебя забрать, — не сдаётся Громов. — Мне тебя всё время мало. Хочется, чтобы ты рядом была. Переезжай ко мне, Юль. С Маришкой.

— Ты меня вообще слушаешь? Нет, не так... Ты меня слышишь? Или только себя и свои желания? Я тебе прямо говорю, что не испытываю любви. Зачем мне этот переезд? Я ни разу тебе во встречах не отказывала. Сегодня — исключение. Почему ты всё время на меня давишь?

— Ты сама воспринимаешь меня в штыки. Когда ты отпустишь обиду по поводу этого сраного контракта?! — в очередной раз взрывается Громов. — Вроде и к психологу ходишь? Может, это некомпетентный специалист? Давай, я тебе другого найду?

— Я отпустила. И считаю, что это нетелефонный разговор.

— Я за тобой приеду вечером. Скинешь мне адрес, где тебя забрать, — безапелляционно. И в трубке тут же короткие гудки раздаются.

Меня с головой накрывает раздражение. Да что он возомнил о себе?! Чёрт!

С квартирой вопрос решается быстро. Я собираю мелочёвку в небольшую коробку, подписываю договор аренды и передаю жильцам ключи. Среди вещей и разбитый телефон мужа. Так и не дошли руки до его починки. Надо будет отнести завтра перед отлётом в сервис.

После этого еду в больницу. Девочки так были рады, когда я им сообщила о визите, что обещали организовать поляну. Галя так вообще визжала в трубку и говорила, как соскучилась. Обещала стрясти все подробности прошедших месяцев моей жизни. Я понимала, что это разговор тет-а-тет, поэтому рассматривала даже вариант с ночёвкой у подруги. Тем более, она недавно развелась, и нам никто не помешает поговорить по душам. Маму я предупредила, что могу не вернуться вечером, и обещала позвонить, как точно определюсь с планами.

— Юлька! — девочки кинулись меня обнимать, наперебой спрашивая, как моя жизнь, как новая работа и прочее.

Еле отбилась, открестившись общими фразами.

— Как не работаешь? — удивилась одна из девушек, разливая ароматный чай и раскрывая коробку с бутербродами. — Тебе же так нравилось быть врачом. Это прям твоё! Да и ты неплохо по карьерной лестнице поднялась. Ведь на горизонте уже повышение маячило. Нет, я понимаю, переезд, все дела, повышение так быстро, как здесь не дали бы... но всё же.

— Девочки, не до повышений мне сейчас.

Я рассказала о проблемах со здоровьем, после чего получила ещё порцию охов и вздохов. Поболтали мы душевно. Девчонки вытрясли все подробности отдыха на Мальдивах и восхитились тем, что я скоро ещё и Париж увижу. Хотелось сказать, чтобы не завидовали, но сдержалась. И только Галя поняла, что у меня не всё так гладко с Громовым. Я считала это по выражению её глаз.

— Вечером расскажешь, — шепнула подруга, когда девушки из ординаторской разбежались по делам.

Оставшееся время до конца смены я гуляла. Прошлась по парку, ностальгируя. Здесь мы познакомились с Ромой, когда я ещё была штатным дежурным врачом. Он друга привёз на осмотр и дожидался его на лавочке. А я как раз вышла подышать свежим воздухом во время

перерыва. Так у нас и закрутилось. Встречи под луной, признания в любви, романтика...

Насколько кардинально может поменяться жизнь за каких-то пять лет. Интересно, какие мысли в голове у мужа сейчас? Раскаялся ли он в содеянном или продолжает винить во всём меня и ненавидеть, считая предательницей?

Юлия

— Галюсь, у меня к тебе секретное дело на миллион, — улыбаюсь подруге.

— Ну-у-у, если на миллион, — она мне заговорщически подмигивает. — Выкладывай.

Помогу чем смогу.

Я лезу в сумочку и передаю ей упаковку с таблетками.

— Что это? — Галя крутит её в руках.

— Надо сделать в нашей лаборатории анализ. Простейший. У меня есть сомнения по поводу подлинности таблеток.

— Ого! Решила аптеку засудить? Юльчик, ты беременна? От Громова, да? — буквально засыплет меня вопросами подруга.

— Нет, — морщусь. — Эту упаковку как раз Влад мне купил.

— Да ты что?! — глаза Гали начинают лезть из орбит.

— Только чтобы ни одна живая душа не знала, — прикладываю палец к губам.

— Юлька, я — могила, — заверяет меня подруга, пряча упаковку в карман халата. — Прямо сейчас к нашим лаборантам сбегая. С тебя тортик.

— Конечно, — улыбаюсь, помня, как Жорик любит сладкое.

А потом мы едем к Гале домой. Я всё-таки решила заночевать у неё. Слишком долго мы не виделись и хотелось наобщаться вдосталь. Да и не могла я при всех детали наших с Громовым отношений рассказать, а поделиться хотелось. Накипело, наболело.

Влад, как почувствовал, что о нём думаю. В сумочке раздался требовательный сигнал телефона.

— Слушаю, — отвечаю со вздохом.

— Малыш, ты где?

И главное, интонация такая ласковая-ласковая. Другая бы точно прониклась и поверила, что это забота, а не тотальный контроль.

— У подруги. Решила у Гали с ночёвкой остаться.

Буквально ощущаю потрескивание от напрягшегося Громова.

— Зачем? У нас завтра рейс, вдруг ты не успеешь.

— Возьму такси в крайнем случае. Мы с ней не виделись несколько месяцев. И почему я должна перед тобой отчитываться? Ты мне муж? — вспыхиваю, словно спичка, едва удерживаясь от того, чтобы не послать Влада на три весёлых буквы. Отрезвляет воспоминание о контракте.

— С удовольствием стал бы по первому твоему слову.

Прикусываю язык, сетуя на свои опрометчивые слова.

— Я за тобой приеду, — Громов игнорирует мою заминку, хотя, естественно, её заметил.

— Я сказала, что переночую у Гали. Ты меня силком будешь из её квартиры вытаскивать?

На заднем плане слышится треск. Такое поведение мужчины напрягает. Главное, не сдаться, а отстаивать свои границы до конца, иначе он совершенно меня подавит, превратив в безвольную тень самого себя.

— Приеду утром. Мы успеем на самолёт.

Сбрасываю вызов и ловлю на себе задумчивый взгляд подруги.

— Не клянутся у вас отношения, да?

Мы как раз подошли к её подъезду. Только скупо кивнула.

— Чего так?

— Да не знаю. Много причин. Мне даже к психологу пришлось пойти, — признаюсь.

— Всё настолько плохо?

— Галь, у меня предраковое состояние. Три недели назад грудь резали.

— И ты мне не сказала?! — начинает негодовать подруга.

— Я старалась никого не волновать лишний раз.

— Ну и дура! Юлька, да как можно всё в себе держать?!

Вздыхаю. Проблема в том, что я с детства к этому привыкла. Родители развелись, когда мне было семь лет, и я видела, как маме тяжело, понимала всё. С того времени и начала все проблемы втихую перемалывать, чтобы не добавлять маме переживаний.

— Так, проходи на кухню. Я сейчас чай организую, а ты мне всё подробно расскажешь.

И я рассказала. Всё до мельчайших подробностей. Рыдала и говорила-говорила-говорила, не в силах остановить словесный поток. Даже про позор с лисьим хвостом рассказала.

Галя всё слушала с хмурым видом, не произнеся ни слова.

— Пиз*ец, подруга, — выдаёт она коротко и ёмко после моей исповеди. — Угораздило же тебя вляпаться в этого Громова.

— Так ты не считаешь его подарком небес? — улыбаюсь, растирая слёзы по лицу.

— Да на*уя нужны такие подарочки, которые так женщину унижают?! — восклицает Галя, ударяя кулаком по столу.

— Но я тогда его обидела. Сильно. Он мне душу открыл, а я попыталась его задеть. Галь, я тогда специально это сделала.

— А он что, малое дитё или баба-истеричка, чтобы в обиженку играть и на любимой женщине отыгрываться? — резонно замечает подруга, а мне на душе сразу легче становится. Ведь я, действительно, до сих пор себя винила за тот поступок. — Да, ты неправа была, но попросила ведь прощения. А он что? Ужас! Нет, ну игра была пикантной, признаю, — Галя поиграла бровями. — Но он же тебя силком заставил в ней участвовать — вот где мерзость. Да это прямое насилие, Юль!

Вздыхаю, отпивая горячий, душистый чай.

— А дальше-то, что думаешь делать?

— Не знаю, — признаюсь честно. — Он билеты в Париж купил, мы завтра в Диснейленд летим отмечать Маришкин день рождения.

— О как, — подруга задумчиво покрутила кружку в руках. — Грамотно мужик тебя окучивает. Наверняка его злость буквально на части рвёт, что ты не поддаёшься.

— Угу, — киваю согласно.

— Ситуация, конечно. Знаешь, Юлька, я тебе тут не советчик. Не буду говорить, чтобы ты бежала от Громова, сверкая пятками. Всё же, он во многих смыслах ох, как хорош. Но с другой стороны, его поведение в некоторых аспектах реально напрягает.

— Он про детей заговорил. Сейчас по телефону мне почти предложение сделал, — вздыхаю.

— Форсирует. Явно. Слушай, подруга, а у меня тут мысль возникла по поводу контракта этого. Не могу отделаться от ощущения, что это своеобразная месть за твой фортель с

матюками перед больницей. Было бы правильнее добиваться тебя иными способами. Тем более и шанс такой — с мужем проблемы. А он с этим контрактом унижительным...

— Я тоже об этом думала, — признаюсь Гале и вздрагиваю от звонка мобильного.

— Малыш, ты там с подругой не наговорила? — голос Влада. И снова обманчиво мягкий.

— Нет ещё, — бурчу.

— Уже три часа прошло. Я жду тебя под её подъездом, — категорично. — За это время можно было мне кости вдоль и поперёк перемыть. Или ты в другом месте?

Вот это номер! Галя всё слышит, и от этого у неё округляются глаза, но она молчит.

— Я останусь у неё. Влад, уезжай.

— А если у меня дикое желание побыть с тобой? — снова мягкая интонация. Про контракт Громов не говорит, но я и так помню, прописанные в нём пункты.

— Сейчас спущусь, — отвечаю со вздохом и кладу трубку.

— Юлька, да это же клиника! — взрывается Галя. — Он манипулирует тобой! Куда ты собралась? Мне за тебя страшно!

— Влад ничего мне не сделает. Ну, нервы помотает в очередной раз. Переживу.

Подруга качает головой, поджав губы.

— Позвони мне, как домой доедешь. Ладно? Если утром я не услышу твой голос, то пойду в полицию с заявлением на этого Громова!

— Не преувеличивай, — даже смешок вырывается из-за мнительности подруги. Но её забота приятно греет душу.

— Я жду звонка, — кричит она вслед, когда я уже бегу вниз по ступенькам.

Машина Влада припаркована у самых дверей в подъезд.

— Зачем ты так? — спрашиваю, когда забираюсь в салон.

— Сказал же, что соскучился, — он с соблазнительной улыбкой тянется к моим губам. Как всегда, безупречный, притягивающий взгляд, вызывающий странные ощущения в груди. Каждая встреча с Громовым всегда на грани, на пределе. Ведь даже та поездка на базу держала меня в напряжении до самого конца. Я постоянно ожидала подвоха.

Вспомнила совет психолога и переключилась на то, когда я стала ожидать гадостей от Влада. Причём перманентно, даже когда всё, казалось бы, просто идеально. Наверное, после того случая с хвостом. Эта выходка Громова слишком больно ударила по моей гордости и самолюбию.

— Поехали? — интересуюсь, когда долгий поцелуй прерывается.

Глаза Влада тёмные, бездонные, одержимые. Он ведёт кончиками пальцев по моей скуле и шумно втягивает воздух.

— Да, — отвечает, с усилием воли отрываясь от меня.

Даже спрашивать не хочу, как Влад нашёл Галин адрес. Тут и так всё понятно. Но это напрягает. Я бы даже сказала, пугает.

Юлия

Громов трогается с места так резко, что меня откидывает на спинку сидения. А как только мы выезжаем на трассу, он вжимает педаль газа в пол. Его поведение заставляет нервничать.

— Влад, сбавь скорость, — прошу дрогнувшим голосом. — Что ты делаешь?

Но мужчина игнорирует мою просьбу. Просто крепче сжимает руль, впиваясь взглядом в тёмную трассу.

— У меня ребёнок! — не выдерживаю, спустя десять минут безумной гонки. — Ты спятил? Хочешь нас угробить? Влад! — уже ору.

Громов резко выдыхает и сбавляет скорость.

— Мне нужно было успокоиться, — как ни в чём не бывало говорит он, а потом резко съезжает на обочину, дёргая меня на себя. Едва успеваю руками в сидение упереться, чтобы со всего маха не впечататься ему в грудь.

— У меня могут швы разойтись! — я уже зла и напугана не на шутку.

— Извини, — тут же меняется мужчина в лице и уже более осторожно подтягивает ближе, начиная освобождать от одежды.

— Что ты делаешь?

— А на что похоже? — хрипло.

Дыхание у Влада сбивается, в глазах снова появляется шальной огонь. Прихожу к выводу, что лучше подыграть. Что-то мне совершенно не нравится его сегодняшний настрой. Громов словно с цепи сорвался.

Стягиваю с него пиджак и начинаю медленно пуговицы на рубашке расстёгивать, целуя оголившиеся участки кожи. Надо его успокоить, иначе можно попасть в неприятности.

Влад рвано выдыхает, когда я спускаюсь к животу и провожу по кубикам пресса кончиком языка. Запускает пальцы мне в волосы, толкая голову ниже. Да, после того случая я ни разу не делала ему минет. Мне попросту было страшно. Но сейчас я готова переступить через это, потому что новый страх перекрывает предыдущий.

Обхватываю горячую головку губами и замираю, опасаясь грубого продолжения, но Влад не выдаёт агрессии — он ждёт активных действий от меня. Это немного расслабляет, и я стараюсь доставить мужчине удовольствие. Точно знаю, что разрядка сделает его спокойнее.

— Юля, — хрипит Громов, доходя до пика.

Сглатываю и тянусь к сумочке за салфеткой, но меня останавливают, подтягивая выше и впиваясь в губы жадным поцелуем.

— С ума сойти, как это заводит, — со смешком произносит Влад. — Даже подумать раньше не мог, что мне захочется целовать женщину, после того как она мне отсосала. Да ещё и понравится это делать.

Он обводит языком мою нижнюю губу, а потом резко ныряет пальцами мне в брюки. Я охаю, когда они надавливают на клитор. Оказывается, я даже возбуждаться умудрилась. Сидение со щелчком откидывается, и меня заставляют лечь так, чтобы Громову было удобно проделать то же самое со мной.

— С ума меня сводишь, — жаркий шёпот обдаёт лоно, вызывая мурашки по всему

телу. — Почему меня так заклинило на тебе? Мозги совершенно расплавились, в груди только ты, разносишься по венам отравой. Любовь — это отравка, мой ангел.

Слова обрываются. Теперь горячий язык терзает моё тело, заставляя нетерпеливо ёрзать, вызывая у Влада удовлетворённые грудные стоны.

— Кончай, малыш. Давай, Юлька.

Влага размазывается, стекает вниз, пропитывая одежду и сидение. Я настолько возбуждена, что больно, но дойти до пика не получается. И тут в попку толкается палец. Ощущения настолько неожиданные и ошеломительные, что меня мгновенно выгибает в судороге наслаждения.

— Вот как? — слышу удивлённое. Слова доносятся, словно через пелену. В ушах отстукивает пульс, а тело сотрясается в руках Громова.

Некоторое время после произошедшего мы приходим в себя. А после Влад доставляет меня домой. Мне даже заснуть под мерное шуршание колёс удаётся. День был слишком долгим и выматывающим эмоционально.

— К двум дням заеду за вами, — с улыбкой говорит Громов, придерживая дверь подъезда, а после делает стремительный шаг и целует. Жадно, глубоко. Так, как будто не видел меня несколько дней. — Люблю тебя, малыш, — шепчет и выходит, оставляя в смятении.

Эмоциональные качели порядком расшатали нервы, поэтому не сразу вспомнила о Гале. Только забравшись в постель, набрала ей сообщение, что домой добралась, и переживать не стоит. Оказывается, подруга ещё не ложилась спать, а верным псом дожидалась от меня звонка. Стало как-то неловко и вместе с тем приятно.

«Хорошо тебе отдохнуть в Париже», — приходит на прощание. Улыбаюсь и проваливаюсь в сон.

Утром начинается кутерьма. Все бегают, кричат, я перепроверяю по десятому кругу чемоданы, и только к обеду вспоминаю, что хотела заскочить перед отлётом в сервисный центр и отдать на ремонт телефон мужа.

— Мам, я сбегаю быстро в одно место. Максимум через час вернусь.

Мастер долго крутит гаджет в руках, но потом берётся за ремонт.

— Готово будет через неделю. Здесь довольно сложно восстановить. Что вы с ним сделали?

— Этот телефон попал в автомобильную аварию, — отвечаю честно.

— А-а-а, — мастер понятиливо кивает. — Я позвоню, как будет готово.

К приезду Громова мы всей семьёй уже стоим на улице. Маришка нервничает. Какой-то незнакомый дядя везёт её в самую настоящую сказку. Дочка не понимает, чем заслужила подобное.

— Добрый день, — машина Влада останавливается в нескольких метрах, и мужчина выходит, чтобы помочь нам с багажом.

— Здравствуйте, — мама доброжелательно улыбается, а Маришка неожиданно цепляется в мою ногу и прячется за спину.

— Что я тебе говорила? — пытаюсь оторвать дочку от себя, но Громов жестом меня останавливает и присаживается рядом на корточки.

— Привет, меня зовут Влад, — мягко говорит он. — А ты Марина? Мама много о тебе рассказывала.

Мужчина говорит с ребёнком по-взрослому. Без сюсюканий и прочей мишуры, и дочку это подкупает. Она нерешительно выглядывает и тихо произносит:

— Привет.

— Вот и познакомились, — улыбается Громов. — А теперь поедem? Ты же ещё не летала на самолёте?

Дочка отрицательно качает головой.

— Уверен, тебе понравится, — Влад протягивает руку, но Маришка не спешит вкладывать в ладонь чужого ей дяди свою. — Боишься? — с пониманием спрашивает он. Я понимаю. Но надеюсь, что мы с тобой подружмся. А теперь — вперёд! Нас уже заждались карусели. Ты же хочешь покататься на всех?

— На всех? — недоверчиво интересуется Маришка. В голосе удивление.

— А как же. Мы прокатимся абсолютно на каждом аттракционе, куда нас пустят.

— А так можно? Это, наверное, дорого...

Дочка стала взрослой не по годам. Она часто слышала неприятные разговоры родителей, поэтому знает, что всё в этой жизни стоит денег, и порой, немалых.

Громов смеётся.

— Я смогу уладить этот вопрос.

Маришка сдаётся. Карусели её манят. Когда мы с ней просматривали видео из Диснейленда, она даже выбирала, на каких обязательно прокатится, а какие возможно будет пропустить. И хоть я повторяла, что нам можно будет посетить все, дочь с серьёзным видом говорила, что понимает, как это дорого. А теперь разрешено было не заботиться о деньгах, и в ней проснулась настоящая женщина. Глаза загорелись, ладошки вспотели от предвкушения, и даже незнакомый дядя уже не кажется таким страшным.

Юлия

— Мамочка, а можно ещё на ту?! — Маришка тянет меня за руку к очередной карусели. Если честно, я уже испытывала тошноту от бесконечных катаний на аттракционах. — Можно, — улыбаюсь, сдерживая тяжёлый вздох.

Влад стоически всё переносил, начиная с самого утра. И слова поперёк не сказал. Только успевал билеты покупать. Но недовольства или раздражения на лице Громова я не видела.

— Предлагаю пойти в кафе, — улыбается Влад, когда мы подходим к нему после очередного заезда на карусели.

Меня уже мутило не на шутку, поэтому я едва не скривилась. В меня точно сейчас ни кусочка пищи не влезет. Громов издал смешок, глядя на мой кислый вид. Маришка же вопросительно уставилась на меня.

— Пойдём, конечно же, — улыбаюсь. Сегодня всё для дочери. Она должна запомнить этот день рождения на всю жизнь.

Мы шли по широким аллеям парка, а мне всё не верилось, что я оказалась в этом месте. К дочке то и дело подходили аниматоры в костюмах известных персонажей сказок и мультиков. Маришка пищала от восторга, танцуя с очередной принцессой или фотографируясь в обнимку с Микки Маусом. Страшного дядю Влада дочка уже воспринимала как родного. Ещё бы! Ведь именно он подарил ей сказку. Не папа, которого девочка безумно любила, а какой-то чужой мужик. По логике ребёнка Громов был возведён чуть ли не в ранг волшебника. И, конечно же, как любой сказочный чародей, исполняющий желания, этот дядя никак не мог быть злым и плохим.

Маришка и так всё реже спрашивала о папе. Оно и не удивительно — Рома оставил в памяти ребёнка много негатива. Я дочь не винила. Молилась только о том, чтобы детская травма не создала проблем во взрослой жизни.

— Мне мама сказала, что у тебя сегодня день рождения, — Влад вопросительно смотрит на притихшую вмиг девочку.

Маришка молча кивает.

— Значит, тебе положено дарить подарки?

Я не понимала, к чему клонит Громов. И в эту минуту в зал внесли торт со свечами. Девушки пели знаменитую песенку, поднося угощение Маришке, а дочка буквально светилась от счастья, потому что помимо работниц кафе её поздравляла Золушка! Дочка просто пищала от этой сказки, мечтая, что когда-нибудь и у неё появится самый настоящий принц. Мы перечитывали сказку и пересматривали мультик, а теперь ещё и современный фильм по несколько раз на неделю. И сейчас Золушка в своём роскошном голубом платье с блёстками ставила перед Маришкой торт с хрустальной туфелькой на вершине.

— Спасибо, — шепчу одними губами, кидая взгляд на Влада.

Глаза защипало, и я из последних сил сдерживаю слёзы счастья, глядя на своего ребёнка.

— Мама! — пищит Маришка, когда нас оставляют одних. — Это... это... — дочка захлёбывается от восторга, не в силах сформулировать предложение. — Была Золушка!

— Конечно. Самая настоящая, — поддерживаю восторг дочери.

— Это вы её позвали? — обращение к Владу.

— Я, — с улыбкой подтверждает Громов. — Твоя мама по секрету сказала, что она тебе очень нравится.

И неожиданно дочка срывается, бросается к Владу и крепко того обнимает. Вижу, как у него вытягивается лицо. Он на мгновение теряется, а потом обнимает девочку в ответ.

— Спасибо! — искренне благодарит Маришка. — Это самый лучший подарок и самый лучший день рождения в жизни.

Меня под рёбра колет ревность. Обидно, что дочка признаётся в этом постороннему мужчине. Не родители смогли воплотить её мечты.

— Пожалуйста, — искренне, как мне кажется, отвечает Громов, и моё сердце тает от этой картины.

Удивительно, как легко он вошёл в доверие к дочери, хотя та всегда настороженно относится к посторонним. Даже к Гале, которая часто бывала в гостях, Маринка не высказывала симпатий. Всегда старалась держаться подальше. Вдруг я ошибаюсь по поводу Громова? Надумываю себе несуществующих опасностей, накручиваю.

И в этот момент пиликает телефон, говоря о приходе смс. Я достаю гаджет и читаю.

«Таблетки фальшивые, Юльчик. Там мел вместо препарата».

Стараюсь держать лицо, но изнутри буквально ломает. Только-только я допустила мысль, что ошиблась, ощутила, как в душе теплеет, а сейчас два предложения всё перечёркивают, подтверждая опасения.

— Юля? — Громов смотрит на меня настороженно. — Что-то случилось?

— Ничего, — голос предательски срывается.

Получается, Влад всё спланировал, хотел, чтобы я в первую же ночь забеременела. Ему даже согласия моего не нужно было! Если бы тогда я не купила другие таблетки, повинуюсь странной интуиции, то сейчас была бы уже с животом.

— Мариш, мы с твоей мамой выйдем. Кушай торт и не волнуйся. Через пару минут вернёмся.

Дочка покладисто кивает. Её счастье сейчас ничего омрачить не может.

На улице Влад буквально силком вырывает телефон из моих заледеневших пальцев, пробегает глазами по смс и каменеет.

— Что это?

— А сам не понимаешь? Я отдала противозачаточные на экспертизу. И судя по кровотечению, которое тогда у меня случилось после приёма собственных препаратов, я забеременела. Ведь прошли сутки. Ты специально время тянул! И надеялся, что твой обман не вскроется, так?! — шиплю, чтобы не привлечь внимание гуляющих. — Как так можно, Влад?

Вижу, как на лицо Громова напалзает тень.

— А что ты хочешь услышать? Я сразу сказал, что хочу от тебя ребёнка, жениться на тебе намерен.

— Я понимаю, что ты привык добиваться своего любыми путями. Но это подло! Неужели ты считал, что сможешь привязать меня с помощью ребёнка? Или думал, что я ничего не узнаю? А даже если и узнаю, то будет уже поздно?! — ярость рвёт меня в клочья. Если бы можно было, я бы вlepила Громову пощёчину на глазах у всех. И плевать на контракт. На всё плевать. — Ты и Маришку сюда привёз, чтобы ко мне таким образом подобраться. Увижу счастье дочери и растаю! Манипулятор хренов! И у тебя ведь почти

получилось, — признаюсь, а самой так гадко от происходящего, что хочется просто убежать. Не видеть этих льдистых, колких глаз, не слышать красивого голоса.

— Не драматизируй. Ничего сверхужасного не произошло бы, — звучит жёстко. — Да ты бы как сыр в масле всю жизнь каталась. Одно слово, и я мир к твоим ногам брошу. Почему ты так относишься ко всему? Другая бы зубами выгрызала подобную возможность. А ты, ишь какая цаца. Сколько можно строить из себя оскорблённую? Самой не надоело?

— Наконец, я вижу твоё истинное лицо. Лицемер, манипулятор и эгоист, заикленный на своих хотелках. Тебе плевать на всех! И на меня в том числе. Все слова о любви — это фикция.

— Замолчи, — холодное предупреждение. — Ты совершенно не знаешь, что у меня в душе творится. И даже не пытаешься выяснить. Поэтому не имеешь права говорить такие вещи!

— Мам? — наш тихий скандал прерывает Маринка.

— Что, солнышко? — пытаюсь надеть маску беспечности.

— Я наелась, а вас всё нет, — тянет ребёнок.

— Просто маме стало нехорошо от каруселей, вот мы с дядей Владом и вышли подышать свежим воздухом.

Взглядом умоляю Громова не портить дочери день рождения.

— Пойдём гулять дальше? — мягко спрашивает он, принимая мою просьбу.

Юлия

Два дня проходят на нервах. Мы с Владом находимся в молчаливом противостоянии. Кроме Диснейленда никуда так и не сходили, но я даже рада. Мне сейчас хочется одной побыть, немного остыть.

— Юль, совсем забыл сказать, что послезавтра важное мероприятие состоится. Приём для бизнесменов. Я хочу пойти с тобой, — говорит Громов, когда мы летим обратно в Москву.

Молча киваю. Влад тут же заметно расслабляется.

— Я пришлю платье, — шепчет он мне на ухо, когда прощается возле подъезда. Натянута улыбаюсь, чтобы не посвящать семью в свои неурядицы. Но как только заканчиваются все расспросы от мамы, восхищённые охи-вздохи Маришки и прочая суета, я сразу иду за телефоном мужа. Затем восстанавливаю его сим карту, потому что её заблокировали из-за длительной неоплаты.

Не знаю, что со мной происходит, но странное чувство не отпускает. Мне кажется, что я найду там что-то важное. Дома закрываюсь в спальне, прося меня не беспокоить, и начинаю просматривать звонки и сообщения мужа. Все мессенджеры оказываются пусты. Я даже облегчение ощущаю, но что-то продолжает зудеть внутри. Задумчиво кручу гаджет в руках, а потом неожиданно вспоминаю про электронную почту.

Открываю и вижу кучу писем от странного абонента. Значится он как набор цифр, но это явно не спам. Все письма прочитаны и не удалены. Дрожащими пальцами открываю диалог, а когда начинаю читать, ухаю в глубокую, тёмную пропасть.

«Отступишь от неё по-хорошему».

«Иди к чёрту! Я при встрече уже всё сказал».

«Я предупредил, но ты меня не услышал».

Потом несколько дней перерыва.

«Она ведь уже стала моей». К короткому сообщению прикреплена пара файлов. Открываю и утыкаюсь взглядом в фотографии, где мы с Громовым на даче.

Так вот, почему тогда Рома истерику закатил... Но отчего не показал переписку? Я бы предприняла что-то, объяснила! Стал бы муж слушать?

«Отвали, мудака. Отстань от нашей семьи! Я не верю, что Юлия способна на подобное!»

На глаза наворачиваются слёзы. Рома меня защищал, оправдывал...

«Думай, что хочешь. Но неужели ты считаешь, что женщина выберет такое ничтожество, как ты, если за ней будет ухаживать миллионер? Подумай сам. Что ты можешь дать своей жене? Ипотеку на двадцать лет?»

Рома на это ничего Громову не ответил. Сдержался, но ясно, что эти слова его подломили.

«Ты совсем тупой?» Новое письмо, спустя почти месяц. «Я же сказал, чтобы ты в закат свалил. Непонятно выразился? Могу ещё раз подробно объяснить. И ты реально считаешь, что такие подарки просто за красивые глаза делают? Считаешь, что браслет Юлия вернула? Ты не только глуп, но и слеп. А ещё жалок со своими страданиями. Ушёл бы по-хорошему, но ты сам сделал выбор».

И снова Рома ничего не ответил. Я поняла, что муж неоднократно встречался с

Громовым, тот ему угрожал, но Рома ни разу и словом не обмолвился. Влад, какая же ты мразь!

По щекам слёзы градом, сердце отстукивает лихорадочный ритм, руки трясутся и почти не могут удержать телефон, но осталось ещё два письма.

«Просто знай, что тягаться со мной у тебя кишка тонка. Упёртый? Молодец, я даже немного тебя зауважал, но ты уже подорвал доверие к себе бухлом и дал мне в руки все козыри. Я не хотел идти на крайние меры, но ты не оставляешь мне выбора. Эта женщина — моя!»

«Иди к чёрту»! Дальше только нецензурная брань, которую я так и не смогла дочитать до конца.

Всё плывёт перед глазами. Неужели это Громов подстроил аварию? Боже! Я захлёбываюсь в отчаянии и безысходности. Хочется сорваться, бежать в клинику, обнять мужа и сказать, что я всё знаю. И что мне очень жаль. Но этот дьявол предусмотрел каждую мелочь, связав меня по рукам и ногам.

ОН УГРОБИЛ МОЕГО МУЖА! Подстроил ту ужасную аварию. Я не удивлюсь, если экспертиза была подложной, и Рома не садился пьяным за руль. Почему же он мне не сказал? ПОЧЕМУ?! Острые клинки боли полосуют внутренности, оставляя вместо сердца кровавое месиво.

НЕНАВИЖУ! КАК ЖЕ Я ЕГО НЕНАВИЖУ!

Руки сами тянутся к телефону. Хочется позвонить Громову, высказать ему всё, но в последний момент я себя одёргиваю. Нельзя действовать на эмоциях. Этот человек — подонок и псих. Нельзя так подставляться. Неизвестно, что он может сделать, если его перекроет.

Затаиться и не показывать, что я всё знаю. Контракт всего лишь на год, а потом я свободна! Как пережить девять месяцев и не сорваться? Как в глаза этому подонку смотреть? Боже!

К чёрту психологию! После прочтённой переписки у меня всё сложилось в голове. Больше никаких сомнений и предположений — Громов абьюзер как есть. Причём ещё и облечённый деньгами и определённой властью. Идти наперекор просто опасно для жизни.

Я закусываю подушку, сдерживая рыдания. Мама и дочка не должны ни о чём знать. Это моя проблема, но я не понимаю, как её решить. За неисполнение обязательств по контракту стоит такой штраф, что даже продажа обеих почек вместе с квартирой не поможет. И отобрать у Ромы шанс на нормальную жизнь я не могу. Только не после того, что мне открылось.

Успокоиться удаётся далеко не сразу. Если я хочу выбраться из этой удушающей петли, нужно взять себя в руки и думать.

— Юльчик, что-то случилось? — мама замечает мои опухшие, покрасневшие глаза.

— Рому вспомнила, — говорю частичную правду.

— У него ведь всё хорошо?

— Влад сказал, что он уже делает первые шаги, — чтобы произнести имя Громова буквально рвотный рефлекс преодолеваю.

— Это хорошо. Ты сделала для него всё, что было в твоих силах.

Вымучено улыбаюсь.

Вечером приходит курьер и вручает коробку с роскошным платьем и туфельками. Даже красивое нижнее бельё входит в комплект. Хочется разорвать эти тряпки в клочья, но я не

могу. В коробке лежит конверт с деньгами и запиской о том, чтобы я посетила салон красоты перед приёмом.

Всё продумано до мелочей. Миллионер пойдёт хвастаться красивой куклой. А потом будет её ломать, отрезая от друзей, любимой работы, ведь это так легко. Вот мужа удалось отрезать, вырвать из жизни, растоптать и выкинуть. Почему не сделать это с другими аспектами жизни приглянувшейся куклы?

Юлия

— Ты очаровательна, — Громов галантно целует кончики пальцев, встречая меня в общем зале элитного салона красоты.

Пытаюсь изобразить милую улыбку, но губы сводит судорогой. Выгляжу я, действительно, великолепно — мастера постарались на славу. Волосы сияют и струятся по плечам мягкими волнами, макияж как у звёзд с обложки глянцевого журнала. Я вся мерцаю и переливаюсь, гармонично сливаясь с золотым платьем. Эдакая дорогая статуэтка.

— Не нервничай, фея, — растолковывает по-своему мой оскал Громов. — Тебе даже говорить ни с кем не нужно. Просто будь рядом.

Да, это моя роль. Красивое дополнение к миллионеру. А теперь, когда он столько денег на меня потратил, ещё и дорогое.

— И ты очень умная женщина. Мне точно не придётся за тебя краснеть.

Про себя подумала, что глупой быть, наверное, гораздо проще. Тупые куклы не докапываются до правды, воспринимая всё за истину.

Сегодня Громов приехал на каком-то очень статусном автомобиле. Даже я, не разбираясь в марках, понимала, что эта машина весьма дорогая. Золушка едет на бал. Про себя горько усмехнулась.

Приём проходил на окраине Москвы в каком-то старинном особняке. Элитная публика разноцветным ручейком стекалась внутрь. Даже воздух здесь пропитался лоском и исключительностью. Красивая обёртка с гнилым содержимым.

Сейчас я всех воспринимала именно так. Пресытившиеся благами избалованные толстосумы, привыкшие, что любая прихоть исполняется по щелчку пальцев. Мне было тошно здесь находится. Ещё не успев зайти внутрь, я мечтала сбежать как можно дальше.

Громов с кем-то здоровался, раздавал холодные вежливые улыбки и всё время поглаживал мои пальцы, демонстрируя своё украшение окружающим.

— Выпьешь? — он взял у официанта два бокала шампанского.

— Я пью таблетки, — ответила коротко, наблюдая, как в зал входит Антон Волошин. И он на удивление был без пары! Это явно выбивалось из общей картины, но мужчина держался настолько уверенно и расслабленно, что стало немного завидно. Видимо, его не смущают такие мелочи, как отсутствие живой красивой куклы рядом. Мог ведь и эскортницу снять.

— Извини, вылетело из головы, — Влад проследил за моим взглядом, и в его глазах промелькнуло нечто тёмное и дикое.

— А что это за мероприятие? Ты так и не сказал, — отвлекаю его, стараясь разрядить обстановку.

— Благотворительный бал.

— Даже так? И в честь чего? Кого миллионеры решили облагоденствовать, кинув подачку? — не могу сдержать яда в голосе, вспоминая о муже и о нашей с ним ситуации.

Брови Громова взлетают вверх.

— Ты считаешь, что всё для показухи?

— А как ещё? Вон, сколько журналистов собралось. Фоторепортёры, телевидение. Хотели бы сделать доброе дело — просто сделали, не выставляя это напоказ.

Громов молчит. Видимо, возразить нечего.

— Так и для кого подачка?

— Мы каждый год собираем средства на разные цели. Сегодня — это детский фонд, который борется с онкологией.

— Нет, ну дело хорошее, конечно. Благородное. Государство ведь людям в нашей стране не помогает, — киваю, вспоминая, с какой регулярностью мелькают по телевидению ролики о сборе средств для очередного несчастного ребёнка. — Но повторяюсь: хорошие дела можно совершать и без помпы.

— Да. Многие, собравшиеся здесь, так и поступают. Но сегодня у мероприятия есть ещё одна цель — привлечь внимание общественности к проблеме. На балу будут ведущие врачи-онкологи, сотрудники научных организаций по борьбе с раком. Все они выступят с речью, чтобы люди знали, насколько стала острой ситуация. Количество людей, ежедневно умирающих от рака, бьёт всё новые рекорды.

— Я знаю. А лекарство так и не изобрели.

— Существуют экспериментальные методы...

— Даже если появится лекарство, его не выпустят на рынок! Неужели ты не понимаешь, что это мафия. Структуре выгодно, чтобы всё оставалось по-прежнему, ведь в этой сфере крутятся огромные средства. Да я читала уйму умных статей, написанных гениальными учёными. Например, ты слышал о методе Николая Климука? Он первым выдвинул теорию, что рак — это всего лишь грибок, развивающийся в закислённом организме. Он предложил лечить его трихолом. Да, копеечное средство, показавшее высокую эффективность. Его высмеяли, объявили научные труды бредом сумасшедшего. Тулио Симончини чуть позже пришёл к тем же выводам, предложив такое же дешёвое средство — соду! Он успешно излечивал даже тяжёлых больных на последних стадиях. Его посадили! Представляешь? На три года, сказав, что он экспериментирует над людьми.

— И что в итоге? — Влад заинтересованно смотрел на меня. Видно было, что его поразила эта информация.

— Вышел. Но его лишили права заниматься врачебной деятельностью, объявив вне закона. Но он продолжал практику. Да, возможно, были и неудачи, но в сравнении с тем, сколько людей умирает после химиотерапии... узаконенные методы лечения заставляют усомниться в эффективности.

— Какой интересный у вас разговор.

Резко оборачиваюсь, встречаясь взглядом с Антоном Волошиным.

— Я бы с удовольствием послушал вас ещё, Юлия.

Наблюдаю, как у Громова перекашивается лицо, а пальцы крепко сжимаются на моём локте, заставляя зашипеть.

— Влад!

Он смотрит на меня стеклянными глазами, а потом переводит взгляд на руку.

— Извини, — тут же выпускает из захвата. — Боюсь, тебе не удастся послушать Юлию. Она обещала мне танец.

С этими словами меня буквально волокут в огромный зал, где звучит классическая музыка.

— Ты мне делаешь больно! — шиплю.

Влад снова не контролирует себя.

— Прости, — тут же расслабляет хват. — Как же меня бесит этот Волошин, —

выдыхает сквозь зубы.

— Да, ты уже говорил, — отвечаю отстранённо, а сама понимаю, что нащупала путь, который может помочь избавиться от Громова.

Мы танцуем довольно долго. Успевают смениться несколько мелодий.

— Я устала, — вздыхаю. — Таблетки, которые пью, пагубно действуют на здоровье, да и эти высокие каблуки. Не привыкла к ним.

— Пойдём за наш столик, — тут же предлагает Влад, увлекая меня в соседний зал. — Я закажу что-нибудь перекусить.

— Была бы признательна. Только мне нужно отлучиться в дамскую комнату. Где она?

— На втором этаже. Обратись к обслуживающему персоналу — тебя проведут.

Киваю и направляюсь к лестнице. Сама же взглядом ищу Антона. Мне улыбается удача — он всё ещё стоит на прежнем месте и беседует с каким-то пузатым усачом. Специально совершаю крюк, чтобы появиться в его поле зрения. Делаю вид, что мне захотелось выпить. Подхватываю бокал с шампанским, а сама украдкой кидаю взгляд на Антона. Он внимательно следит за мной. Получилось! Дарю мужчине милую улыбку и проплываю мимо него, уходя на второй этаж. Если этот Волошин не дурак, то не упустит свой шанс и пойдёт за мной.

Юлия

Так и вышло. Антон нагнал меня на втором этаже.

— Юлия? — мужчина подходит и галантно целует руку. — Вы ослепительны, — обольстительная улыбка.

— Спасибо, — постаралась включить кокетку на полную мощность, хотя уже стала забывать, как это делается.

— Влад — настоящий Цербер, — хохотнул Волошин, предлагая мне бокал шампанского. — Хотя я бы тоже охранял такое сокровище. Превратился в злобного дракона и спрятал в пещере.

— Надеюсь, это шутка, — нервно улыбаюсь. Сейчас нужно идти ва-банк, из-за того что второго шанса может не представиться, да и времени в обрез. — Потому что я устала от тотального контроля. Меня это пугает.

— Громов над вами издевается? — Антон правильно понял намёк.

— Не то чтобы сильно, — тяжело вздыхаю. — Но его агрессивный контроль душит. Я, словно в клетке.

— Почему же не бросите его? — искренне удивляется Волошин.

— Потому что нахожусь в безвыходном положении, — смотрю на мужчину умоляюще. Он должен понять!

И тут вижу Громова, который с каменным лицом идёт в нашу сторону. Дёргаюсь затравленно, но понимаю, что бежать некуда. Я упустила возможность. Антон смотрит за спину, улавливая мой испуг, а потом жестом фокусника забирает у меня бокал с шампанским, как-то странно прислоняясь. В декольте что-то скользит. Визитка! Быстро помогаю ему, подтягивая платья и пряча спасительную карточку как можно глубже.

— О, какие люди! — Антон весело смотрит на Громова. — Стережёшь свою принцессу? — в голосе мужчины и грамма напряжения нет. Он в себе уверен. Влад не может ему ничего сделать. Я выбрала правильно!

— А ты решил позариться на чужое? — шипит Влад. Он в крайней степени бешенства.

— А Юлия что, бездушный предмет? Бесправная собственность? Ей даже с людьми разговаривать нельзя? — Антон явно провоцирует Громова. Я же стараюсь слиться с местностью, чтобы гнев Влада не выплеснулся на меня.

— Ты понял о чём я! — уходит от прямого ответа Громов.

— Как не понять... — улыбается Волошин, а потом поворачивается ко мне. — С вами очень интересно вести беседы, Юлия. Воистину вы весьма умная женщина.

Выдавливаю нервную улыбку, наблюдая, как Антон покидает второй этаж.

— Тебя и на минуту нельзя одну оставить?

— Мне запрещено разговаривать с людьми? — отвечаю вопросом на вопрос. — Я твоя рабыня?

— Я же предупреждал насчёт этого бабника.

— Ты считаешь, что я потаскуха какая, и рассматриваю каждого мужика исключительно в сексуальных целях? — меня начинает трясти. — К чему эта нездоровая ревность? Мы просто разговаривали!

— И о чём же?

— О методах лечения рака. Ты ведь не дал нам побеседовать внизу. Вот, столкнувшись в коридоре, решили продолжить разговор. Что в этом страшного или предосудительного?

— Хочешь сказать, что Антон интересуется этой темой? Да в жизни не поверю. Он показушник!

— А ты знаешь всё о его семье? Вдруг он тоже пережил потерю.

Влад хмурится, но ничего не отвечает.

— Я так и не сходила в уборную, — кидаю нервно и быстрым шагом направляюсь к спасительной двери.

В туалете первым делом достаю помятую визитку и надёжно прячу ее в подкладке клатча. Хорошо, что предусмотрительно положила в сумочку булавку. С помощью неё мне удаётся аккуратно отпороть кусочек подкладки, а потом незаметно замаскировать прореху.

Прижимаю холодные ладони к пылающим щекам, чтобы немного успокоиться. Мне удалось повернуть первую часть плана, но как рассказать Волошину о моей ситуации. Плюс ко всему, я не знаю, следит ли за мной Громов. От него можно ожидать подобного. И что в таком случае делать?

Минут через десять раздаётся стук в дверь.

— Юля, с тобой всё в порядке?

— Да-да. Сейчас выйду.

Натянув на лицо максимально непринуждённое выражение, покидаю уборную.

— С тобой точно всё в порядке?

— Да. Просто голова закружилась. От таблеток такое бывает.

Влад подхватывает под локоть и медленно ведёт меня вниз. В большом зале уже началась официальная часть мероприятия. То и дело пространство озаряется десятками вспышек фотокамер, кто-то с трибуны толкает пафосную речь о важности мероприятия, но я думаю лишь о том, как останусь одна и смогу связаться с Антоном. Нельзя терять время. Мужчина явно мной заинтересовался, у него достаточно влияния и денег, чтобы не бояться Громова — это отличная возможность.

Но захочет ли он мне помогать? Ведь выплата по контракту, в связи с нарушением очень внушительная. Тридцать миллионов — ровно столько стоит моя свобода. Даже подумать о разговоре с Волошиным страшно, но я уже настолько низко пала, что смогу ещё раз переступить через гордость ради свободы.

Меня пугает другое. Что если Антон согласится, и я попаду в новую западню? И что будет с Ромой в случае разрыва договора? А если я напрасно думаю о вариантах, и Волошин просто не захочет решать проблемы посторонней для него женщины. Сума огромна. Зачем ему отдавать её? Ради чего?

Я настолько погрузилась в свои тревожные думы, что вздрогнула от повышенного тона Громова.

— Юля!

— А?

— Я сейчас пойду к трибуне. Да что с тобой сегодня такое?

— Непривычно здесь всё. Чувствую себя не в своей тарелке. Устала.

Громов оставляет меня за столиком, идя к месту выступления. Сейчас он толкнёт очередную пафосную речь о необходимости исследований в области раковых заболеваний.

— В детстве я лишился матери, — неожиданно начинает Громов, и я ловлю его взгляд. — То бессилие, которое я тогда ощущал, невозможно передать словами. Его не

понять людям, которые не наблюдали как болезнь пожирает любимого человека, а ты ничего не можешь сделать. Смешно, но перед онкологией равны все, как перед богом. У тебя не получится откупиться от болезни, уничтожить, как личного конкурента, — теперь Влад устремляет взгляд в сторону. Понимаю, что он смотрит на Волошина. По спине бегут мурашки, но Антон лишь беззаботно улыбается. Он не мог не понять намёк! — Но знаете, я сегодня разговаривал с одной очень умной женщиной, и она открыла мне глаза на простые истины. Я теперь знаю, в какие исследования стоит вкладывать деньги. Надеюсь, через непродолжительный срок, смогу представить общественности нестандартный метод лечения онкологии. Спасибо за внимание.

Вспышки, тишина в огромном зале, а потом люди взрываются аплодисментами. К нашему столику подходят журналисты, выспрашивая личное интервью. Всем интересно, что задумал Громов, но он умело уходит от объяснений.

— Это то, о чём я думаю? — тихо спрашиваю, когда нас, наконец, оставляют в покое.

— Да. Я хочу собрать команду инакомыслящих учёных. Ты зародила во мне сомнения насчёт методов лечения. Что если решение проблемы, действительно, лежит на поверхности. Просто победить рак — это невыгодно.

— Не думаешь, что вступаешь в опасную игру? Фармакология — это мафия. Ты даже не знаешь, кому придётся противостоять.

— Я справлюсь, — лёгкая усмешка трогает губы Влада. — А сейчас, думаю, нам можно покинуть это помпезное мероприятие. Предлагаю провести время вдвоём. Ты давно не была у меня в гостях.

От этого предложения покрываюсь мурашками. Подсознание пытается сигнализировать об опасности, но деваться мне некуда.

Владислав

Меня в ключья рвёт от одной мысли, что Юля с другими мужчинами разговаривает. Да, просто ведёт беседу, а я сразу надумываю себе всякого дерьма. Псих! Ощущение, что внутри зверь дикий просыпается, который готов растерзать в ключья любого. Особенно этого Волошина. Как же он меня бесит!

Как только выезжаем на объездную дорогу, сразу педаль газа до предела в полутапливаю. Нужен всплеск адреналина, иначе я за себя не отвечаю. Юля тут же вцепляется в сидение и просит остановиться, но меня несёт. Не могу! Контроль полностью утерян. Я отдаюсь рёву мотора.

— Громов, прекрати! — визг, когда обгоняю очередную машину. — Ты нас угробишь, идиот!

Усмехаюсь, наслаждаясь эмоциями. До дома доезжаю за рекордно короткие сроки. Хотел остановиться прямо на обочине и трахнуть свою фею, пока адреналин в жилах адским варевом пузырится, но решил дотерпеть. В машине неудобно. Дома гораздо больше полёт для фантазии. Сегодня хочу её всю. От одной мысли волоски дыбом, в штанах больно, а перед глазами всполохи.

— Заходи, — придерживаю дверь, ощущая себя пьяным.

Взгляд скользит по округлому бедру, по белому покато плечу, с которого сползла меховая накидка. Натужно сглатываю, дыхание сбивается, сердце барабанит по рёбрам, отбивая какой-то безумный ритм.

— Иди в гостиную, — голос охрип.

Юля смотрит на меня с опаской, но выполняет указание, а я иду за своим чемоданчиком. Там ещё куча неиспробованных игрушек. И сегодня я намерен использовать их все. Меня вздёрнула эта встреча с Антоном, всколыхнула в душе нечто тёмное. И эта субстанция жаждет удовлетворения, хочет ощутить полное подчинение и обладание.

— Ложись на стол, — говорю, как только спускаюсь в гостиную.

Юля медлит.

— Я буду действовать осторожно, — успокаиваю её. — Постараюсь не унижать и не причинять боль, но мне необходима мощная разрядка. Ложись.

Девушка по-кошачьи залазит на стол и растягивается на его поверхности.

— На живот, — хриплю.

Медленно переворачивается, заставляя меня издать грудной стон. Что же фея со мной делает? Расстёгиваю молнию и начинаю путешествие языком по её спине. Касаюсь каждого позвонка, спускаясь всё ниже.

— Главное, расслабься, Юль. Я не смогу остановиться. Сегодня буду брать тебя везде. Расслабься. Хочешь дам тебе афродизиак?

— Хочу, — шепчет.

Добавляю несколько капель в сок, который она выпивает залпом. Платье уже валяется на полу. Теперь Юля в одном кружевном белье, и этот вид сводит с ума. Хочется растянуть удовольствие, но не знаю, на сколько меня хватит. Беру с дивана маленькую подушку и подкладываю ей под живот. Попка тут же аппетитно оттопыривается. Глажу округлость, считывая реакции, а сам прикидываю с чего лучше начать.

— У тебя аллергии нет?

Отрицание, но мгновенно за этим следует напряжение. Все мышцы у феи становятся каменными.

— Не бойся.

Достаю тюбик со смазкой, которая должна вызвать лёгкий прилив крови. Наношу на пальцы и ныряю под трусики, поглаживаю, скольжу туда-сюда, стараясь себя сдерживать, чтобы не надавить слишком сильно. Через пару минут слышу приглушённый стон, и Юля подаётся бёдрами навстречу. Боже! Тут же практически сдираю бельё.

Юлия

Удалось вырваться от Громова только через сутки. И сразу как выдалась возможность, набрала Волошина.

— Антон, здравствуйте. Это Юля.

— Я узнал, — весёлый голос немного расслабляет, но я не знаю, как продолжить. — Вы хотели со мной поговорить. Что если мы с вами встретимся завтра ближе к полудню и пообедаем где-нибудь?

— Понимаете... — запинаясь. Боюсь, что после следующей фразы Волошин пошлёт меня куда подальше. — Я подозреваю, что Громов за мной следит.

— Ого! Даже так?

Повисает пауза.

— Тогда, давайте сделаем так. Вы можете пойти, скажем, в поликлинику? Я пришлю своих ребят на неприметной машине, и они вас выведут через чёрный ход.

Выдыхаю. У меня появляется ощущение, что для Антона это забавная игра. Но мне безразницы. Главное — использовать этот шанс.

— Конечно.

Называю адрес клиники, где наблюдаюсь по поводу груди. По удачному стечению обстоятельств мне действительно надо на приём.

— Договорились. Вы меня заинтриговали, Юля, — смеётся Антон. — До встречи.

И этой встречи я жду с замиранием сердца. Стыдно даже думать о том, что придётся рассказывать Волошину все подробности, но другого выхода нет.

К встрече готовлюсь тщательно. На всякий случай кладу в сумочку позорный контракт в надежде, что Волошин согласится меня выручить. Долго продумываю разговор, накручиваю себя, пью успокоительное и снова накручиваю.

— Юлёнок, что случилось? — мама замечает моё состояние.

— Я расскажу, если у меня всё получится, — отвечаю нервно.

— Не пугай меня. С Громовым что-то?

— Да, с ним это связано напрямую. Но я не хочу сглазить.

Мама больше не лезет с расспросами, а я собираю себя в кучу и выхожу за дверь. Нервозности прибавляет и то, что не могу себе представить, как смогут пройти в клинику посторонние люди и тем более, воспользоваться чёрным ходом. Это же только для персонала. Но как только покидаю кабинет лечащего врача, сразу утыкаюсь взглядом в высокого мужчину, одетого в классический костюм. Это так Волошин решил внимание не привлекать?

— Юлия?

Киваю.

— Вам до конца коридора и направо. Там выйдете на задний двор, где вас посадят в микроавтобус с надписью: «Очищенная вода».

Мои брови непроизвольно ползут вверх.

— А вы со мной не пойдёте?

Мужчина с улыбкой качает головой.

— Мы не должны привлекать внимания.

Киваю и сразу спешу к чёрному входу. Дальше всё по отлаженной схеме. Меня долго куда-то везут. Говорят, что за пределы Москвы. А потом передают в руки непосредственно Волошина. Он поджидает микроавтобус возле опушки леса. С улыбкой помогает мне выбраться и говорит ребятам, чтобы дождались нас.

— Ничего себе! — смеюсь, когда сажусь к Антону в машину. — Вот это шпионские игры!

— Я старался, — беззаботно отзывается мужчина, даря мне озорную улыбку.

Мы приезжаем на какую-то небольшую загородную базу, и Волошин сразу ведёт меня в ресторан, где оказывается абсолютно пусто. Нам тут же приносят блюда, и персонал тут же растворяется, оставляя нас наедине.

— Я вас слушаю, Юлия, — Антон подпирает подбородок, сплетая пальцы. — И мне показалось, что вы захотите обсудить детали без посторонних ушей.

— Я признательна за такую заботу, — отзываюсь, нервно теребя салфетку. Собираюсь с духом. — Не знаю, с чего начать, — вздыхаю.

— С самого начала, Юленька. И постарайтесь подробно всё рассказать.

Киваю, а потом слова сами начинают из меня течь, будто произошёл прорыв плотины, которую я постоянно латала.

— Ого, — в конце моей исповеди произносит Антон. Теперь на его лице нет весёлости. — Я вам сочувствую. А можно мне взглянуть на этот контракт?

— Я вам дам его для ознакомления, если вы согласитесь помочь. Антон, там прописаны такие пункты, которые мне не хотелось бы демонстрировать...

— Я понимаю, — серьёзно кивает Волошин. — И хочу тоже быть с вами откровенным. Видите ли, у нас с Громовым давние счёты. Я не буду вдаваться в детали, но он увёл у меня девушку, которую я безумно любил. Просто ради спортивного интереса. До сих пор простить его не могу. Он сломал Насте жизнь, поигравшись и выбросив, как ненужную вещь. Я пытался всё исправить... но у меня не вышло. Насти больше нет, и виноват в этом Владислав Громов.

— Он говорил мне обратное, — хмурюсь. — Называл вас ловеласом, любителем поиграть с женщинами.

— Увы, Юля, я таким стал. Решил, что любить — это слишком больно. Но все эти годы ждал, что мне представится возможность отомстить. И я не буду перед вами лицемерить и выставлять себя благородным рыцарем, спасающим даму. Вы — мой инструмент мести, Юля. Громов сломал и вашу жизнь, разрушил семью. Думаю, вы меня сможете понять.

— Я понимаю, — киваю. — И я согласна. Это лучше, чем быть марионеткой против воли.

— Хорошо. Я помогу вам вырваться из лап этой твари, но нам нужно понимать, что могут быть нехорошие последствия. Громов не тот человек, кто спокойно примет проигрыш. Необходимо продумать всё до мелочей. И я постараюсь поднять связи и по-тихому порыться в деталях происшествия с вашим мужем. А ещё узнаю, как сам Роман, на какой стадии лечения находится. Будет нехорошо, если все ваши муки прошли напрасно, ведь всё затевалось ради спасения мужа.

— Спасибо! — на глаза наворачиваются слёзы.

— Пока не стоит меня благодарить. Как я уже сказал, для меня вы — шанс отомстить Громову.

— И за честность спасибо, — говорю тихо.

— Сейчас мы пообедаем, а потом я заберу ваш экземпляр контракта и отдам на изучение юристам. Вам придётся пройти через это, — добавляет Антон, видя, как я заливаюсь краской. — И давайте перейдём на «ты»?

Юлия

— Юля, надо встретиться.

Голос Волошина серьёзен и напряжён. Понимаю, что это не сулит ничем хорошим.

— Хорошо. Когда, где, а главное, как?

Антон называет торговый комплекс в центре Москвы, а также название бутика.

— Там будут мои люди. Они выведут.

К обеду, изнервничавшись, приезжаю к магазину. Стараюсь делать непринуждённый вид, чтобы не вызывать подозрений. Я просто решила сходить за покупками. Что в этом странного. Если Влад нанял человека следить за мной, то он не должен ничего заподозрить.

С момента первой встречи с Волошиным прошло три недели. Пару раз он присылал смс и говорил, что дело движется, и чтобы я не переживала. И вот сегодня Антон позвонил. Видимо, выяснил всё, что только получилось.

В бутике ко мне подошла милая девушка.

— Юлия?

Киваю.

— Пойдёмте, я вас провожу.

И после этого мы с консультантом сначала уходим в сторону примерочных, попутно взяв пару платьев, а после девушка выводит коридорами к служебной лестнице.

— Вас ждут внизу.

— Спасибо.

На этот раз меня усаживают в неприметный грузовичок местной транспортной компании, а дальше всё идёт по тому же сценарию. Только сейчас Волошин ожидает на складах.

— Добрый день. Прекрасно выглядишь, — он галантно целует руку и придерживает дверь автомобиля, помогая сесть.

В Москву пришло первое весеннее солнце. Оно ещё не греет, но светит ярко, отчего хочется сбросить с себя опостылевшие пуховики и надеть что-то красочное и жизнерадостное. Не стала сопротивляться желанию, облачившись в элегантное и очень эффектное красное пальто. Муж всегда считал его чересчур броским, поэтому не любил, когда я его надевала, а мне оно безумно нравилось. В такой одежде женщина чувствует себя роковой обольстительницей.

И сейчас, поймав взгляд Антона, ощутила невероятное удовлетворение. Волошина я не боялась, а наслаждалась его реакциями. Видно было, что нравлюсь ему. Заинтересованность во взгляде я уловила ещё в первую встречу. Да и мне Антон был очень симпатичен. Зелёные глаза гипнотизировали.

На этот раз мужчина привёз меня к себе в загородный дом.

— Мне кажется, лучше сегодняшнюю беседу провести вдали от посторонних ушей. Я не параноик, но сама понимаешь.

Только киваю. С Громовым привыкла молчать и по возможности со всем соглашаться. Антон дарит мне задумчивый взгляд, а потом заводит в шикарный особняк. Стол в гостиной сервирован для обеда, но прислуги не наблюдаю, поэтому прихожу к выводу, что и её Антон разогнал.

— Присаживайся, — мужчина отодвигает стул. — Юля, хочу перейти сразу к делу, если ты не возражаешь. Не люблю излишние расшаркивания.

— У меня сложилось иное впечатление, — улыбаюсь. — Ты меня удивляешь.

Волошин хмыкает.

— Мне нравится образ обалдуя. Так усыпляется бдительность конкурентов и врагов. В сфере бизнеса выживают только безжалостные и сильные хищники, несклонные к сантиментам. Это особый вид людей со специфическим складом ума и психики.

— Хочешь сказать, что ты одного поля ягода с Громовым.

— Я не могу адекватно самого себя оценивать, но надеюсь, что мне удалось не оскотиниться до такой степени. Судить тебе. Вина?

Качаю головой.

— Тогда обязательно поешь. Моя кухарка божественно готовит.

Молча накладываю себе в тарелку порцию салата.

— Итак, Юля. Сначала я хочу рассказать о здоровье твоего супруга. Ему провели операцию, и сейчас, действительно, идёт реабилитационный период. Но если прервать курс лечения, то неизвестно, к каким последствиям это приведёт. Врачи дают два месяца. Если забрать его раньше, то все усилия могут пройти впустую.

Сжимаю под столом кулаки. Я втайне надеялась, что сегодня Волошин сделает меня свободной. Мужчина всё читает по моему лицу.

— Я бы советовал повременить с досрочным расторжением контракта, пока Роман не восстановится.

Молча киваю.

— А теперь непосредственно к той роковой аварии. Мне удалось выяснить, что экспертиза была подложной. Роман не садился пьяным за руль. У машины отказали тормоза. А всем пострадавшим дали выбор — либо они говорят правду и тогда ничего не получают, кроме чистой совести, либо в один голос утверждают, что водитель был неадекватным. Ты ведь понимаешь, что многим просто немислимо отказаться от таких денег. А возможно, их ещё и шантажировали.

У меня земля из-под ног уходит. Голова кружится, к горлу подкатывает ком.

— Воды? — тут же подходит ко мне Антон, приобнимая за плечи.

Качаю головой, стараясь взять себя в руки.

— Ублюдох, — шиплю сквозь стиснутые зубы. — Какая же он мразь!

— Ты мне веришь? Ведь я не могу предъявить доказательства. Все улики были уничтожены, а свидетели в открытую не станут говорить о том, что оболгали человека. С такими вещами не шутят.

— Верю, — отвечаю тихо. — Я знаю своего мужа. Да, в последнее время он выпивал, но я сразу говорила, что Рома не сядет пьяным за руль! Я ведь говорила, а мне даже подруга не поверила!

Всё-таки не смогла сдержаться и разрыдалась. Антон сел передо мной на корточки, вытирая дорожки слёз, которые потоком катились из глаз, заливая подол шёлкового платья.

— Выпей водички, — мужчина протянул мне бокал. — Я не хотел делать тебе больно. Понимаю, что ты и так настрадалась...

— Я рада, что всё узнала, — говорю твёрдо, немного успокоившись. — Не обмануло меня предчувствие насчёт Влада. Сама ведь себя невротиком считала, который надумывает небылицы.

— Теперь ты будешь налаживать отношения с мужем?

Не уловив подтекста, пожимаю плечами и честно отвечаю:

— Наверное, нет. Слишком многое теперь стоит между нами. Слишком больно...

— Тогда не откажешься сходить со мной на свидание? Не сейчас. Я понимаю, что лучше не привлекать лишнего внимания. Когда разорвёшь контракт.

Удивлённо смотрю на Антона.

— Но...ты же читал этот самый контракт? И тебе не противно после всего увиденного начинать отношения со мной? И Громов...он ведь может мстить.

— Я в силах противостоять его мести и смогу защитить от неё тебя.

— Не знаю, Антон.

— Я понимаю твои сомнения. Ты уже настрадалась, натерпелась от подобного мне человека и ждёшь подвоха. Да и сам я сказал, что буду использовать тебя как инструмент мести. Подобные слова не располагают к доверию. Но знаешь, Юль, ты смогла меня чем-то зацепить. У меня своя трагедия, и я далеко не ангел, — Волошин усмехается. — Зато могу обещать честность со своей стороны.

— Я подумаю, Антон.

Владислав

Юля всё больше отдаляется. Неуловимо, стараясь делать вид, что всё по-прежнему, но я чувствую, как она ускользает, подобно ночному видению. Это нервирует, но причину я найти не могу.

— Влад, я снова выхожу на работу. Мне предложили старое место в Химках, и я согласилась. Работать буду посменно, поэтому на контракт моя занятость никак не повлияет.

— Зачем? Тебе чего-то не хватает? — искренне недоумеваю и пытаюсь скрыть раздражение. Нет, меня это решение не просто нервирует, а капитально выводит из себя. Юля снова будет окружена какими-то левыми мужиками, а ещё эта подружка её... Галя, кажется. Бесит!

Сжимаю кулаки, но сохраняю невозмутимую интонацию.

— Я люблю свою работу, Влад. Почему я должна отказываться от того, что люблю?

Ответить мне нечего, поэтому я просто начинаю прикидывать в голове варианты принудительного увольнения строптивой феи. Мне важно, чтобы будущая жена и мать моих детей находилась дома, рядом, в поле зрения. Создавала и хранила уют, а не строила карьеру. Зачем женщине работать, если её мужчина зарабатывает больше чем достаточно?

— А как же квартира? Ты ведь её сдала.

— Да. Поживу пока у подруги.

Это заявление буквально взрывает изнутри. Знаю я этих подруг. Нальёт моей фее в уши какой-нибудь чепухи, которая только усложнит наши отношения.

Ещё и муженёк её выходит через полтора месяца. И я ведь должен показать, что выполнил свои условия договора. А потом... Как бы его снова упрятать куда подальше? Прибегать к крайним мерам не хочется, но и такой вариант отметить не стоит. Слишком много уже вложено. Я не могу отпустить Юлю. Думал, что как только фея станет моей, наваждение пройдёт, но оно только усилилось. Хочу просыпаться и чувствовать рядом её тепло и засыпать каждый день, держа её в объятиях. Чтобы лишь моя и лишь для меня. Запах своего ангела постоянно хочу ощущать. Она снится мне каждую ночь, а наяву постоянно ускользает. Встречи несколько раз в неделю меня абсолютно не устраивают.

А ещё эта терапия, которая продолжается. Беременеть Юле нельзя, и это резко урезает возможности покорения строптивицы. Дети смягчают женщину, привязывают к мужчине. Возможно, если Юля станет матерью нашего совместного ребёнка, то и на меня смотреть будет иначе? А что если её терапия всего лишь ложь?

Эта мысль бьёт хлётко, заставляя поморщиться. Сегодня же наведаюсь к её лечащему врачу. Уж у меня имеются методы убеждения, которые заставят нарушить любую клятву о неразглашении.

На работе сосредоточиться не получается. Всё раздражает, хочется отменить все совещания, чтобы не видеть опостылевшие рожи. Свалить бы куда-нибудь на море. Но это означает, что я снова сорву Юлю с работы, которую она только что получила. Фея не согласится и точно мне этого не простит. Теперь нужно действовать хитрее.

После обеда еду в клинику. Врач под напором быстро сдаётся. Ещё бы, у всех людей есть грязные секреты, которые они будут оберегать любой ценой. Мне стоило только

намекнуть на связи и возможности разузнать эти секреты, как докторишка протянул историю болезни.

— Короче. Юля действительно до сих пор проходит гормональную терапию, которая не позволяет ей забеременеть?

— Вчера пришли последние результаты анализов, и я отменил препараты. Юлия Григорьевна абсолютно здорова. Но я бы не советовал сразу так сильно нагружать организм... Могут возникнуть рецидивы.

— Мы сами теперь с этим разберёмся, — отрезаю холодно. Мне ведь фея сказала, что ей продлили терапию на два месяца. А я устал трахаться в презервативе и всё время себя контролировать. Да и сама ситуация жутко выводит из себя.

Врач поджимает губы, но молчит.

Выхожу из клиники и тут же пишу Юле сообщение.

«Сегодня встретимся. Хочу тебя, ангел».

«Во сколько?» — коротко и как всегда безэмоционально.

«Заеду к семи вечера».

«Хорошо».

Юлия

— Сегодня мужа твоего выписывают, — коротко бросает Влад, пристально глядя мне в глаза. Какой реакции ждёт?

— Хорошо. Я рада, что Рома поправился, — говорю искренне.

— Хочешь вернуться к нему?

— У меня нет возможности. Контракт будет действовать ещё семь месяцев.

— А после? — в голосе Громова металл.

— Нет, не вернусь. Тебе полегчало? Мы не сможем делать вид, что в нашей жизни ничего не произошло. Слишком большие испытания, которые души наши искалечили. Договоримся о встречах с дочерью. Алименты с Ромы я требовать не стану.

— Почему?

— На то есть причины, — ухожу от прямого ответа.

Как объяснить человеку, что я до сих пор чувствую вину? Да, уже не настолько остро, но она снова всколыхнулась после того, как я узнала подробности дела. Разве имею я право что-то требовать от Ромы? Ему и так многое пережить пришлось по моей милости. И пусть я виновата лишь косвенно, но ничего уже не исправить.

— На время лечения мне было запрещено контактировать с мужем, но теперь я должна с ним встретиться и обсудить дальнейшее взаимодействие. У нас общий ребёнок. Ты это понимаешь?

Влад морщится.

— Надеюсь, у тебя не случится припадков по этому поводу, — говорю жёстко.

Громов как-то странно на меня смотрит.

— Считаешь меня неуправляемым?

— Влад, не начинай, — вздыхаю. — Я знаю твой характер и склонности. Успела изучить за это время. Просто предупреждаю о своих планах во избежание необдуманных действий с твоей стороны.

Громов весь напрягается. Кружка с кофе, которую держит сейчас в руках, замирает в нескольких сантиметрах у рта. Неужели сболтнула лишнего и выдала свою осведомлённость? Надо лучше за словами следить.

— Считаешь, что я способен на необдуманные действия? — ледяным тоном.

Слово «необдуманные» Громов подчёркивает особо. Конечно, ведь он как раз все ходы наперёд просчитывает и злодеяния его осмыслены.

— Возможно, я неверно выразилась. Ты бываешь вспыльчив.

— Потому что меня бесит, если покушаются на моё.

— Угу, — нет сил спорить. Даже разговаривать с этим человеком противно.

Проталкиваю в себя бутерброд с рыбой, запивая капучино. После сегодняшней ночи кусок в горло не лезет. Громов имел меня до самого утра, а я только и могла, что повторять про себя, что скоро всё закончится. Остался один день. Вернее, сегодняшняя ночь.

Меня тошнило после любого взаимодействия с Громовым. Хотелось скривиться от каждого поцелуя. Я ненавидела этого человека и мечтала, что настанет час, когда он уйдёт из моей жизни, и я его больше не увижу. Забуду, как страшный сон. Да, пусть это было самообманом; подобные вещи не забываются. Но мне так было легче. Именно благодаря

этим мыслям я продержалась два месяца. А ещё благодаря Антону. Если бы не он, не его поддержка...

Вчера мы проговорили с Волошиным целое утро.

— Завтра, Юльчик. Осталось немного, — сказал он напоследок. — А потом я украду тебя и буду реабилитировать. Поняла меня?

Рассмеялась, как всегда бывало во время разговора с Антоном.

— Я соскучился. Не думал, что буду испытывать подобное к женщине, которую видел пару раз в жизни.

Странно, но я тоже скучала по Антону. Каждый день ждала его звонка, который ложился целебным бальзамом на израненную душу. И наверное, хорошо, что наши отношения начинаются подобным образом — по телефону, плавно и неторопливо. Мы постепенно узнаём друг друга: привычки, интересы и прочие мелочи. И сейчас я ощущаю готовность к отношениям. Нормальным, здоровым, не осквернённым принуждением и обидами. Мне хочется чувствовать себя интересным собеседником, человеком с мнением которого считаются, а не только объектом сексуальных фантазий. Я вообще к сексу иначе стала относиться. Мне нравилось заниматься любовью с мужем. Рома всегда был нежным и внимательным. Да, не хватало перчинки, особенно после рождения Маришки, но ни разу я не ощутила себя вещью.

С Громовым всё наоборот — перца в избытке, удовольствие только под допингом и это мерзкое ощущение, что тебя пользуют. Профессионально, пытаюсь доставить удовольствие, но пользуют. Кстати, Влад стал всё сильнее раздражаться из-за того, что не могу с ним кончить на трезвую голову. Вот и сегодня до самого утра изводил, пытаюсь выдавить оргазм. А потом пообещал к концу недели сводить меня к сексопатологу. Он реально не понимает, что невозможно получить удовольствие с человеком, который лишь отвращение вызывает?

— О чём задумалась?

Вздрагиваю и чуть кружку не роняю.

— О приватностях судьбы?

Брови Влада в удивлении ползут вверх.

— И что надумала?

— Да, в общем, ничего. Просто вспомнила, какой мечтательницей раньше была. Ждала большую и светлую любовь. А она вот так на осколки разлетелась.

Вижу, как заходили желваки на лице Влада.

— Пойдём, мне на работу уже пора.

Громов помогает надеть пальто, а после того как привозит домой, ещё долго целует, не отпуская.

— Когда я дождусь твоего согласия переехать ко мне? — стонет. — Фея, ты меня извела.

Молчу, мечтая побыстрее сбежать. Считаю уже не минуты, а секунды.

— Мы уже всё обсудили, Влад.

— Да, контракт, — Громов сжимает кулаки. — И чего ты так на нём зациклилась?

— Действительно, — издаю горький смешок.

— Не хочу снова обмусоливать эту тему, — Влад морщится. — Но я добьюсь своего, ангел. Дождусь, когда этот чёртов срок истечёт и сделаю всё, чтобы ты замуж за меня пошла.

— Сделанного не воротишь. Ты первые месяцы всё время меня тыкал носом в этот злополучный договор. Думаешь, я просто вычеркну это из памяти?

— Но у нас ведь и много хорошего было, Юль. Почему ты драматизируешь?

— Поездка на Мальдивы, где ты меня унизил, как только мог? Париж... Да, за него спасибо. Маришка запомнила эту поездку на всю жизнь. В остальном я ощущала себя задыхающейся. Как будто мне кулёк на голову одели и постепенно перекрывают кислород. Это, по-твоему, забота? Я должна добровольно хотеть остаться с пакетом на голове? Вспомни, какую ты истерику закатил по поводу работы.

Да, Влад узнал, что я его обманула. Навёл справки, а потом приехал к Гале и буквально силком увёз от подруги.

— А ты считаешь нормальным врать?

— Я? — задыхаюсь от подобного вопроса. Уж кто бы говорил о вранье.

— Зачем тогда этот фортель выкинула?

— Может, мне хотелось немного свободы? — кидаю с вызовом. На самом деле, мы уже обсуждали всё, но опять сдержаться не могу. Раздражение неконтролируемыми волнами накатывает. — Я хочу общаться с подругами, иметь личную жизнь, любимую работу. Это ненормальная потребность?

— Не начинай!

— Да это ты начал!

— Юль, остынь немного. Встретимся завтра. Хочу отвезти тебя в одно шикарное место, — Влад, как всегда, переводит тему.

— Угу, — отвечаю, ощущая, как буквально пар из ушей валит.

Каждый скандал Громов сглаживает поездкой в какое-нибудь шикарное место. Когда у него случился приступ бешенства в прошлый раз, он отвёз меня кататься на лыжах в Альпы на пару дней. Как же мне не хотелось оставаться с ним наедине, но пришлось подчиниться. В итоге лыжами мы занимались не больше пары часов. В остальное время, как я и боялась, Громов доказывал, что я его женщина, трахая до изнеможения. Мне кажется, он нашёл новый способ сбрасывать своё бешенство. Раньше это была скорость, а теперь секс со мной.

Но сегодня я стану свободна. Подставляю щёку для последнего поцелуя и буквально бегом скрываюсь в подъезде, а там уже даю волю эмоциям. Меня трясёт и выламывает, слёзы катятся по щекам. Не верится, что всё закончилось. Ещё одна встреча, где я выскажу этому ублюдку всё и больше его не увижу!

Владислав

— Какого чёрта?! — не сдерживаюсь, ударяя кулаками о стол. Юля вздрагивает, но продолжает смотреть в глаза. Прямы и несгибаемо.

— Я хочу разорвать договор, — повторяет она твёрдо, а я теряю связь с реальностью.

Отшвыриваю сумку с деньгами и начинаю медленно приближаться к ней. Пятится, в глазах страх и непокорность. И не одна ведь пришла, а с юристом — будь он неладен. По закону состряпанная бумага одиноким прямоугольником белеет на столе.

— Подпиши, — в тоне Юли сталь, хотя я вижу, как непросто ей даётся подобная выдержка.

— Я не понимаю, — сжимаю зубы до боли, в глазах темнеет. — Почему? Где ты нашла такую сумму?

— Волошин одолжил, — на губах феи расцветает кривая усмешка.

— Продалась этому гаду?! — взрываюсь. Ещё немного и меня в клочья разнесёт.

— По себе всех меришь? — снова эта саркастическая усмешка. — Поверь, не все такие мрази как ты! — выплёвывает. — Ненавижу! Я тебя настолько ненавижу, что едва сдерживаюсь, чтобы смерти не пожелать. Знаю, что нельзя подобные вещи произносить, только поэтому проклятия в твой адрес ещё не прозвучали.

— Выйдите! — рывком на юриста, но того будто к полу приклеили.

И только после кивка Юли мужчина покидает кабинет.

— На улице меня дожидается Антон с охраной. Даже не думай что-нибудь выкинуть.

— Так вот, какова твоя благодарность? — не удаётся скрыть горечь в голосе.

— Благодарность?! — взвизгивает Юля. В глазах настоящее бешенство. — Ты рассудком тронулся! — не вопрос — утверждение. — Долбаный искалеченный психически мерзавец, который ломает людей ради прихотей! Думаешь, я не знаю, что авария мужа была подстроена тобой? Что ты заплатил свидетелям, подкупил полицию и уничтожил все улики?! Какой же мразью надо быть, чтобы лицемерно предлагать помощь, попавшей в беду женщине. Спаситель грёбаный! Ублюдок! Вынудил меня прийти и подписать контракт, делая вид, что это моё решение. Но по факту ты не оставил мне выбора. Либо в петлю, либо к тебе в постель. Думал, что я расплывусь в благодарности? Растаю перед благодетелем, который подарками меня засыпает? На чужом несчастье не построить счастье! Слышал эту поговорку? Манипулятор и мразь. Я знаю, что ты таблетки подменил! — Юля почти в истерике, но продолжает держаться. Ещё ни одна слезинка не скатилась из огромных серых глаз. Настоящее грозное небо, принёсшее мне погибель.

— И это я сама выяснила. Без чьей-либо помощи! Не на ту нарвался, Громов. Я не набитая идиотка, которой можно глаза замылить подарками. Твоё гнилое нутро я почувствовала сразу. Как жаль, что внешне люди не отражают внутреннее содержание. Ты точно был бы самым отвратительным гоблином, Влад. Гори в аду!

Последние слова Юля выкрикивает сорвавшимся голосом.

— Поверила Антону? — цежу с холодной усмешкой. — Это он тебе про аварию наплёл и подкуп полиции?

Знаю, что Волошин каким-то невероятным образом правду нарыл, но пытаюсь выкрутиться из ситуации, разыгрывая последний козырь. Юля всегда была подозрительной,

на этом сейчас и пытаюсь выгрести. В её глазах на мгновение мелькает сомнение. Мне хватает этой секунды, чтобы выбрать тактику.

— С чего ты решила, что Волошин не воспользуется ситуацией и не запудрит тебе мозги, выставив меня в самом отвратительном свете? Неприязнь ко мне настолько велика, что затмила твой разум? Что потребовал Антон взамен? М?

— Ничего, — хрипло. И я понимаю, что просчитался.

— Да ладно. Святой Антон безвозмездно тебе миллионы отдал? Не такой он человек. Юля.

— Не просто так, — лицо феи перекашивается от неестественной улыбки. — За шанс отомстить. Настю помнишь?

Чёрт! Он эту девку сюда приплёл. До сих пор обиду держит, что проиграл? Не думал, что Волошин такой мелочный и злопамятный.

— При чём тут она?

— Ты привык играть чужими жизнями, настолько опаскудился, что даже не понимаешь?

— Юля! — рычу, пытаюсь схватить девушку за руку, чтобы хорошенько встряхнуть.

— Не смей прикасаться. Больше никогда, Громов. Меня тошнит от тебя! Я вообще не понимаю, как продержалась последние два месяца. Меня выворачивало от каждого касания, поцелуя и твоего запаха.

Замираю. Это признание бьёт сильнее всех предыдущих обвинений и оскорблений.

— Ещё никогда в жизни я не испытывала настолько сильного омерзения, — продолжает Юля, и на её лице проступает гримаса отвращения, подтверждающая слова. — Подпиши документ и больше никогда не появляйся в моей жизни.

Она дрожащей рукой лезет в сумочку и достаёт конверт, а потом швыряет его к моим ногам.

— Здесь оба браслета. Подавись ими! Все вещи, что ты мне покупал, уже отправлены на твой адрес.

— Юля... Волошин воспользовался тобой.

— А ты нет?! — выкрикивает она.

— Я люблю тебя. До сих пор. Несмотря на все мерзости, что услышал от тебя.

— Ты их в полной мере достоин. И даже больше, Громов, — шипит. — Посмотри мне в глаза и поклянись, что авария — это не твоих рук дело.

Сжимаю кулаки и впиваюсь в неё взглядом.

— Я не имею к ней отношения, — говорю холодно. За несколько лет научился отменно врать. В крупном бизнесе выживают только лицемеры и законченные мрази. Если Юля считает, что Волошин другой — она сильно заблуждается. Миллиарды не удержат бесхребетному хлюпику, неспособному на жёсткие меры. Часто противозаконные. Когда попадаешь в десятку знаменитого журнала, границы добра и зла уже полностью стёрты. Подставы, интриги, ложь, убийства. Если необходимо, идёшь на всё, чтобы самому не стать жертвой более крупного хищника. Волошин в десятке вместе со мной. Он ничем не отличается. Душа его давно почернела.

— Настя покончила с собой, — тихо и невпопад говорит Юля. — А тебе я не верю. И если ты сейчас же не подпишешь бумаги, то пойду в прессу и расскажу всё об аварии и о контракте. Моё имя будет втоптанно в грязь, но и ты чистым не выйдешь.

— Не боишься, девочка?! — не выдерживаю, хватая Юлю за подбородок.

Юлия

— Помнишь, как мы собирались отметить твоё освобождение? — Антон лукаво улыбается.

— Угу. За просмотром фильма и поеданием вредной гадости.

— Поехали?

— К тебе?

— Естественно!

Киваю. Сейчас мне необходима поддержка этого мужчины. Пусть временная, но в данный момент катастрофически важная.

Дом Волошина расположен в одном из элитных посёлков Москвы. Трёхэтажный особняк, выполненный в интересном стиле. Везде дерево, натуральный камень и огромные панорамные окна.

Когда вхожу в дом, немного теряюсь и начинаю испытывать чувство тревоги. Что если я обманываюсь, доверяя этому человеку?

— Что будем пить? — Антон ведёт меня в большую гостиную с серым пушистым ковром и огромным телевизором. — Шампанское, вино или что-то покрепче?

— А можно безалкогольное?

— Желание дамы — закон. Хотя я на твоём месте точно нажрался бы до поросычьего визга, — Волошин издаёт громкий смешок. — Располагайся.

Небольшой, но удобный на вид диванчик, манит свернуться на нём калачиком и просто поспать, восстанавливая нервные клетки, но я не могу себе позволить такой наглости. Стол ломится от всяческих угощений, начиная с пиццы, заканчивая бургерами и стрипсами. Антон не обманул; сегодня мы будем объедаться очень вредной пищей. На сердце становится легче.

Сажусь на диван и беру бокал с апельсиновым соком.

— Он лютовал, — усмехаюсь. Даже пытался опровергнуть обвинения.

— Ну, это было предсказуемо, — Антон с размаха усаживается рядом. — Влад знает, что это я тебе деньги дал?

Киваю.

— И как? Наверняка сказал, что ты попала в новую паутину, а я коварный огромный паук, который непременно высосет из жертвы все соки.

— Пока что сравнение с пауком Громову подходит больше, — кидаю осторожный взгляд на Антона.

— Надеюсь, ты меня никогда не захочешь сравнить с этим мерзким существом. Ненавижу пауков.

— Я тоже их боюсь, — улыбка невольно расплывается по лицу.

— А ещё я не люблю тёмную, глубокую воду. И мутную... мороз по коже, как представляю, что там может обитать.

На этот раз не выдерживаю и начинаю смеяться.

— Что?

— Ничего. Я тоже этого боюсь. А ещё темноты.

— Да-да. До сих пор иногда представляю, что у меня под кроватью монстр прячется! —

Антон забавно округляет глаза.

— Вот не пойму, серьёзно ты сейчас или нет, — качаю головой.

— Я рушу имидж властного, сексуального и бесстрашного самца? — Антон забавно играет бровями.

— Совершенно. Вдребезги.

— Печалька, — вздыхает. — Я сам у себя украл шанс покорить сердце такой красавицы. Теперь она меня будет считать трусом.

— Антон, а если серьёзно. Тот контракт... Ты ведь его читал. Там столько грязи. Зачем тебе связываться с женщиной, которая была по факту элитной проституткой?

— Не сравнивай, — с лица Волошина вмиг слетает маска дурашливости. — Громов поставил тебя в безвыходное положение. Ты не по своей воле прошла через всё.

— Я добровольно подписала бумаги.

— Нет. Ты спасала мужа. Это другое.

— Ты оправдываешь мою продажность благородством? Ведь я могла не идти на подобный шаг.

— Никогда! Слышишь? Никогда не смей думать о себе в подобном ключе! Юлька, это же полный пи*дец! Насколько нужно было растоптать твою самооценку?

Опускаю взгляд.

— Иди сюда, — Антон сгребает меня в объятия и включает сериал. — Запомни: ты — восхитительная, сильная, умная и самоотверженная женщина. На этом всё. Дополнений не будет. Хватит грызть себя. Договорились? Чтобы я не слышал больше подобного из твоих уст. А сейчас нас ждёт доктор Хаус.

И мы, действительно, целый день смотрели телевизор и поедали горы вкусок, перекидываясь лёгкими шутками и только в самом конце вечера, когда я собиралась домой, мы замерли на пороге в неловкости. Мне хотелось поцеловать его, но я не понимала, будет ли уместно первой сделать это, а мужчина тоже не торопился. Возможно, боялся напугать. Так мы и стояли несколько секунд, пока синхронно не сделали шаг навстречу, забываясь в поцелуе. И каким же он был восхитительным! Я давно не ощущала подобного. Казалось, что земля уходит из-под ног, а в животе порхают бабочки.

Антон поначалу действовал осторожно, будто сапёр, ступающий по минному полю. Но постепенно мягкий, нежный, почти невесомый поцелуй становился более напористым и жарким. Я чувствовала себя тонкой свечой в его руках, которую подожгли, и она плавится от каждого прикосновения. Я чувствовала себя в безопасности в руках Антона и готова была пойти дальше, но он отстранился первым.

— Тебя точно ждут дома, — он с улыбкой заправил прядь волос мне за ухо. — И не смей себе сейчас придумывать всякие гадости. Я очень хочу тебя, но считаю, что столь стремительное развитие событий — это неправильно в нашем случае. Ты слишком многое пережила, и я не хочу пользоваться ситуацией. Хочу, чтобы у тебя был нормальный период ухаживаний. Ты заслужила, Юль. А потом, если не передумаешь, не разочаруешься во мне, то... — Антон снова забавно поиграл бровями, а я брызнула со смеху.

Ну как можно быть таким? Чертовски сексуальным, забавным и сильным одновременно. Ведь правильно заметил Громов; в десятку самых богатых в мире людей просто так не попадают.

— В таком случае, я хочу узнать Волошина не только со стороны лёгкого и юморного человека, а полностью. Все, даже неприглядные стороны. И только тогда смогу сделать

верный, осознанный выбор.

— А может, не стоит?

— В таком случае всё снова будет обманом. Ширмой, созданной специально для меня.

Я устала от отношений, в которых сплошная ложь и недомолвки, Антон.

— Хорошо. И как ты себе это представляешь?

— Не знаю. Пожалуй, стоит начать с рассказов. Правдивых и неприглядных. То, что сам считаешь нужным.

— Не думаю, что тебе стоит знать обо всех моих деяниях, Юля.

— Не обо всех. Лишь то, что покажет какой ты на самом деле.

— А давай поступим иначе?

Заинтересованно смотрю на Волошина.

— Предлагаю на этих выходных погрузить тебя в мой мир. Пара дней, проведённая рядом со мной, даст тебе представление. И обойдёмся без историй. Я совершал многие вещи, которыми гордиться не могу.

— Например?

— Сливал конкурентов. Грязно, Юльчик.

— Убивал? — в груди шевельнулось нечто неприятное.

— Нет, до этого не доходило. У меня есть свои принципы. Эту черту я поклялся никогда не переступить.

— Подставлял?

— Да, — смотрит прямо в глаза, затаскивая меня в дремучий зелёный лес, в котором так легко заблудиться и сгинуть с концами.

— Громова?

— Нет. Этого ублюдка ни разу, хотя именно с ним мне хотелось преступить черту.

И снова я не улавливаю лжи. В кабинете у Влада, когда попросила его сказать правду, ощущала, что Громов врёт. Не знаю... буквально кожей чувствовала, хотя у него ни один мускул не дрогнул. С Антоном всё иначе. Может, сейчас я хочу обмануться?

Эпилог

— Привет, — ощущаю неловкость, глядя на собственного мужа. — Как ты себя чувствуешь?

— Наполовину человеком, наполовину андроидом. Почему ты не навещала? Просто выкинула меня из своей жизни?

— Нет. Рома, такие условия поставил мне Громов. Я должна была пойти на них, чтобы он взялся тебя лечить.

— Почему у меня не спросила, хочу ли я принимать такую помощь?

— Ром, мне невыносимо было видеть, как ты мучаешься. Я старалась ухватиться за любую возможность.

Муж молчит.

— Наверное, нам нужно подать документы на развод и обсудить встречи с Мариной, — говорит после продолжительной паузы.

— Да, наверное, — соглашаюсь тихо.

— Ты с ним?

В голосе Ромы столько брезгливости и презрения, что мне хочется залезть в душ и помыться.

— Нет.

— И как же так вышло, что эта мразь тебя выпустила из когтистых лап?

— Мне помогли.

— Вот как? А ты время зря не теряла, — обидная усмешка, после которой я не могу сдержаться.

— Возможно, если бы ты нормально со мной поговорил, рассказал о шантаже, не оскорблял меня и не подозревал, то всё было бы иначе. Не перекладывай всю вину на мои плечи! Ты ни черта не знаешь, что мне пришлось пережить! Ты заиклился на себе, а я в итоге оказалась между молотом и наковальней, поэтому сейчас у тебя нет никакого права упрекать меня!

Муж молчит, глядя в окно. На лице написано безразличие. Мы стали чужими друг другу.

— Надеюсь, что ты найдёшь себе женщину, с которой будешь счастлив. Бумаги пришлю курьером. С дочерью можешь видеться в любое время. Мы сейчас живём у мамы, а квартиру пришлось сдать, но по договору я могу выселить съёмщиков в первых числах любого месяца.

— Не надо, но я бы не отказался от половины суммы, полученной за сдачу квартиры. Пока работу не найду, жить мне не на что. А с жильём двоюродный брат обещал помочь. У него сейчас гостинка освободилась.

— Конечно.

С этим я и выхожу на улицу, подставляя лицо тёплому солнышку. На дворе уже май, и на мне потрясающее шёлковое синее платье. Антон ждёт меня на стоянке, потому что сама его попросила, а не потому, что он контролирует каждый мой вздох. Вообще, прошедшие три недели превратились для меня в сказку. Никакого прессинга, полная свобода действий, огромные букеты каждое утро и потрясающие свидания по вечерам. И мы ещё не перешли на новый этап, но сегодня я надеялась, что это случится, поэтому надела просто сногшибательный комплект белья.

Антон устроил для меня погружение в свой мир, и я поняла, что этот мужчина далеко

не пушистый, безобидный зайчик. Переговоры он проводил жёстко, не давая поблажек партнёрам. Видно было, что его уважали и боялись пойти наперекор.

Также Волошин поделился несколькими историями из жизни, которые характеризовали его как расчётливого и бескомпромиссного человека. Но на удивление Антон меня не пугал. Возможно, потому что у него остались какие-то принципы и табу.

— Ты так и не рассказал, что случилось с Настей, — поинтересовалась как-то вечером, сидя на открытой террасе речного ресторанчика.

— Громов сделал из неё наркоманку, — холодно ответил Антон.

— Как это произошло?

— А как люди становятся алкоголиками или наркоманами? Они сдаются, не видят другого выхода.

— Но у неё был выход! У неё был ты!

— Она не видела этого.

— Возможно, плохо показывал?

— Юля, Настя была отравлена Громовым. Она жаждала выйти за него замуж, а он пользовался этим. Поверь, я знаю, какие извращения любит этот ублюдок. Он пользовался Настей, как хотел, давая надежду. Она ждала подобно собачонке, став сначала зависимой от него.

— Значит, ей нравились извращения?

Антон вздыхает, глядя на воду, расписанную яркими бликами огней.

— Настя много раз приходила ко мне в слезах и рассказывала ужасные вещи. Я даже предлагал ей уехать в другую страну, готов был купить домик во Франции, но с ней творилось что-то непонятное. С помощью грамотных манипуляций Громов внушил Насте ощущение никчёмности и ущербности, а потом филигранно этим пользовался. Я пытался затащить её к психологу, но тщетно. Потом Настя пропала на несколько месяцев, а позже я узнал, что её пустили по кругу, и в оргии участвовал Влад. Она не выдержала подобного унижения, приняла большую дозу и прыгнула с крыши.

Кулаки Антона сжались, а я только могла задаваться вопросом: избежала ли сама подобной участи?

— У меня ощущение, что ко мне сошла нимфа с полотна талантливого художника, — Антон распаивает передо мной дверь автомобиля.

— Пожалуйста, никаких фей, нимф и прочих мифических существ, — морщусь.

— Понял, — он мягко улыбается.

— Куда едем?

— А у тебя нет подготовленного плана мероприятий? — смеюсь.

— Сегодня решил положиться на твой выбор.

— Тогда к тебе, — говорю, ощущая, как жаром обдаёт лицо. Взрослая женщина, а стесняюсь. Или боюсь? Да, опасения по поводу отношения ко мне Антона никуда не делись.

Мужчина молча трогается, и меньше чем через час мы оказываемся в его особняке. Также в полном молчании минуем двор, даже не дотрагиваемся друг до друга, но ощущение, что искры в разные стороны сыплются. Дыхание сбивается, в трусиках становится мокро. Впервые настолько острая реакция на мужчину. Самой не верится.

Заходим тоже молча, Волошин помогает снять пальто, сам скидывает верхнюю одежду, оставаясь только в строгих брюках и чёрной рубашке с закатанным до локтя рукавом. Этот мужчина редко носит запонки и презирует официоз, но, тем не менее, всегда одет с

иглочки. Волошин сочетает в себе не сочетаемое.

Жестом манит меня вверх по лестнице. В его спальне я ещё не была ни разу. Она большая и светлая с огромной кроватью, застеленной тёмно-синим шёлковым бельём.

Застываю.

Антон заходит мне за спину и медленно отводит волосы, оставляя тёплый поцелуй на шее. По коже мурашки. Звук расстёгиваемой молнии, и платье падает к ногам, а дорожка из поцелуев скользит вниз по позвоночнику, пока не останавливается у копчика. Пальцы медленно отводят край кружевных трусиков, пробуя, насколько я уже мокрая. Из груди Антона вырывается сдавленный стон.

Он резко встаёт, срывает с себя рубашку и затягивает в чувственный поцелуй, проникая языком, лаская рот, покусывая губы, ловя мои всхлипы. Каждое движение осторожное. Тянется к застёжке на лифчике, и тут я закрываюсь.

— Не снимай, — шепчу хрипло.

— Почему? У тебя потрясающая грудь.

— У меня там шрам и...

Мои слабые протесты пресекаются. Лиф тут же слетает, а губы Антона мягко ложатся на тонкую белую полоску. Грудь ещё не восстановила форму, хотя врач обещал, что со временем это выправится.

Задыхаюсь от той нежности, что дарит мне Антон, от его пламени в зелёных глазах, от рваного дыхания и тихих стонов. Он исследует моё тело, наслаждаясь каждым сантиметром, а мне позволено лишь всё глубже погружаться в негу. Попытка перехватить инициативу пресекается.

— Займёшься мной позже, — сдавленный шёпот, и меня опрокидывают на кровать.

Я готова молить, чтобы Антон заполнил меня собой, но он всё медлит, доводя до иступления пальцами и языком. И в момент, когда оргазм вот-вот накроет с головой, входит на всю длину, заставляя задохнуться от наслаждения.

Мы наслаждаемся друг другом весь день. Я люблю совершенным мужским телом, млею от ласк и взглядов, в которых вижу неподдельное восхищение. Боюсь, что счастье, которое разливается в груди — лишь моя выдумка.

— Как мне тебя называть ласково? — интересуется Антон, когда мы оба полностью выдохлись и просто лежим в объятиях друг друга.

— Я сейчас даже на котёнка согласна, — смеюсь.

— А ты знаешь, что Джульетта тоже вариация имени Юля?

— Не хочу такого же печального конца.

— Тогда буду звать тебя Юлой, — улавливаю смешинки в голосе.

— Почему?

— Ты та-а-ак сейчас на мне вертелась! Крышесно просто.

— Ну тебя! — ударяю его кулачком в плечо.

— Да-да-да! Решено. Кстати, Юла, а не хочешь ли ты с подружкой или с дочкой куда-нибудь поехать? На морюшко или просто какую-то страну посмотреть?

— Не с тобой?

— Я присоединюсь позже.

— Слушай, у меня нехорошее предчувствие. Ты хочешь меня выслать?

— Юлька, что тебе везде монстры подкроватные мерещатся? — снова беззаботный смех.

— Ну... Галя в жизни нигде не была, да и Маришка моря не видела.

— Называй любое место!

— Я не разбираюсь в курортах.

— Тогда отправлю вас в Тайланд. Ты не против?

— Спрашиваешь! Как я могу быть против?

И через неделю мы с Галей и Маринкой лежим уже на белоснежном пляже.

— Слушай, Юлька, ну ты и молодец! — восхищённо тянет Галя, отпивая свежесжатый сок из высокого бокала. — Такого мужика себе оторвала!

— О Громе в своё время ты также отзывалась.

— Фу, не напоминай. И потом, твоя интуиция, как показала жизнь, отлично работает.

Про Антона она что говорит?

— Я с ним счастлива.

— Вот и хорошо! — жизнерадостно отвечает подруга и срывается с воплем к океану.

Мы замечательно отдыхаем целых три недели. Антон звонит регулярно, извиняется, что приехать не может.

— Мы обязательно махнём куда-нибудь только вдвоём, Юла. И я соскучился.

— Я тоже, — улыбаюсь, слушая его мягкий голос.

А когда приезжаем в Москву, я узнаю, что Антон устроил Громову невероятные проблемы, из-за которых тому пришлось отправиться в бега.

— Так я была права? Ты специально меня выслал?

— Не хотел, чтобы ты волновалась.

— Что произошло?

— Юль, все проблемы я уладил. Скажу только одно; неужели ты думала, что Громов просто так всё отпустит и забудет?

— Он хотел причинить вред моей семье? — выдыхаю в ужасе.

— Не думай об этом. Уже всё позади.

— Как я могу не думать?! А если ему удастся отомстить?

— Нет. У него теперь другие заботы, да и я держу руку на пульсе. Выходи за меня.

Неожиданный перевод темы вгонят в ступор.

— Какое-то быстрое и спонтанное предложение, — бормочу.

— Мы с тобой знакомы уже несколько месяцев. Считаю, что вполне нормальное.

Выйдешь или мне придётся ползать на коленях и умолять? Или запытать тебя щекоткой, чтобы ты согласилась? — Антон хватает меня на руки и начинает щекотать.

— Выйду! — визжу и хохочу одновременно, и мы падаем с ним в кровать.

Конец

Больше книг на сайте - Knigoed.net